

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ПРИМЕНЕНИЯ
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА**

Материалы международного круглого стола
(Воронеж, 1–2 июля 2021 г.)

Воронеж
Издательский дом ВГУ
2021

УДК 341.01(075)
ББК 67.412
А43

Под редакцией
доктора юридических наук, профессора *П.Н. Бирюкова*

Актуальные вопросы применения международного права
А43 : материалы международного круглого стола (Воронеж, 1–2 июля 2021 г.) / под ред. П.Н. Бирюкова. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2021. – 174 с.
ISBN

В издание включены материалы международного круглого стола, прошедшего в Воронежском государственном университете 1 июля 2021 г.

Видеоматериалы круглого стола доступны по адресу: <https://www.youtube.com/channel/UCgaj-TwuFgy0E59ttiWTXvQ>.

Для студентов, обучающихся по образовательным программам «юриспруденция», «международные отношения», лиц, интересующихся международным правом.

Документы по состоянию на 1 сентября 2021 г.

Материалы публикуются в точном соответствии с файлами-оригиналами, представленными авторами.

УДК 341.01(075)
ББК 67.412

ISBN 978-5-9273-3320-2

© Воронежский государственный университет, 2021
© Оформление, оригинал-макет. Издательский дом ВГУ, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Старилов Ю.Н.</i> Приветственное слово	4
<i>Альтемёллер Ф.</i> Блокирование функционирования Апелляционного органа ВТО.....	6
<i>Бабкина Е.В.</i> Влияние интеграционных процессов на законодательство и правоприменение в Евразийском экономическом союзе	13
<i>Беляева Ю.Л.</i> Реформа организационного механизма защиты финансовых интересов Европейского Союза от коррупции и иной незаконной деятельности	22
<i>Бирюков П.Н.</i> Проблемы электронного правосудия в международном и национальном праве.....	31
<i>Воробьев М.В.</i> Перспективы регулирования международного движения беспилотных автомобилей.....	43
<i>Кашкин С.Ю.</i> Роль цифровых технологий и искусственного интеллекта в эволюции современного права	49
<i>Клемин А.В.</i> Проблемы имплементации права ЕС	61
<i>Колос Д.Г.</i> Проблемы <i>ratione materiae</i> и <i>ratione personae</i> в праве Евразийского экономического союза и практике Суда ЕАЭС	84
<i>Краснова Е.М.</i> Законодательное закрепление полномочий органов внутренних дел (милиции, полиции) государств – участников СНГ	109
<i>Леанович Е.Б.</i> Коллизионные вопросы при рассмотрении дел по отношениям интеллектуальной собственности с иностранным элементом.....	118
<i>Ризккинен М.А.</i> Права молодых людей в документах Совета Европы: особенности применения в России и отдельных Северных странах.....	128
<i>Соседова М.В.</i> Применение судами общей юрисдикции международных норм по гражданским делам.....	136
<i>Четвериков А.О.</i> Международные и наднациональные стандарты нормотворческой деятельности государств	143
<i>Шумилов В.М.</i> Международное социальное право – можно ли говорить о новой отрасли международного права?.....	161

**Приветственное слово
декана юридического факультета ВГУ,
доктора юридических наук, профессора
Юрия Николаевича СТАРИЛОВА**

Дорогие друзья!

Мы рады приветствовать вас в стенах юридического факультета ВГУ! Особенно рады видеть наших гостей из Суда ЕАЭС, дружественной Беларуси, других вузов и учреждений.

Как всегда, в конце учебного года подводятся итоги нашей деятельности. Вчера состоялись, а сегодня продолжаются научно-практические конференции, организованные различными кафедрами юридического факультета ВГУ.

Надо сказать, что на факультете регулярно проходят встречи научной общественности и практиков. Сегодняшний круглый стол, проводимый кафедрой международного и евразийского права, – одна из них.

Послушать действующего судью Суда ЕАЭС, дорогого стоит. Тем более, что Денис Георгиевич недавно защитил кандидатскую диссертацию по вопросам деятельности Суда. Несмотря на то, что о Суде ЕАЭС написано в литературе достаточно много, очень важно услышать информацию из первых уст. Наверняка Вы, Денис Георгиевич, получите много вопросов, как устроен Суд ЕАЭС, какие вопросы рассматривает, как функционирует? Появляется возможность создать иное представление о функционировании этой части судебной системы. Особенно полезно это будет присутствующих здесь студентов, которые в очередной раз прикоснутся к практике.

Я также рад приветствовать кандидата юридических наук, зав. кафедрой международного частного и европейского права Елену Васильевну Бабкину, представляющую Минский государственный университет.

Я уверен – сегодняшняя встреча будет продуктивной. Участники обменяются мнениями, получат ответы на интересующие их вопросы.

Завершая свое приветствие, замечу, что факультет будет благодарен организаторам за публикацию материалов Круглого стола в соответствующих изданиях (их у нас много).

Еще раз хочу поблагодарить наших гостей, которые смогли приехать в столь непростое время, и пожелать успехов в проведении данного мероприятия.

БЛОКИРОВАНИЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ОРГАНА ВТО

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы функционирования международной торговой системы. Автор характеризует деятельность Апелляционного органа по рассмотрению споров в рамках ВТО. Анализируются причины его блокирования со стороны США. Автор рассматривает последствия блокады и изучает способы преодоления этого явления. Детально описываются вопросы соотношения многосторонней и двусторонней практики торговых отношений.

Ключевые слова: многосторонняя торговая система; ВТО; право ВТО; рассмотрение споров в рамках ВТО; Апелляционный орган.

Вначале зададим вопрос: есть ли практическая ценность в международных соглашениях без правоприменительных инструментов? Могут ли многосторонние правила мировой торговой системы пользоваться доверием государств-членов так, чтобы они продолжали придерживаться взаимных обязательств в соответствии с правом ВТО, даже если система ВТО по разрешению споров полностью или даже частично недееспособна?

Апелляционный орган ВТО нелегитимен?

Одно из ключевых достижений Уругвайского раунда заключалась в том, что государства-члены предоставили мировой торговой системе двухуровневую системку урегулирования споров, состоящую из группового процесса, и дополнительной возможности об-

жаловать его решения. Однако эта система все чаще подвергается сомнению.

Сейчас США отказались дать свое согласие на замещение вакантных должностей в Апелляционном органе ВТО, тем самым лишив его на неопределенный срок возможности выполнять свои функции.

Какова предыстория этого препятствия мировой торговой системе?

В 2019 г. представитель Минторга США сделал заявление, согласно которому, что Апелляционный орган неоднократно превышал свои полномочия (overreach) и поэтому утратил легитимность. Это было сделано во время президентства Трампа. Однако сама блокада была инициирована еще Обамой. В настоящее время администрация Байдена всячески сохраняет статус-кво.

«Блокада» подверглась резкой критике со стороны государств-членов ВТО. Во время переговоров о создании Всемирной торговой организации и права ВТО, в первую очередь именно США настаивали на введении процедуры обжалования в качестве дополнения к одноступенчатой процедуре, существовавшая в то время. В течение многих лет принятие решений в ВТО и практика жалоб получила широкое одобрение и стала неотъемлемой частью мировой торговой системы. Почему этот порядок сейчас меняется?

«Блокада» как отражение изменений в международных торговых отношениях

По моему мнению, причины «блокады» объясняются не недостатками в системе разрешения споров. Ее следует рассматривать как результат воздействия внешних факторов.

Многосторонняя система ВТО была мощным инструментом для обеспечения экспорта на протяжении последних десятилетий. Однако сейчас все возрастающее напряжение возникает из-за либерализации многосторонней торговли, поскольку становится все

более очевидным, что интересы членов мировой торговой системы меняются небывалым образом. Этому способствовали более активное участие Китая, растущая роль развивающихся держав. С точки зрения «пострадавших», растущее значение таких стран, как Бразилия, Индия, Индонезия, Россия и др., несет в себе угрозы, которые фундаментально связаны с их конкурентоспособностью. По мнению многих наблюдателей, конкурентная асимметрия возникает из-за использования т.н. «нерыночным инструментам».

Рыночная экономика оказалась недостаточно эффективной, чтобы противодействовать «искажениям конкуренции» в условиях традиционной концепции либерализации. Это, в свою очередь, приводит нас к вопросу: почему многосторонняя система (в прошлом очень успешная для промышленно развитых стран во многих секторах) в настоящее время все больше не удовлетворяет их?

Дело в том, что стратегия государств ВТО в определенных секторах экономики меняется, с переходом на сдержанный, а часто открытый протекционизм¹. Текущие торговые конфликты (особенно отношения между США и Китаем), можно рассматривать как выражение сдвига концепции взаимозависимости и открытия рынка в сторону защиты национальных интересов и дифференциация правил торговли. Хотя мировая торговая система по-прежнему формирует повседневную экономическую жизнь наблюдается увеличивающаяся мозаичность торговой политики государств ВТО, что ведет к переоценке правил многосторонней системы. Несмотря на то, что члены ВТО выражают политическую волю к сохранению системы как таковой, они все чаще обсуждают, способна ли многосторонняя система дифференцированно учитывать интересы либерализации? Чтобы ключевые игроки продолжали свою

¹ См.: *Altemöller F. China and the Emerging Powers in International Trade Relations: The Future of the Multilateral System, the Role of Free Trade Agreements and New Unilateralism // Global Trade and Customs Journal. 2019. Vol. 14. Issue 11, pp. 528–536.*

стратегию, они требуют для себя дополнительных условий и послаблений².

Таким образом, двусторонний и односторонний подходы государств ВТО можно рассматривать как стратегии, призванные дополнить многосторонний подход и расширить диапазон действий и возможностей членов международной торговой системы.

Есть ли оправдание непомерно высоким тарифам США по ст. XXI ГАТТ?

Неоконсервативные мыслители подчеркивают, что достижение целей, которые считаются отвечающими национальным интересам, более важно, чем ориентация на международное право. Опыт показывает, что повышение тарифов в США в некоторых областях является стратегически эффективным и ведет к изменению цепочек поставок. В результате отдельные отрасли получают конкурентные преимущества, которые в противном случае были бы недостижимы. В этом контексте на вопрос о том, совместимы ли непомерно высокие тарифы США с фундаментальными правилами ГАТТ, может быть дан ответ, что применяются меры «в интересах национальной безопасности» в соответствии со статьей XXI ГАТТ.

Отчет Группы «Россия – меры в отношении транзитных перевозок»³ демонстрирует, что право ВТО и практика принятия решений предоставляют механизмы, которые как открывают, так и ограничивают возможности национальной политики. Одновременно они показывают, как указанные механизмы выполняют свое предназначение. По сути, речь идет о распределении суверенных полномочий. С точки зрения договаривающейся стороны, которая ссылается на статью XXI ГАТТ, широкое применение представляется выгодным, чтобы таким образом оправдать максимально

² См.: *Altemöller F. Bilateralism and Unilateralism: The Future of International Trade Relations? // Global Trade and Customs Journal. 2018. Vol. 13. Issue 2, pp. 62–68.*

³ World Trade Organization, *Russia – Measures Concerning Traffic in Transit. Report of the Panel. WTO-document WT/DS512/R from 5.4.2019.*

широкий диапазон суверенных действий. Однако такое обширное применение также оказывает большее негативное влияние на других. Право ВТО предусматривает существенное регулирование баланса этих взаимозависимостей.

Урегулирование споров в ВТО незаменимо и в будущем

Посредством урегулирования споров в ВТО государства-члены создали эффективный инструмент для оценки возникающих споров в рамках процедур, которые демонстрируют высокую степень прозрачности и независимости. Им удалось, насколько это возможно, заменить политику, ориентированную на власть, на политику, основанную на правилах. Блокируя Апелляционный орган ВТО, Соединенные Штаты предотвращают применение санкций за возможные действия, несовместимые с ВТО, и тем самым отменяют функции многостороннего контроля и защиты в ущерб другим договаривающимся сторонам. Функциональность многосторонней системы и соблюдение международных правил обеспечивают фундаментальную основу, особенно для средних и малых стран, для реализации своих экспортных возможностей. Это имеет огромное значение для международного сообщества, что мировая торговая система продолжает служить форумом в будущем, где спорные вопросы могут быть должным образом оценены на основе правил.

Какова позиция администрации Байдена в отношении ВТО?

Будущее системы ВТО будет зависеть от того, насколько успешно президентство Байдена⁴ и государства-члены ВТО будут преобразовывать перегруженные конфликтами протекционистские тенденции во взаимовыгодное сотрудничество. Для преодоления «блокады» некоторые члены ВТО заключили временное

⁴ Jeffrey L. Snyder and Shelley Su. Bumpy transition and lots to reverse for Biden with a full trade agenda ahead // *Regulating for Globalization*, 19.01.2021 // URL: <http://regulatingforglobalization.com/2021/01/19/bumpy-transition-and-lots-to-reverse-for-biden-with-a-full-trade-agenda-ahead>.

соглашение – «Заявления о механизме разработки, документирования и обмена практиками и процедурами при ведении споров в ВТО»⁵. Участниками являются Австралия, Бразилия, Канада, Китай, Чили, Колумбия, Коста-Рика, Европейский союз, Гватемала, Гонконг, Китай, Исландия, Мексика, Новая Зеландия, Норвегия, Пакистан, Сингапур, Швейцария, Украина и Уругвай. Другим договаривающимся сторонам ВТО предлагается присоединиться к нему. Участвующие стороны хотят взять восстановить функциональность Апелляционного органа ВТО. Это, безусловно, будет достигнуто за счет сохранения и укрепления права ВТО, но не за счет разрушения возможностей наднациональных институтов.

Отметим, что тексты соглашений ВТО, по сути, отражают ситуацию на момент основания ВТО четверть века назад. Мир, в котором сейчас находятся государства-члены ВТО, – это мир новых держав, усиливающихся конфликтов, острых социальных и экологических противоречий, а также проблем и возможностей, создаваемых IT-технологиями. В этой среде сейчас более, чем когда-либо ранее, государства сталкиваются с задачей поиска решений для стабилизации и дальнейшего развития.

Торговая система ВТО ориентирована на международное сотрудничество и при этом создает основу, привлекательную для всех договаривающихся сторон.

Литература

Altemöller F. China and the Emerging Powers in International Trade Relations: The Future of the Multilateral System, the Role of Free Trade Agreements and New Unilateralism // *Global Trade and Customs Journal*. 2019. Vol. 14. Issue 11, pp. 528–536.

⁵ Statement on a mechanism for developing, documenting and sharing practices and procedures in the conduct of WTO disputes // URL: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S006.aspx?Language=ENGLISH&SourcePage=FE_B_009&Context=Script&DataSource=Cat&Query=%40Symbol%3DJOB%2FDS*&DisplayContext=popup&languageUIChanged=true#.

Altemöller F. Bilateralism and Unilateralism: The Future of International Trade Relations? // *Global Trade and Customs Journal*. 2018. Vol. 13. Issue 2, pp. 62–68.

Jeffrey L. Snyder and Shelley Su. Bumpy transition and lots to reverse for Biden with a full trade agenda ahead // *Regulating for Globalization*, 19.01.2021 // URL: <http://regulatingforglobalization.com/2021/01/19/bumpy-transition-and-lots-to-reverse-for-biden-with-a-full-trade-agenda-ahead>.

Statement on a mechanism for developing, documenting and sharing practices and procedures in the conduct of WTO disputes // URL: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S006.aspx?Language=ENGLISH&SourcePage=FE_B_009&Context=Script&DataSource=Cat&Query=%40Symbol%3DJOB%2FDS*&DisplayContext=popup&languageUICChanged=true#.

World Trade Organization, Russia – Measures Concerning Traffic in Transit. Report of the Panel. WTO-document WT/DS512/R from 5.4.2019.

Altemöller Frank

Doctor of Law, Professor, Harz University, Germany

BLOCKING THE FUNCTIONING OF THE WTO APPELLATE BODY

Annotation: The article deals with the problems of functioning of the international trading system. The author characterizes the activities of the Appellate Body for the consideration of disputes within the WTO. The reasons for its blocking by the United States are analyzed. The author examines the consequences of the blockade and studies ways to overcome this phenomenon. Issues of correlation of multilateral and bilateral practice of trade relations are described in detail.

Key words: multilateral trading system; WTO; WTO law; consideration of disputes within the WTO; Appellate Body.

Е.В. Бабкина

*кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой
международного частного и европейского права, Белорусский
государственный университет (Минск)*

E-mail: babkina@bsu.by

ВЛИЯНИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу влияния эволюции региональной экономической интеграции на развитие нормотворчества и правоприменения в интеграционном объединении. Проанализировано различие в источниках правового регулирования в зависимости от политики, применяемой для регулирования. На примере практики Суда ЕАЭС продемонстрирована роль правоприменительных органов интеграционных объединений в развитии права ЕАЭС и национальной нормотворческой и правоприменительной практики.

Ключевые слова: Договор о Евразийском экономическом союзе, Евразийская экономическая комиссия, Евразийский экономический союз, Суд Евразийского экономического союза, консультативное заключение, решения Суда Евразийского экономического союза.

Высшей целью интеграционного объединения является создание единого правового пространства. Очевидна невозможность достижения названной цели в короткие сроки и во всех сферах общественных отношений, это требует учета суверенитета. По этой причине интеграционные объединения используют различные формы правового регулирования. Договор о Евразийском экономическом союзе 2014 г. (далее – Договор о ЕАЭС) в ст. 2 выделяет три вида политик, осуществляемых Союзом (далее – ЕАЭС, Союз): единая, согласованная и совместная.

Единая политика – политика, осуществляемая государствами-членами в сферах, предусмотренных Договором о ЕАЭС. Она

предполагает применение государствами-членами унифицированного правового регулирования, в том числе на основе решений органов Союза в рамках их полномочий. Она реализуется через нормы прямого регулирования. В рамках ЕАЭС приняты такие правовые акты прямого регулирования, как Таможенный кодекс ЕАЭС, решения ЕЭК по конкуренции и антидемпинговым пошлинам, технические регламенты (документ, устанавливающий обязательные к исполнению требования к объекту технического регулирования) и др.

В ЕС высшей формой выражения единой политики является Регламент, средство унификации права государств-членов, с помощью которого на территории Европейского союза вводятся единые правила поведения в конкретной сфере.

Согласованная политика – это политика, осуществляемая государствами-членами в различных сферах. Она предполагает гармонизацию правового регулирования, в том числе на основе решений органов Союза, в степени, необходимой для достижения целей Союза, предусмотренных Договором о ЕАЭС.

Примером оптимальной формы источника согласованной политики является Директива ЕС. Она имеет обязательную силу для каждого государства-член, которому адресована, в отношении результата, которого необходимо достичь. При этом за национальными нормотворческими институтами сохраняется компетенция в отношении формы и способов достижения результата, предписанного директивой. Можно только сожалеть об отсутствии аналога, которая наиболее эффективна на начальных этапах функционирования интеграционного объединения, такой формы правового регулирования в ЕАЭС.

Скоординированная политика – политика, предполагающая осуществление сотрудничества государств-членов на основе общих подходов, одобренных в рамках органов Союза, необходимых для достижения целей Союза, предусмотренных Договором о ЕАЭС.

Такая политика может быть реализована как посредством заключения международных договоров между государствами-членами, так и посредством принятия актов органов интеграционного объединения, в частности модельного законодательства. Следует обратить внимание на то, что вышеназванная форма правового регулирования существовала в Евразийском экономическом сообществе. Так, ст. 7 Договора об учреждении Евразийского экономического сообщества 2000 г. устанавливала: сближение правовых систем государств-участников осуществляется посредством принятия Межпарламентской ассамблеей основополагающих нормативных правовых актов сообщества, в том числе основ законодательства в базовых отраслях законодательства, устанавливающих единые начала (Концепция основ законодательства об инвестициях, Концепция основ таможенного законодательства и др.). «Межпарламентская Ассамблея является органом парламентского сотрудничества в рамках ЕврАзЭС, рассматривающим вопросы гармонизации (сближения, унификации) национального законодательства Договаривающихся Сторон и приведения его в соответствие с договорами, заключенными в рамках ЕврАзЭС в целях реализации задач Сообщества... Межпарламентская Ассамблея в пределах своих полномочий: разрабатывает Основы законодательства в базовых сферах правоотношений, подлежащие рассмотрению Межгоссоветом; принимает типовые проекты, на основе которых разрабатываются акты национального законодательства...». Межпарламентской ассамблеей СНГ принято более 400 модельных законодательных актов.

Однако не только нормотворческие органы интеграционного объединения формируют правовую систему, которую мы называем «право интеграционного объединения». Судебные органы интеграционного объединения несмотря на то, что они не всегда наделены компетенцией в сфере правотворчества, восполняют пробелы в праве Союза. В соответствии с п. 102 Статута Суда, являющегося приложением № 2 к Договору о ЕАЭС, решение Суда не изменя-

ет и (или) не отменяет действующих норм права Союза, законодательства государств-членов и не создает новых.

Например, в соответствии с п. 4 ст. 43 Положения о Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК, Комиссия), являющегося приложением № 1 к Договору о ЕАЭС, в компетенцию ЕЭК входит осуществление мониторинга и контроля исполнения международных договоров, входящих в право Союза, и решений Комиссии, а также уведомление государств-членов о необходимости их исполнения.

Установив названную компетенцию Комиссии, евразийский законодатель оставил без ответа множество вопросов: По чьей инициативе проводится мониторинг? Что собой представляет? Каков порядок его проведения? Достаточно ли для проведения мониторинга изучение законодательства государства-члена или необходим анализ и правоприменительной практики? Обязательно ли уведомление государства-члена по итогам мониторинга или Комиссия в этом вопросе имеет дискрецию?

Суд ЕАЭС в своих консультативных заключениях неоднократно обращался к теме мониторинга и сформулировал несколько правовых позиций.

Во-первых, при отсутствии прямого запрета на направление в Комиссию требования по проведению мониторинга для хозяйствующих субъектов они могут быть инициаторами проведения мониторинга (Решение Коллегии Суда от 28 декабря 2015 г. по делу по заявлению ИП Тарасика К.П.).

Во-вторых, для открытия процедуры хозяйствующему субъекту необходимо представить в Комиссию обоснованные доводы, свидетельствующие о том, что в правовой системе государства-члена существуют нормы, не соответствующие международным договорам, входящим в право Союза, в государствах-членах складывается неединообразная практика применения международных договоров (Решение Коллегии Суда ЕЭС от 11 октября 2018 г. по делу по заявлению ООО «Ойл Марин Групп» к Евразийской экономической комиссии).

В-третьих, хозяйствующий субъект обладает законным интересом в надлежащем исполнении государствами-членами права Союза. Мониторинг исполнения права Союза конкретным государством не должен ограничиваться анализом законодательства, но и включать анализ правоприменительной практики.

В-четвертых, обращение за мониторингом является досудебной процедурой (Решение Коллегии Суда ЕЭС от 11 октября 2018 г. по делу по заявлению ООО «Ойл Марин Групп» к Евразийской экономической комиссии).

Наконец, именно судебной практикой дано определение мониторинга, осуществляемого Комиссией – это деятельность уполномоченного органа Союза по сбору, обобщению и оценке информации о соблюдении государствами-членами права Союза в целях обеспечения единообразного и эффективного правового регулирования в рамках Союза (Решение Апелляционной палаты Суда от 3 марта 2016 г. по делу № СЕ-1-2/2-15-АП)).

Несмотря на отсутствие специального акта права Союза, регулирующего процедуру проведения мониторинга, на основании правовых позиций Суда принят приказ ЕЭК от 12 марта 2020 г. № 56 «О порядке проведения мониторинга исполнения (соблюдения) государствами – членами международных договоров, составляющих право ЕАЭС, решений ВЕЭС, ЕМПС и ЕЭК» (с изм. от 28 сентября 2020 г.). В соответствии со ст. 6 Договора о ЕАЭС к источникам права Союза относятся международные договоры в рамках Союза; международные договоры Союза с третьей стороной; решения и распоряжения Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета и Евразийской экономической комиссии, принятые в рамках их полномочий, предусмотренных настоящим Договором и международными договорами в рамках Союза.

Большой вклад в развитие права ЕАЭС и влияние на национальную правоприменительную практику государств-членов оказало консультативное заключение Суда ЕАЭС от 7 декабря 2018 г.

по заявлению ЕЭК, так называемое «Дело о профессиональных спортсменах». Вынесению названного судебного акта предшествовало принятие 11 мая 2017 г. Комиссией решения № 47 «О выполнении государствами-членами обязательств в рамках функционирования внутреннего рынка ЕАЭС», которым государства – члены ЕАЭС были уведомлены о необходимости исполнения п. 2 ст. 97 Договора о ЕАЭС в отношении трудовой деятельности, осуществляемой профессиональными спортсменами – гражданами других государств-членов ЕАЭС. Однако Российская Федерация заявила, что дополнительные требования к иностранным спортсменам – гражданам государств – членов ЕАЭС направлены на создание условий для подготовки российских спортсменов.

Не согласившись с таким дискриминационным подходом государства-члена, Суд в консультативном заключении сформулировал важнейший для обеспечения свободы перемещения рабочей силы в интеграционном объединении постулат: государства-члены принимают на себя обязательство не устанавливать ограничений в целях защиты национального рынка труда, а если они установлены, то не применять их к трудящимся государств-членов, за исключением ограничений, установленных Договором о ЕАЭС и законодательством государств-членов в целях обеспечения национальной безопасности и общественного порядка (Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 7 декабря 2018 г. по делу по заявлению ЕЭК).

Названное решение было исполнено государствами-членами. В частности Приказом Министерства спорта РФ от 13 февраля 2019 г. № 109 «О внесении изменений в Приказ Минспорта России от 14 июля 2015 г. № 732» отменены количественные ограничения в отношении белорусских спортсменов. В данном нормативном правовом акте исключение из общего ограничения было сделано для «иностранцев граждан, являющихся гражданами Союзного государства, образованного Российской Федерацией и Республикой Беларусь, при условии, что такие граждане имеют право выступать за спортивные сборные команды по футболу Республики Беларусь». В дальнейшем, Приказом Министерства спорта РФ от

3 декабря 2019 г. № 1022 «О внесении изменений в Приказ Минспорта России от 14 июля 2015 г. № 732» существовавшее исключение, распространяющееся на иностранцев – граждан Союзного государства, расширено до «граждан государств – членов ЕАЭС, которые имеют право выступать за спортивные сборные команды государств – членов ЕАЭС».

Аналогичные ограничения были сняты в отношении спортсменов, занимающихся другими командными видами спорта (приказы Минспорта России от 2 декабря 2019 г. № 1017 – 1023 по таким видам спорта, как баскетбол, водное поло, волейбол, гандбол, регби, хоккей на траве).

Ярким примером служит консультативное заключение от 4 апреля 2017 г. В основе дела лежало обращение Минюста Республики Беларусь о разъяснении норм ст. 74–76 Договора о ЕАЭС и вопрос о возможности установления в законодательстве государств-членов иных критериев допустимости «вертикальных соглашений» в условиях, когда Договором предусмотрено право государств вводить дополнительные запреты, а также дополнительные требования и ограничения. Суд, констатируя различия в понятиях «критерий допустимости» и «запрет», сделал вывод о том, что данная норма наделяет государства компетенцией устанавливать нормы-запреты, а не нормы-дозволения, то есть постановил невозможность снижения государством доли хозяйствующего субъекта на товарном рынке товара ниже 20 % как критерия допустимости «вертикальных соглашений», то есть высказался против ограничения государством прав хозяйствующих субъектов в вопросах конкуренции⁶.

⁶ См.: Бабкина Е.В. Механизмы защиты прав и законных интересов хозяйствующих субъектов на рынке ЕАЭС // Трансформация парадигмы права в условиях глобализации и международной региональной интеграции. Материалы Международной научно-практической конференции по итогам Петербургского международного юридического форума – региональной площадки в Южном федеральном университете / под ред. П.Н. Бирюкова, А.Е. Тарасовой. М., 2019. С. 12–22.

Таким образом, поступательная динамика региональной экономической интеграции обеспечивается различными актами права интеграционного объединения согласно политике, используемой в конкретной области. Следует констатировать однозначный недостаток форм права Союза, установленных Договором о ЕАЭС, в частности, аналога директивы Европейского союза и модельного законодательства СНГ. Недостаток существующих форм правового регулирования интеграционных процессов может быть довольно успешно восполнен правоприменительным органом интеграционного объединения.

Литература

Решение Коллегии Суда от 28 декабря 2015 г. по делу по заявлению ИП Тарасика К.П. // КонсультантПлюс. Россия. – М., 2021.

Решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 11 октября 2018 г. по делу по заявлению общества с ограниченной ответственностью «Ойл Марин Групп» (Российская Федерация) к Евразийской экономической комиссии о признании бездействия Евразийской экономической комиссии, выразившегося в отказе в проведении мониторинга и контроля исполнения международных договоров в рамках Евразийского экономического союза, не соответствующим Положению о Евразийской экономической комиссии и нарушающим права и законные интересы общества с ограниченной ответственностью «Ойл Марин Групп» в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности // СПС «КонсультантПлюс», 2021.

Решение Апелляционной палаты Суда от 3 марта 2016 г. (дело № СЕ-1-2/2-15-АП) // СПС «КонсультантПлюс», 2021.

Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 7 декабря 2018 г. по делу по заявлению ЕЭК // СПС «КонсультантПлюс», 2021.

Приказ Министерства спорта РФ от 13 февраля 2019 г. № 109 «О внесении изменений в Приказ Минспорта России от 14 июля 2015 г. № 732» // СПС «КонсультантПлюс», 2021.

Приказ Министерства спорта РФ от 3 декабря 2019 г. № 1022 «О внесении изменений в Приказ Минспорта России от 14 июля 2015 г. № 732» // СПС «КонсультантПлюс», 2021.

Бабкина Е.В. Механизмы защиты прав и законных интересов хозяйствующих субъектов на рынке ЕАЭС / Е.В. Бабкина // Трансформация парадигмы права в условиях глобализации и международной региональной интеграции. Материалы Международной научно-практической конференции по итогам Петербургского международного юридического форума – региональной площадки в Южном федеральном университете / под ред. П.Н. Бирюкова, А.Е. Тарасовой. – М. : Компания КноРус, 2019. – С. 12–22.

E.V. Babkina

PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Private International and European Law, Belarusian State University (Minsk)

IMPACT OF INTEGRATION PROCESSES ON THE LEGISLATION AND THE LAW ENFORCEMENT IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION

Annotation. The article is devoted to the analysis of the influence of the evolution of regional economic integration on the development of law-making and law enforcement in the integration association. The difference in the sources of legal regulation depending on the policy applied for regulation is analyzed. Using the practice of the EAEU Court as an example, the role of law enforcement bodies of integration associations in the development of EAEU law and national rule-making and law enforcement practice is demonstrated.

Keywords: Treaty on the Eurasian Economic Union, Eurasian Economic Commission, Eurasian Economic Union, Court of the Eurasian Economic Union, advisory opinion, decisions of the Court of the Eurasian Economic Union.

*соискатель кафедры прав человека и международного права,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя*

E-mail: berry20@yandex.ru

РЕФОРМА ОРГАНИЗАЦИОННОГО МЕХАНИЗМА ЗАЩИТЫ ФИНАНСОВЫХ ИНТЕРЕСОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА ОТ КОРРУПЦИИ И ИНОЙ НЕЗАКОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация: Лиссабонский договор, внесший изменения в учредительные договоры ЕС, способствовал реформированию правовых и организационных основ защиты финансовых интересов Евросоюза от преступной деятельности. В статье проведен анализ модернизации организационного механизма защиты финансовых интересов ЕС, усиленного, во-первых, посредством начала функционирования Европейской прокуратуры – первого коммунитарного учреждения ЕС, наделенного полномочиями по расследованию и уголовному преследованию за преступления, затрагивающие финансовые интересы ЕС, во-вторых, путем расширения полномочий Европейского бюро по борьбе с мошенничеством (ОЛАФ). Рассмотрены актуальные проблемы правоприменения, связанные с ограниченностью территориальной компетенции Европрокуратуры.

Ключевые слова: Европейский Союз, ЕС, финансовые интересы ЕС, Европейская прокуратура, Европейское бюро по борьбе с мошенничеством, ОЛАФ, противодействие мошенничеству, противодействие коррупции

Защита финансовых интересов ЕС является одним из ключевых элементов внутренней политики Европейского Союза. Согласно ст. 325 Договора о функционировании ЕС (далее – ДФЕС) Союз и государства-члены ЕС обязаны бороться с мошенничеством и иной незаконной деятельностью, затрагивающей финансовые интересы ЕС. В последние годы институты ЕС сосредоточили усилия на укреплении данной сферы.

Директива (ЕС) 2017/1371 Европейского парламента и Совета «О борьбе с мошенничеством в отношении финансовых интересов Европейского Союза посредством уголовного права» (далее – Директива 2017 г.) направлена на гармонизацию в уголовном законодательстве государств-членов ЕС дефиниций, санкций и сроков давности: 1) мошенничества; 2) коррупционных преступлений, а именно пассивной и активной коррупции, а также неправомерного присвоения средств или активов публичным должностным лицом, затрагивающих финансовые интересы ЕС; и 3) отмывания денежных средств, полученных в результате совершения указанных преступлений.

В понятие «финансовые интересы ЕС» Директива 2017 г. включает «все доходы, расходы и активы, охватываемые, приобретенные через или за счет: 1) бюджета Евросоюза, 2) бюджетов институтов, органов, учреждений и агентств ЕС, созданных в соответствии с учредительными договорами ЕС, либо бюджетов, которые прямо или косвенно управляются и контролируются ими».

Согласно положениям ДФЕС государства-члены ЕС обязаны имплементировать и применять положения директив Европейского парламента и Совета ЕС в полном объеме.

Установленный срок имплементации положений Директивы 2017 г. – 6 июля 2019 г. В ежегодном докладе Еврокомиссии Европарламенту и Совету ЕС «О защите финансовых интересов ЕС» 2020 г. отмечается, что только 20 государств – членов ЕС транспонировали положения Директивы в полном объеме, Ирландия, Бельгия и Румыния – частично, а Италия, Мальта и Кипр не уведомили о принятых мерах. В этой связи Еврокомиссия начала процедуры о нарушениях права ЕС в соответствии с учредительными договорами ЕС в отношении указанных государств.

Однако следует отметить, что правовую основу этой Директивы составляет ст. 83 ДФЕС, которая входит в раздел договора, регулирующий область Пространства свободы безопасности и законности. Поэтому Дания не участвует в ней на основании Прото-

кола № 22 к ДФЕС, что препятствует введению единых уголовных стандартов защиты финансовых интересов ЕС на всей территории Евросоюза.

Принятие Директивы 2017 г. непосредственно повлияло на реформирование организационного механизма защиты финансовых интересов ЕС от коррупции и иной незаконной деятельности, поскольку указанный инструмент составляет материальную компетенцию Европейской прокуратуры (далее – Европрокуратура, ЕП), которая обладает юрисдикцией в отношении криминализуемых деяний. Европрокуратура, учрежденная Регламентом Совета ЕС от 12 октября 2017 г. «О применении меры продвинутого сотрудничества по учреждению Европейской прокуратуры», приступила к своей деятельности 1 июня 2021 г.

Европрокуратура является постоянным учреждением ЕС и обладает полной независимостью от институтов, органов, учреждений и агентств ЕС. В задачи ЕП входят уголовное преследование и привлечение к ответственности исполнителей и соучастников преступлений, затрагивающих финансовые интересы ЕС, в соответствии с Директивой 2017 г., а также преступлений, неразрывно связанных с ними. ЕП инициирует и проводит расследования и выполняет функции прокурора в компетентных судах государств-членов ЕС до вынесения окончательного решения по делу.

В компетенцию ЕП входят:

1) преступления, предусмотренные Директивой 2017 г. При этом в отношении мошенничества, связанного с доходами бюджета ЕС от налогов на добавленную стоимость, компетенция ЕП распространяется только на те случаи, когда такие преступления имеют транснациональный характер и ущерб составляет не менее 10 млн евро.

2) преступления, связанные с участием в преступной организации, как это определено в Рамочном решении Совета ЕС от 24 октября 2008 г. «О борьбе с организованной преступностью», в соответствии с национальным законодательством, если целью

преступной деятельности такой преступной организации является совершение преступлений, предусмотренных в п. 1.

3) преступления, неразрывно связанные с предусмотренными в п. 1. При этом компетенция ЕП не распространяется на преступления в отношении национального прямого налогообложения, включая неразрывно связанные с ними.

В случаях, указанных в п. 2 и 3 решение о применении компетенции ЕП решают специально уполномоченные национальные органы. Помимо того, в случаях, когда ущерб, причиненный финансовым интересам ЕС, составляет менее 10 тыс. евро, ЕП вправе осуществлять компетенцию также только с согласия национальных компетентных органов, если: 1) преступление имеет последствия на уровне ЕС и необходимо участие ЕП; 2) либо совершено должностным лицом или иным служащим ЕС, или членом института ЕС.

При этом проблему уголовной юрисдикции между ЕП и национальными компетентными органами в случае разногласий будет решать Суд ЕС.

Центральный офис ЕП помимо Главного прокурора ЕС включает двух его заместителей, Административного директора, Коллегию ЕП, Офицера по защите данных ЕП, Постоянные палаты ЕП и европейских прокуроров, представляющих участвующие государства-члены ЕС.

Помимо центрального офиса ЕП имеет децентрализованную структуру, состоящую из европейских делегированных прокуроров (далее – ЕДП), осуществляющих функции непосредственно в государствах-членах ЕС, а в дополнение к статусу и полномочиям, предусмотренным ЕП, обладающих теми же полномочиями, что и национальные прокуроры.

ЕДП в своих государствах-членах ЕС проводят расследования и уголовные преследования от имени ЕП под надзором и руководством Постоянных палат ЕП, возглавляемых Главным прокурором ЕС или его заместителем и включающих также двух постоянных членов. Постоянные палаты ЕП вправе делегировать свои полно-

мочия европейскому прокурору в отношении дел, где ущерб составил менее 100 тыс. евро. Европейские прокуроры выступают связующим звеном между Постоянными палатами и ЕДП, контролируя деятельность ЕДП государства, которое они представляют. ЕДП по завершении расследования представляет отчет европейскому прокурору, последний направляет его в Постоянную палату ЕП, которая принимает решение о дальнейшем ходе дела. При направлении дела в суд ЕДП вправе заявлять ходатайства в суде, участвовать в получении доказательств и использовать доступные средства правовой защиты согласно национальному праву.

Также с согласия Постоянных палат ЕП европейские прокуроры могут самостоятельно проводить расследования в случаях: серьезных последствий преступления на уровне ЕС; когда расследование касается должностных лиц или иных служащих ЕС, или членов институтов ЕС; при невозможности определить подследственность дела между ЕДП.

Важно отметить, что все процессуальные действия ЕП, имеющие правовые последствия для третьих лиц, а также отказ от таких действий подлежат рассмотрению компетентными национальными судами. При этом споры о законности процессуальных действий ЕП, а также решений о прекращении дела, принятых на основании права ЕС, рассматриваются Судом ЕС. Таким образом, процессуальные действия ЕП будут проходить судебный контроль в национальных судах государств-членов ЕС, а также в Суде ЕС.

По прогнозам Еврокомиссии ЕП будет рассматривать около 3000 дел ежегодно. Тем не менее, касаясь правоприменения, нельзя не отметить проблему территориальной компетенции ЕП. Регламент, учреждающий ЕП, был принят на основе положений учредительных договоров ЕС о продвинутом сотрудничестве (п. 2 ст. 20 Договора о ЕС, п. 1 ст. 329 ДФЕС), поскольку не все государства-члены ЕС изъявили желание участвовать в ЕП. Таким образом, на данный момент только 22 государства-члена ЕС являются участниками ЕП, а Дания, Ирландия, Венгрия, Польша и Швеция

отказались. В целях решения проблем территориальной компетенции ЕП вправе заключать рабочие соглашения о сотрудничестве с компетентными органами государств-членов ЕС, не участвующих в продвинутом сотрудничестве по учреждению ЕП, институтами, органами, учреждениями и агентствами ЕС, третьими государствами и международными организациями, включая прикомандирование офицеров связи в ЕП или установление контактных пунктов.

Регламент, учреждающий ЕП, предусматривает, что при отсутствии между ЕП и компетентными органами не участвующих государств-членов ЕС правового документа о сотрудничестве по уголовным делам, участвующие государства-члены уведомляют ЕП в качестве компетентного органа для применения актов ЕС о судебном сотрудничестве по уголовным делам в отношении дел, входящих в компетенцию ЕП, что должно усилить эффективность такого сотрудничества. Также ЕП предоставлен косвенный доступ к электронным системам управления делами Евроюста и ОЛАФ. Указанные органы должны поддерживать тесное сотрудничество с ЕП в целях обеспечения комплементарности и исключения дублирования функций.

Новый Регламент 2018/1727 от 14 ноября 2018 г. «Об Агентстве ЕС по сотрудничеству в области уголовного правосудия (Евроюст), заменяющий и отменяющий решение Совета ЕС 2002/187» разграничивает компетенцию Евроюста и ЕП, устанавливая запрет Евроюсту осуществлять компетенцию в отношении преступлений, входящих в компетенцию ЕП, за исключением случаев, когда вовлечены государства-члены ЕС, не участвующие в продвинутом сотрудничестве по учреждению ЕП. В таких случаях Евроюст осуществляет компетенцию в отношении преступлений, затрагивающих финансовые интересы ЕС, по запросу государств-членов, не участвующих в ЕП, либо по запросу ЕП. В оперативных вопросах, относящихся к компетенции ЕП, Евроюст информирует ЕП, а в случае необходимости связывает ЕП со своей деятельностью, касающейся трансграничных расследований, посредством запроса

для оказания поддержки в ЕП. Евроюсту предоставлен косвенный доступ к Системе управления делами ЕП с целью обмена информацией, включая персональные данные.

Реформа организационного механизма защиты финансовых интересов ЕС коснулась также деятельности Европейского бюро по борьбе с мошенничеством (ОЛАФ), наделенного компетенцией по проведению независимых административных расследований случаев мошенничества и коррупции, связанных с использованием средств ЕС, а также актов коррупции и серьезных проступков среди персонала ЕС и членов институтов ЕС.

Новый Регламент Европейского парламента и Совета от 23 декабря 2020 г. в отношении сотрудничества с Европейской прокуратурой и эффективности расследований Европейского бюро по борьбе с мошенничеством дополнил регулирование сотрудничества ОЛАФ и ЕП, согласно которому: 1) ОЛАФ обязано уведомлять ЕП о преступном поведении, входящем в его компетенцию, при этом ОЛАФ вправе давать предварительную оценку обвинений на основе полученной информации или по запросу институтов, органов, учреждений и агентств ЕС; 2) Генеральный директор ОЛАФ обязан прекратить текущее расследование, когда ЕП проводит расследование по тем же основаниям. При этом, если ЕП не проводит расследование или закрыла дело, она может передать информацию ОЛАФ для проведения административного расследования. В свою очередь, ОЛАФ может запросить ЕП возобновить расследование ввиду вновь открывшихся обстоятельств; 3) ОЛАФ с разрешения и в тесной консультации с ЕП вправе начать дополнительное расследование, если это необходимо в целях применения предупредительных, финансовых, дисциплинарных или административных мер; 4) ОЛАФ будет предоставлен косвенный доступ к Системе управления делами ЕП.

Новый Регламент вступил в силу в январе 2021 г. Он усилил следственную компетенцию Бюро посредством: 1) наделения ОЛАФ правом незамедлительного и необъявленного доступа к любой информации, хранящейся в институтах, органах, учрежде-

ниях и агентствах ЕС, и в их помещения, а также проверять их счета, снимать копии и получать выдержки из любых документов или носителей данных, в том числе частных, а при необходимости принимать на себя хранение таких документов или данных; 2) полномочий ОЛАФ получать информацию о банковских счетах из кредитных учреждений государств-членов ЕС посредством сотрудничества и помощи национальных компетентных органов; 3) введения обязанности экономических операторов сотрудничать с ОЛАФ и предоставлять всю необходимую информацию при проведении Бюро внешних расследований; 4) повышения доказательной ценности отчетов ОЛАФ, которые теперь являются допустимыми доказательствами во всех процедурах Суда ЕС, в разбирательствах неуголовного характера в национальных судах и административных процедурах государств-членов ЕС, а в рамках уголовного судопроизводства государств-членов ЕС применяются так же, как и отчеты национальных административных инспекторов; 5) разграничения полномочий Служб координации борьбы с мошенничеством, созданных в государствах-членах ЕС, с целью обеспечения необходимого сотрудничества по запросу ОЛАФ, включая предоставление оперативной информации и содействие ОЛАФ при проведении координационных мероприятий; 6) усиления компетенции ОЛАФ при координации сотрудничества между компетентными органами, в том числе в рамках совместных следственных групп, посредством полномочий по сбору, анализу и обмену информацией, включая оперативную, и сопровождению по запросу компетентных органов, проводящих следственные действия.

В целях обеспечения защиты прав лиц, в отношении которых ОЛАФ проводит расследования, введена должность независимого Контролера процессуальных гарантий, уполномоченного рассматривать жалобы, поданные заинтересованными лицами относительно соблюдения ОЛАФ процессуальных гарантий, либо на основании нарушений правил, применимых к расследованиям ОЛАФ, в частности, процессуальных требований и основных прав.

Можно заключить, что 2021 г. ознаменует новый этап в усилении организационного механизма защиты финансовых интересов ЕС от коррупции и иной незаконной деятельности посредством начала функционирования Европейской прокуратуры и расширения следственной компетенции Европейского бюро по борьбе с мошенничеством.

Y.L. Belyaeva

degree-seeking student of the Department of Human Rights and International Law of V.Ya. Kikot' Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

THE REFORM OF THE INSTITUTIONAL MECHANISM FOR PROTECTING THE FINANCIAL INTERESTS OF THE EUROPEAN UNION FROM CORRUPTION AND OTHER ILLEGAL ACTIVITIES

Annotation. Treaty of Lisbon amending the principal treaties on which the EU is based contributed to the reform of the legal and institutional framework for protecting the financial interests of the European Union from criminal activities. The article analyzes the modernization of the institutional mechanism for protecting the financial interests of the EU strengthened, firstly, by the launch of the European Public Prosecutor's Office – the first EU communitarian body with criminal investigation and prosecution powers into crimes affecting the financial interests of the EU, secondly, by expanding the powers of the European Anti-Fraud Office (OLAF). There are considered the current problems of law enforcement related to the limited scope of the territorial competence of the European Public Prosecutor's Office.

Keywords: European Union, EU, financial interests of the EU, the European Public Prosecutor's Office, the European Anti-Fraud Office, OLAF, countering fraud, countering corruption.

П.Н. Бирюков

*доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой международного и евразийского права,
Воронежский государственный университет
E-mail: birukovpn@yandex.ru*

ПРОБЛЕМЫ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ И НАЦИОНАЛЬНОМ ПРАВЕ

Аннотация. Статья посвящена проблемам электронного правосудия в международном и национальном праве. Автор рассматривает основные направления цифровизации правосудия в РФ. Анализируются главные проблемы цифровизации судопроизводства. Исследуются программы «предсказанного правосудия». Рассматривается проблема судей с искусственным интеллектом – «электронное правосудие». Большое внимание уделяется правосудию он-лайн. Автор анализирует проблему самостоятельного получения судом доказательств. Изучается допустимость электронных (цифровых) доказательств. Автор обосновывает необходимость внесения изменений в законодательство РФ.

Ключевые слова: международное право; право РФ; правосудие; цифровизация правосудия; предсказанное правосудие; «электронное правосудие»; он-лайн правосудие; получение судом доказательств; электронные (цифровые) доказательства

В международном праве цифровизация правосудия является относительно новым трендом. Его развитие шло с середины 2010-х гг. на региональном уровне в различных ракурсах⁷.

Так, в рамках Совета Европы отдельные аспекты цифровизации попали в фокус внимания еще в 2017 г. Они разрабатывают-

© Бирюков П.Н., 2021

⁷ См.: Study on the use of innovative technologies in the justice field // URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/4fb8e194-f634-11ea-991b-01aa75ed71a1/language-en>

ся в следующих направлениях: искусственный интеллект (далее ИИ); права человека, верховенство права; управление Интернетом; борьба с преступностью и т.д.⁸

С 2017 г. тему активно начал «окучивать» ЕС. Как в рамках ЕС, так и на национальном уровне принимаются многочисленные стратегии и программы в области ИИ, цифровизации судопроизводства в государствах ЕС, «электронного правосудия» и пр. Ставится вопрос даже о новом субъекте права – «e-person»⁹ и возможности его право-дееспособности¹⁰.

Не осталась в стороне и Россия. В 2019 г. Президент РФ утвердил «Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»¹¹. Была закреплена необходимость делегирования программам возможности принятия решений в сфере публичной власти. В 2020 г. Президент РФ поставил задачи цифровой трансформации судебной системы¹². В феврале 2021 г. Президент дал высокую оценку деятельности судов в условиях пандемии: «Судебная система нашей страны в тяжелый период распространения инфекции не перешла в режим торможения... Суды проявили верность своей высокой миссии, и, невзирая на

риски, связанные с эпидемией, с максимальной отдачей работали, защищая права граждан, интересы общества и государства»¹³.

Вместе с тем пандемия обнажила имеющиеся проблемы, выявила низкий уровень распространения IT-технологий в области правосудия и подстегнула правовое регулирование в этой сфере. Очевидно, что помимо цифровизации собственно судопроизводства необходимо расширить более широкий (с учетом ограничений по COVID-19¹⁴) доступ к правосудию для физических лиц, компаний и практикующих юристов.

В целом, цифровизация правосудия включает в себя несколько основных направлений. Рассмотрим некоторые из них подробнее.

1. «Предсказанное правосудие»

В результате применения ИИ в юриспруденции появилось т.н. «предсказанное правосудие»¹⁵ (далее ПП). В то время как задача традиционного правосудия – в установленные сроки разрешить спор по существу / вынести приговор, ПП позволяет, по меньшей мере, оценить шансы на успех будущего процесса. С помощью ПП можно: избрать наиболее правильный способ защиты, выбрать наиболее подходящие аргументы; оценить предполагаемую сумму компенсации и т.д. После того как прогноз перспектив процесса будет получен, профессионалу легче принять окончательное решение о способах защиты и методах ведения процесса.

Таким образом, речь идет не о самом правосудии (в точном значении этого слова), а об алгоритмах, которые позволяют про-

⁸ См.: Cross-border digital criminal justice ; URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/e38795b5-f633-11ea-991b-01aa75ed71a1/language-en>; Themeli, E. International Commercial Courts Competition in Europe: A Litigation Experience Approach // X.E. Kramer & J. Sorabji (eds.), International Business Courts: A European and Global Perspective, Eleven International Publishing, 2019. P. 273–296.

⁹ См.: Brant, Tom. "EU: Robot Workers Are 'Electronic Persons'." PC-MAG.COM, 22 June 2016. Web. 12 Jan. 2017; Scheufen M. Künstliche Intelligenz und Haftungsrecht : Die e-Person aus ökonomischer Sicht // Artificial Intelligence and Liability Law: The e-Person from an Economic Point of View June 2019. Wirtschaftsdienst. № 99 (6). P. 411–414.

¹⁰ См.: Künstliche Intelligenz: Die Revolution der Roboter. Bild der Wissenschaft Sommer, Konradin Mediengruppe, 2019, 99 S. ; Lämmel U., Cleve J. Künstliche Intelligenz. 5. Auflage. Carl Hanser Verlag. München, 2020 ; Lenzen M. Künstliche Intelligenz. Was sie kann und was uns erwartet? München : Verlag C.H. Beck, 2018 и др.

¹¹ URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72738946/>

¹² URL: <https://digital.ac.gov.ru/news/4965>; URL: <https://www.connect-wit.ru/tsifrovizatsiya-rossijskoj-femidy.html>.

¹³ URL: <https://www.connect-wit.ru/tsifrovizatsiya-rossijskoj-femidy.html>

¹⁴ The changes and challenges to justice in the time of COVID-19 // URL: <https://www.undp.org/blogs/changes-and-challenges-justice-time-covid-19/>

¹⁵ См. подробнее: Predictive Justice – IA and the legal sector Colloquium organized by the Vlaamse Balie Brussels, Oct. 17. 2018 // URL: <http://www.legaltechcongres2018.be/wp-content/uploads/2018/10/C-Y-Pouillet-Predictive-Justice---IA-and-the-legal-sector.pdf>; Queudot M., Meurs M.-J. Artificial Intelligence and Predictive Justice: Limitations and Perspectives // Recent Trends and Future Technology in Applied Intelligence, 2018. P. 889 ; Бирюков П.Н. Искусственный интеллект и «предсказанное правосудие» : зарубежный опыт // Lex Russica. 2019. № 11. С. 79–87

гнозировать будущие решения в аналогичных делах. При помощи ПП не только судьи, адвокаты, юристы, но и простые граждане, организации смогут предвидеть ход процесса, загрузив необходимые данные. После этого они смогут решить – начинать процесс или нужно сделать что-то еще (собрать доказательства, изменить квалификацию и т.д.)¹⁶. Кстати, снизится уровень коррупциогенности судов и практически исчезнет «телефонное право».

В настоящее время эффективность зарубежных программ ПП около 90 %, и эта цифра постоянно растет. Есть, конечно, некоторые категории дел, где пока сложно предвидеть и учесть все обстоятельства дела, но программы ПП постоянно совершенствуются и в скором времени, несомненно, догонят человека по «утверждаемости». Вот тогда можно будет перейти и к собственно «электронному правосудию».

2. «Электронное правосудие» или судья-ИИ

В настоящее время ИИ вполне можно поручать разрешать некоторые виды, по крайней мере, гражданских дел¹⁷. В их числе: вынесение судебных приказов, взыскание налогов и недоимок, установление отцовства, признание гражданина недееспособным в случае положительного заключения судебно-психиатрической экспертизы и т.д.

Кажется, что предоставление компьютерной программе права решать судьбу человека нарушает все мыслимые принципы правосудия – прежде всего, осуществления правосудия только судом.

¹⁶ Giampiero Lupo. Designing and Implementing e-Justice Systems: Some Lessons Learned from EU and Canadian Examples. June 2014. *Laws*. № 3(2). P. 353–387

¹⁷ См.: *Ефименко Е.* Как искусственный интеллект поможет российскому судье // URL: <https://pravo.ru/lf/story/231128>; *Бехмеев Д.В.* Искусственный интеллект: этико-правовые основы : монография. М., 2021. 176 с. ; *Морхат П.М.* Искусственный интеллект : правовой взгляд : монография. М., 2017. 258 с. ; Искусственный интеллект в суде : как он будет работать // URL: <https://pravo.ru/opinion/232129> ; Выступление председателя Совета судей РФ В.В. Момотова на пленарном заседании по теме «Перспективы использования искусственного интеллекта в судебной системе Российской Федерации» // <http://www.ssrp.ru/news/lienta-novostiei/36912>.

Однако отступления мы уже имеем, и это не кажется странным. К примеру, штрафы, получаемые за нарушения ПДД, выносятся программой. Сотрудник ОВД в лучшем случае лишь подписывает постановления, не проверяя их; а обычно – подпись уже включена в бланк документа. За нарушения санитарно-эпидемиологических правил во время пандемии программы следили и штрафовали нарушителей. КС РФ не нашел противоречия Конституции¹⁸. Можно приводить и другие примеры. Да. Ошибки случаются, но они исправляются путем апелляции.

Российские власти пошли по этому пути. К примеру, в 2020 г. в Белгородской области запустили пилотный проект – к трем участкам мировых судей подключили ИИ для подготовки судебных приказов по взысканию налоговых задолженностей¹⁹. Искусственному интеллекту доверяют работу с делами о взыскании налогов (транспортного, земельного и имущественного²⁰).

Зарубежная практика показывает, что при должной регламентации вполне можно передать часть дел ИИ, разгрузив суды от рутинной работы²¹. При этом снизятся коррупционные риски, а контроль в случае ошибок вполне может осуществлять человек.

¹⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 25 декабря 2020 г. № 49-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области “О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области” в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области» 28 декабря 2020 г. // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400040334>.

¹⁹ См.: Искусственный интеллект помог суду // URL: <https://pobedarf.ru/2021/05/25/iskusstvenny-intellekt-pomog-vynes-verdikt>.

²⁰ Судьям поможет искусственный разум: проверять документы будет робот // URL: <https://www.mk.ru/social/2021/05/25/sudyam-pomozhet-iskusstvennyy-razum-proveryat-dokumenty-budet-robot.html>

²¹ См.: Заплата Т.С. Искусственный интеллект в вопросе вынесения судебных решений, или ИИ-Судья // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № (4). С. 160–168.

3. «Правосудие он-лайн» (ПО)

Пандемия показала низкий уровень оснащенности для ведения он-лайн процессов как судов, так и иных государственных органов прокуратуры, адвокатуры, нотариата и др. Мы помним, как в 2020 г. остановилось судопроизводство, как уходили на самоизоляцию целые суды²² и прокуратуры²³, как откладывались процессы из-за болезни адвокатов²⁴. Менее эта проблема коснулась высших и кассационных судов, которые и до этого работали дистанционно. Суды первой и второй инстанций общения с зараженными и болеющими участниками процессов «хлебнули по полной».

Проблема ПО имеет много аспектов.

А) Для предотвращения заражения участников процесса нужны специально оборудованные помещения в судах, других гос. и муниципальных органах. Очевидно, данная задача требует немалых материальных вложений.

Б) Для осуществления процессов он-лайн необходима устойчивая, безопасная и совместимая ИТ-связь на основе общего программного обеспечения для всех²⁵. Соответствующие платформы обеспечивают связь между судами, позволяя государственным органам, адвокатам, сторонам быстро и безопасно отправлять и получать документы, доказательства и информацию. При этом должна использоваться система цифрового обмена доказательствами в электронной форме.

В) Юридическая информация должна быть структурирована и оцифрована, чтобы сделать ее не только читабельной, но и удоб-

²² URL: <https://www.fontanka.ru/2020/05/07/69246979>.

²³ URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_26/activity/legal-education/explain?item=49805708.

²⁴ URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/kak-pri-dvukhnedelnoy-samoizolyatsii-pri-poseshchenii-subekta-rg-uchastvovat-v-protsesse>.

²⁵ См.: Куликов В. Разрабатывается суперсервис «Правосудие онлайн» // URL: <https://rg.ru/2020/07/20/v-rossii-razrabotaiut-superservis-pravosudie-onlajn.html>.

ной для участников процесса. Нужно будет перевести в электронный формат материалы дел, которые будут рассматриваться²⁶.

Г) Все вышеуказанное невозможно без изменений в процессуальные кодексы, предусматривающие возможность ведения процессов он-лайн судами всех уровней.

Помимо прочего, ПО облегчит участие сторон из других субъектов РФ без их личного присутствия в суде. Проблема решена отчасти в арбитражных судах и общих судах по уголовным делам (например, когда речь идет об участии в процессе лиц, находящихся в местах лишения свободы). «Онлайн-суды помогают сторонам экономить силы, время и деньги, а в условиях пандемии они оказались фактически единственной возможностью сохранить нормально функционирующую судебную систему в стране»²⁷. Однако в целом, ПО пока еще остается недоступным для большинства населения страны.

4. Получение судом доказательств самостоятельно

В настоящее время в силу принципа диспозитивности и равенства участников процесса суд вынужден ждать, когда стороны сами представят доказательства. Некоторые из них содержатся в документах публичного характера (документы, удостоверяющие личность, госреестры, нотариальные акты и др.). Они подтверждают юридически значимые обстоятельства: рождение; смерть; имя; брак, включая возможность вступления в брак и семейное положение; наличие детей; развод; аннулирование брака; место жительства; гражданство; отсутствие судимости и др.

При непредоставлении указанных документов сторонами суд все равно будет запрашивать в силу прямого указания закона (например, ст. 57, 149 ГПК РФ, ст. 66 АПК РФ и др.). Без их анализа решение не будет законным и обоснованным. Между тем стороны

²⁶ См.: Шувалова М. Электронное правосудие в России : новый этап // URL: <https://www.garant.ru/article/1416765>.

²⁷ URL: <https://pravo.ru/story/221644>.

редко осведомлены о значении конкретных доказательств, месте и порядке их получения. В результате представление необходимых доказательств в полном объеме затруднительно. В итоге, спустя несколько заседаний, судья все равно сам их истребует.

Поэтому представляется необходимым разрешить суду самостоятельно получать их. Для этого нужно разрешить судам самостоятельный доступ к соответствующим реестрам и внести соответствующие изменения в процессуальные кодексы. Это, кстати, снизит злоупотребления своими правами участников процесса в целях его затягивания. Кроме того, социально незащищенные слои (пенсионеры, инвалиды и др.) не останутся беспомощными, поскольку они слабо ориентируются в законодательстве, и, как правило, не имеют денег на хорошего адвоката.

5. Электронные доказательства

Правоохранительные органы и суды давно используют электронные доказательства (далее ЭД): электронную почту, цифровые фотографии, журналы банковский транзакций, истории мгновенных сообщений, файлы программ бухгалтерского учета, истории интернет-браузеров, содержимое памяти компьютера, резервные копии, распечатки, треки глобальной системы позиционирования, журналы электронных дверных замков отеля и цифровые видео- или аудиофайлы и др.

Основная проблема здесь – допустимость ЭД²⁸. Не во всех инструментах определена юридическая сила документов для целей судебного разбирательства. В некоторых случаях доказательства, полученных «электронным» путем, могут быть признаны недопустимыми²⁹.

²⁸ См.: Digital Evidence and the U.S. Criminal Justice System Identifying Technology and Other Needs to More Effectively Acquire and Utilize Digital Evidence / by Sean E. Goodison, Robert C. Davis, Brian A. Jackson // URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR890.html ; Adams R. The Advanced Data Acquisition Model (ADAM): A process model for digital forensic practice. 2012.

²⁹ См.: Гаврилин Ю.В. Электронные носители информации в уголовном

Важное место в числе подлежащего изъятию имущества, полученного в качестве предмета преступления, занимает имущество в цифровой форме, в том числе криптовалюта.

При расследовании преступлений у правоохранителей возникают два вопроса: 1) где хранятся криптовалюты? 2) как наложить на них арест и обеспечить их конфискацию?

Здесь наше правосудие еще не готово. В ноябре 2019 г. Коллегия МВД РФ поручила профильным структурам разработать механизм ареста виртуальных активов для их последующей конфискации. До 31 декабря 2021 г. свои предложения должны представить МВД, Росфинмониторинг, Генпрокуратура, Следственный комитет, Минюст, ФСБ, ФТС и ФССП при участии Верховного суда.

24 декабря 2019 г. о криптовалюте высказался Верховный Суд РФ. Согласно изменениям, внесенным в п. 9 и 10 постановления Пленума Верховного суда РФ «О судебной практике по делам о взятках и об иных коррупционных преступлениях» 2013 г.³⁰, в качестве взятки может рассматриваться передача цифровых прав, внесение средств в «цифровой кошелек».

1 января 2021 г. в России вступил в силу ФЗ «О цифровых финансовых активах и цифровых валютах» 2020 г. В право России введены понятия ЦФА, майнинг, токен, смарт-контракт, токены, крипто-валюта и др. На основе закона будут изданы другие нормативные акты имплементационного характера.

В июле 2021 г. Генпрокурор РФ на конференции руководителей прокуратур европейских государств предложил внести поправки в законодательство о конфискации криптоактивов, которые стали источниками дохода от преступлений³¹. Данная проблема требует отдельного освещения.

судопроизводстве // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4 (44). С. 47, 48 ; Костенко Р.И., Петрова О.А. Проблемы изъятия электронных носителей информации в отечественном уголовном процессе // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2021. № 1. С. 62–72 ; Курс уголовного процесса / под ред. проф. Л.В. Головки. М., 2021. С. 444 ; и др.

³⁰ URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8355>.

³¹ URL: <https://incrusia.ru/news/gotovyat-popravki-kriptovalyut>.

Таким образом, цифровизация правосудия имеет общую цель – повысить его эффективность. В рамках общей означенной задачи решается и множество второстепенных задач – повысить степень доступности участия граждан в процесс, оцифровать процессуальные документы, расширить сферу использования цифровых доказательств и т.д.

Литература

Бехтеев Д.В. Искусственный интеллект : этико-правовые основы : монография / Д.В. Бехтеев. – М. : Проспект, 2021. – 176 с.

Бирюков П.Н. Искусственный интеллект и «предсказанное правосудие» : зарубежный опыт / П.Н. Бирюков // *Lex Russica*. – 2019. – № 11. – С. 79 – 87.

Выступление председателя Совета судей РФ В.В. Момотова на пленарном заседании по теме «Перспективы использования искусственного интеллекта в судебной системе Российской Федерации» // <http://www.ssrf.ru/news/lienta-novostiei/36912>.

Гаврилин Ю.В. Электронные носители информации в уголовном судопроизводстве / Ю.В. Гаврилин // *Труды Академии управления МВД России*. – 2017. – № 4 (44). – С. 45–50.

Ефименко Е. Как искусственный интеллект поможет российскому судье / Е. Ефименко // URL: <https://pravo.ru/lf/story/231128>.

Заплатина Т.С. Искусственный интеллект в вопросе вынесения судебных решений, или ИИ-Судья / Т.С. Заплатина // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. – 2019. – № 4. – С. 160–168.

Искусственный интеллект в суде : как он будет работать // URL: <https://pravo.ru/opinion/232129>.

Искусственный интеллект помог суду // URL: <https://pobedarf.ru/2021/05/25/iskusstvenny-intellekt-pomog-vynes-verdikt>.

Костенко Р.И. Проблемы изъятия электронных носителей информации в отечественном уголовном процессе / Р.И. Костенко, О.А. Петрова // *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. – 2021. – № 1. – С. 62–72.

Куликов В. Разрабатывается суперсервис «Правосудие онлайн» / В. Куликов // URL: <https://rg.ru/2020/07/20/v-rossii-razrobotaiut-superservis-pravosudie-onlajn.html>.

Курс уголовного процесса / под ред. проф. Л.В. Головки. – М. : Статут, 2021. – 1329 с.

Морхат П.М. Искусственный интеллект : правовой взгляд : монография / П.М. Морхат. – М. : Буки Веди, 2017. – 258 с.

Судьям поможет искусственный разум: проверять документы будет робот // URL: <https://www.mk.ru/social/2021/05/25/sudyam-pomozhet-iskusstvennyy-razum-proveryat-dokumenty-budet-robot.html>.

Шувалова М. Электронное правосудие в России : новый этап / М. Шувалова // URL: <https://www.garant.ru/article/1416765>.

Adams R., Val Hobbs, Graham Mann, The Advanced Data Acquisition Model (ADAM): A process model for digital forensic practice. – Murdoch University, 2013. – 232 p.

Brant, Tom. EU: Robot Workers Are ‘Electronic Persons’. PCMAG.COM, 22 June 2016. Web. 12 Jan. 2017. URL: <https://www.pcmag.com/news/eu-robot-workers-are-electronic-persons>.

Cross-border digital criminal justice ; URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/e38795b5-f633-11ea-991b-01aa75ed71a1/language-en>.

Digital Evidence and the U.S. Criminal Justice System Identifying Technology and Other Needs to More Effectively Acquire and Utilize Digital Evidence / by Sean E. Goodison, Robert C. Davis, Brian A. Jackson // URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR890.html.

Künstliche Intelligenz: Die Revolution der Roboter. Bild der Wissenschaft Sommer, Konradin Mediengruppe, 2019. – 99 S.

Lämmel U., Cleve J. Künstliche Intelligenz. 5. Auflage. Carl Hanser Verlag. – München, 2020. – 340 S.

Lenzen M. Künstliche Intelligenz. Was sie kann und was uns erwartet? München: Verlag C.H. Beck, 2018. – 128 S.

Lupo G. Designing and Implementing e-Justice Systems: Some Lessons Learned from EU and Canadian Examples. June 2014. *Laws*. – № 3 (2). – P. 353–387.

Predictive Justice – IA and the legal sector Colloquium organized by the Vlaamse Balie Brussels, Oct. 17. 2018 // <http://www.legaltechcongres2018.be/wp-content/uploads/2018/10/C-Y-Pouillet-Predictive-Justice—IA-and-the-legal-sector.pdf>.

Queudot M., Meurs M.-J. Artificial Intelligence and Predictive Justice: Limitations and Perspectives // *Recent Trends and Future Technology in Applied Intelligence*, 2018. – P. 884–897.

Scheufen M. Künstliche Intelligenz und Haftungsrecht: Die e-Person aus ökonomischer Sicht. Artificial Intelligence and Liability Law: The e-Person from an Economic Point of View // *Wirtschaftsdienst.* – June 2019. – № 99 (6). – P. 411–414.

Study on the use of innovative technologies in the justice field // URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/4fb8e194-f634-11ea-991b-01aa75ed71a1/language-en>.

The changes and challenges to justice in the time of COVID-19 // URL: <https://www.undp.org/blogs/changes-and-challenges-justice-time-covid-19>.

Themeli E. International Commercial Courts Competition in Europe: A Litigation Experience Approach // X.E. Kramer & J. Sorabji (eds.), *International Business Courts: A European and Global Perspective*, Eleven International Publishing, 2019. – P. 273–296.

Biriukov P.N.

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International and Eurasian Law, Voronezh State University

PROBLEMS OF E-JUSTICE IN INTERNATIONAL AND NATIONAL LAW

Annotation. The article is devoted to the problems of electronic justice in international and national law. The author examines the main directions of digitalization of justice in the Russian Federation. The main problems in the digitalization of legal proceedings are analyzed. The programs of “predicted justice” are being investigated. The problem of judges with artificial intelligence – “electronic justice” is considered. Much attention is paid to online justice. The author analyzes the problem of self-obtaining evidence by the court. The admissibility of electronic (digital) evidence is being studied. The author substantiates the need to amend the legislation of the Russian Federation.

Key words: international law; the law of the Russian Federation; justice; digitalization of justice; predicted justice; E-justice; online justice; obtaining evidence by the court; electronic (digital) evidence

М.В. Воробьев

*Кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой гражданского процесса,
арбитражного процесса и таможенного права,
Курский государственный университет*

Email: adv2004@bk.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ДВИЖЕНИЯ БЕСПИЛОТНЫХ АВТОМОБИЛЕЙ

Аннотация. В статье рассматриваются возможные пути регулирования участия беспилотных автомобилей в международном движении. Анализируются существующие правовые препятствия для участия беспилотных автомобилей в международном движении. Автором предлагаются возможные модели правового регулирования для допуска беспилотных автомобилей к международному движению. Автор указывает на невозможность выполнения искусственным интеллектом ряда обязанностей водителя, предусмотренных Конвенцией о дорожном движении.

Ключевые слова: международное право, беспилотные автомобили, искусственный интеллект, правила дорожного движения, гражданская ответственность владельцев транспортных средств.

В настоящее время уже разработаны и испытываются беспилотные автомобили с различным уровнем автономности, которые позиционируются разработчиками как имеющие возможность частично исключать участие водителя в управлении таким автомобилем, так и полностью обходиться без участия водителя в процессе перемещения по дорогам. Существует мнение – как среди производителей, так и среди потенциальных потребителей, что в ближайшем будущем необходимо разрешать использование беспилотных автомобилей для осуществления перевозок грузов на дальние

расстояния. Такие перевозки можно осуществлять существенно быстрее за счет необходимости режима труда и отдыха водителей, что в совокупности с отсутствием затрат, связанных с выплатой заработной платы водителям, сулит значительную выгоду для транспортных компаний. В таких условиях вопрос участия беспилотных автомобилей в международном дорожном движении становится очень актуальным и должен решаться параллельно с разрешением остальных правовых вопросов и технических задач эксплуатации беспилотных автомобилей.

На первых этапах беспилотные автомобили наиболее вероятно будут эксплуатироваться на определенных дорогах, которые будут оборудованы для обеспечения максимальной безопасности. При этом допуск автомобилей фактически сводится к двум важным условиям. Первый определяет возможность эксплуатации автомобиля внутри государства в соответствии с множеством внутренних административных процедур, второй – возможность перемещения на территории иностранного государства. Понимание сложности обеспечения второго юридического факта, особенно такого обеспечения для нескольких государств привело к выработке и применению механизма признания другими государствами первого факта как основания для безопасной эксплуатации автомобилей в дорожном движении и на своей территории. В результате такого подхода была принята Венская Конвенция о дорожном движении, которая не только устанавливает единые правила дорожного движения, но и закрепляет обязательство по допуску к дорожному движению автомобилей, зарегистрированных на территории других государств-участников.

Выработанные общие требования на сегодняшний день являются основой для международного движения автомобилей. Они не могут быть применены для обеспечения международного движения беспилотных автомобилей. Статья 8 Конвенции определяет, что каждое транспортное средство должно иметь водителя,

качества и состояние которого должно позволять ему управлять автомобилем. Более того он должен всегда контролировать транспортное средство, чтобы всегда иметь возможность им управлять. Такие нормы позволяют применять в международном движении только автомобили, которыми управляют водители, даже если частично функции управления осуществляются с применением автоматизированных систем. Даже для организованных колонн беспилотных автомобилей, в начале которых движется автомобиль, управляемый водителем, не говоря о самостоятельном движении беспилотных автомобилей, такое правило не применимо, что фактически запрещает участие в международном движении для беспилотных автомобилей, способных полностью обходиться без участия человека в процессе движения. Что касается автомобилей, управляемых водителями, но оснащенных специальными системами управления, позволяющими частично снять с водителя функции управления (например, круиз-контроль), то на них распространяются все правила режима труда и отдыха, как и для водителей автомобилей без таких систем. Это лишь улучшает условия труда водителей.

Существующее регулирование уже входит в противоречие с интересом транспортных компаний, которые желают в перспективе использовать беспилотные автомобили для перевозки грузов. Поэтому появляются разного рода идеи о придании искусственному интеллекту, который в числе прочего может обеспечивать управление автомобилем без участия человека. В нашем случае это будет означать признание за искусственным интеллектом права считаться водителем. Однако так легко проблема решается лишь на первый взгляд. В большинстве случаев правовое регулирование применения любых средств автоматизации для вынесения юридически значимых решений связано с отказом от применения выработанных веками правовых конструкций и упрощением самой процедуры вынесения

решения до самой примитивной³². Так, уже достаточно давно и вполне успешно применяется правило, позволяющее привлекать к административной ответственности владельцев транспортных средств за нарушение правил дорожного движения на основании действующих в автоматическом режиме средств фотовидеофиксации нарушений. Для успешного применения такого механизма пришлось отказаться от принципа вины и введения механизма объективного вменения. В приведенной ситуации цена ошибки невелика, а польза – значительно больше, да и существует механизм обжалования таких постановлений, который в большинстве случаев удовлетворяет общество и государство. Аналогичный механизм возможно применять и в упрощенных моделях судопроизводства, например в приказном производстве, которое изначально было адаптировано для возможности исправления большого количества ошибок. Правила же дорожного движения, как говорят, написаны кровью, и отказ даже от части из них может повлечь наступление непоправимых последствий, что недопустимо в существующей модели ценностей. Если проанализировать положения Конвенции о дорожном движении, то окажется, что она содержит ряд положений, которые искусственный интеллект, используемый вместо водителя выполнить не сможет. Речь, в частности, идет о действиях водителя в результате дорожно-транспортного происшествия. Таким образом, приравнивать искусственный интеллект к водителю как к субъекту в настоящее время представляется едва ли возможным.

Описанное выше совершенно не означает невозможность участия беспилотных транспортных средств в международном дви-

³² В данном случае не рассматривается применение так называемого «предсказанного правосудия» как механизма принятия решения с применением искусственного интеллекта ввиду наличия множества правовых проблем и ограниченного опыта его применения. См. подробнее: *Бирюков П.Н. Искусственный интеллект и «предсказанное правосудие»: зарубежный опыт // Lex Russica. 2019. № 11. С. 79–87.*

жении. Для этого необходима комплексная проработка вопроса правового регулирования и ответственности и выработка мер как в публично правовой-так и в частноправовой сферах. В вопросах допуска к международному движению государствам следует на основании данных, получаемых в результате испытаний беспилотных автомобилей выработать дополнительные требования к дорогам, на которых такие автомобили могут эксплуатироваться и только после согласования единых правил возможно внесение изменений в Конвенцию о дорожном движении или создание иного универсального международного документа, имеющего нормативный характер.

Кроме того отдельно следует проработать вопрос гражданской ответственности владельцев беспилотных автомобилей и ее страхования. В частности, необходимо закрепить единый подход к ответственности владельцев беспилотных автомобилей независимо от того управлялся ли такой автомобиль в момент ДТП человеком или автоматически. В таких условиях существующая в международной практике система страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств может быть применена и к эксплуатации беспилотных автомобилей после минимальной адаптации, например повышения предела возмещения вреда в случае ДТП. Особое внимание следует уделить созданию единой процедуры привлечения производителя беспилотных автомобилей к участию в деле о причинении вреда жизни и здоровью в результате ДТП с участием беспилотных автомобилей, с целью повышения объективности рассмотрения таких дел и выявления причин ДТП.

Литература

Бирюков П.Н. Искусственный интеллект и «предсказанное правосудие»: зарубежный опыт / П.Н. Бирюков // Lex Russica. – 2019. – № 11. – С. 79–87.

M.V. Vorobyov

PhD of Law, docent, Head of the Department of Civil Procedure, Arbitration Procedure and Customs Law (Kursk State University)

**PROSPECTS FOR REGULATING THE INTERNATIONAL
MOVEMENT OF UNMANNED VEHICLES**

Annotation. The article discusses possible ways to regulate the participation of self-driving cars in international traffic. The existing legal obstacles to the participation of self-driving cars in international traffic are analyzed. The author suggests possible models of legal regulation for the admission of unmanned vehicles to international traffic. The author points out that it is impossible for artificial intelligence to perform a number of driver's duties provided for by the Convention on Road Traffic.

Key words: international law, self-driving cars, artificial intelligence, traffic rules, civil liability of vehicle owners.

С.Ю. Кашкин

*Доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой интеграционного и европейского права,
Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*

E-mail: eul07@mail.ru

**РОЛЬ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ИСКУССТВЕННОГО
ИНТЕЛЛЕКТА В ЭВОЛЮЦИИ СОВРЕМЕННОГО ПРАВА**

(Исследование выполнено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
(грант № 18-29-16150))

Аннотация. Резкое развитие науки и техники привело к практическому внедрению во все стороны жизни новейших технологий. Они все более непосредственно влияют на общественные отношения и их регулирование правом. Более всего это отражается в цифровых технологиях, тесно связанных с искусственным интеллектом. В статье анализируется последовательное появление таких новых сфер правового регулирования как информационное право, сетевое право, платформенное право. Все это подводит к появлению концепции экосистемного права, первые попытки анализа формирования которого представлены в настоящей статье.

Ключевые слова: Искусственный интеллект, цифровое право, правовая информатика, киберправо, сетевое право, платформенное право, концепция, экосистемы, эволюция, международное право.

В результате современной научно-технологической революции, которая на основе цифровизации, искусственного интеллекта и других новейших технологий активно вторгается сегодня не только в производственные отношения, но и в самого человека. Произошло изменение форм организации ведения бизнеса и, соответственно, правовой организации взаимодействия юридических и

физических лиц, а организационные границы между различными формами компаний и управленческие модели становятся все более гибридными и размытыми. Правовое регулирование, как отмечал Д.В. Зорькин, переживает кризис: «Право, на которое мы все привыкли рассчитывать, теряет свой регулятивный потенциал, а правовые конструкции утрачивают былую прочность и надежность»³³.

Поэтому регулирование новых социально-экономических и политических отношений традиционным правовым инструментарием, требует постоянного обновления и переосмысления правовых концепций и конструкций, используемых для юридической организации столь быстро меняющихся условий жизни.

Как отмечал профессор В.В. Блажеев, «в информационном обществе резко возрастает роль права как ключевого механизма регулирования общественных отношений. Однако информационное общество развивается такими стремительными темпами, что право значительно отстает от тех общественных потребностей, которые являются определяющими для его функционирования. Правовой вакуум существенно осложняет область деятельности субъектов права. Поэтому государство должно научиться прогнозировать развитие общественных отношений в цифровой сфере, в том числе используя современные цифровые технологии, и предвосхищать их появление новыми нормативными актами. Без должного нормотворческого прогноза этот процесс будет бесконечным и всегда запаздывающим»³⁴.

Поэтому хотелось бы начать с эволюции новейших направлений развития современного цифрового права, непосредственно влияющего как на внутреннее право государств, так и на международное право.

Кратко характеризуя цифровое право, его можно рассматривать как систему правового регулирования отношений в цифро-

³³ Зорькин В.Д. Право против хаоса. 2-е изд., испр. и доп. М., 2018. С. 8.

³⁴ Блажеев В.В. Введение Цифровое право : учебник / под общ ред. В.В. Блажеева, М. А. Егоровой. М., 2020. С. 8–9.

вой экономике, как науку, и как учебную дисциплину³⁵, причем с тесным переплетением элементов социальных, правовых и технико-технологических норм.

Первой из этой группы наук к концу XX века в России и в мире в целом была признана юридическая наука информационного права³⁶. Далее процесс «цифровизации права» пошел более ускоренными темпами³⁷. На основе требований современной экономики три понятия – искусственный интеллект, цифра и система – стали тремя китами, на которых основываются новейшие направления развития современной экономики и права. Оно осуществляется сегодня на базе перспективных технологий («emerging technologies»), где экономика является драйвером, цифра – инструментом, а право – регулятором этого развития.

В условиях резко меняющихся условий жизни людей возникла необходимость модернизации действующего права в соответствии с новыми общественными отношениями, формирующимися в сетях. Этого более всего требовали интересы развития экономики и новые информационно-коммуникационные средства, такие как сеть Интернет, информационно-коммуникационные технологии, сети сотовой связи. Одним из пионеров по разработке сетевого права в России, был профессор В.Н. Лопатин, который в своей докторской диссертации в 2000 г. заявил, что «на новом витке нужно заново простраивать коммутативное, сетевое право, в отличие от права дистрибутивного. Дистрибутивное право не соответствует самой коммутативной природе сети»³⁸.

³⁵ Блажеев В.В. Там же. С. 9.

³⁶ Блажеев В.В. Там же.

³⁷ См., например: Бирюков П.Н. Искусственный интеллект и «предсказанное правосудие» : зарубежный опыт // Lex Russica. 2019. № 11. С. 79–87 ; Его же. Ответственность за вред, причиненный технологиями с искусственным интеллектом: подход Европейского Союза // Территория новых возможностей. Вестник ВГУЭС. 2020. Т. 12. № 4. С. 39–49.

³⁸ Лопатин В.Н. Информационная безопасность России : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2000. С. 54.

Профессор Л.В. Голосков дал определение сетевого права как «учения о сетях, представляющих собой систему норм, регулиющую общественные отношения в электронных сетях различных видов и (или) с помощью электронных сетей, закрепляющих правовое содержание построения и функционирования сети»³⁹. Сетевое право обеспечивает эффективную интеграцию права с электронными сетями, благодаря чему осуществляется быстрое действие, в том числе в режиме реального времени, точность, возможность прямой и обратной правовой связи и правовая определенность принимаемых решений, позволяющая обеспечивать автоматизацию информационно-коммуникационных технологий в строгих рамках закона⁴⁰.

Таким образом, мы наблюдаем, как закономерно и в соответствии с объективным развитием научно-технологического прогресса, а прежде всего экономики, информационное право (или киберправо⁴¹), цифра и система – оказали прямое воздействие на появление и развитие современного сетевого права.

Эволюция информационного права, как нового правового института и становление с его участием на основе цифры сетевого права вполне логично подвела общество к новому этапу – формированию еще одного нового направления в праве – платформенного права⁴². Катализатором быстрого успеха этого направления стали три основных фактора:

³⁹ Голосков Л.В. О сущности сетевого права // Сетевое право и финансы : сб. науч. тр. / редкол. А. П. Альбов. М., 2011. С. 8.

⁴⁰ Голосков Л.В. Теория сетевого права / под науч. ред. А.В. Малько. СПб., 2006. С. 191.

⁴¹ См. обстоятельную статью с анализом новейших направлений развития киберправа : Мажорина М.В. Цифровые платформы и международное частное право, или есть ли будущее у киберправа? // Lex russica. 2019. № 2. 2019. С. 107–120.

⁴² В самое последнее время в зарубежных научных изданиях появились первые статьи на эту тему, причем в них встречаются скорее лишь упоминания, чем правовой анализ этого явления, чаще по экономической, чем по правовой тематике: Kenney M., Zysman J. The Rise of the Platform Economy // Issues in Science and

1) появление разнообразных платформенных экономических моделей, которые приобрели большое значение в мировой экономике;

2) технологические особенности цифровых платформ, ставшие одним из триггеров современного этапа научно-технологической революции; и

3) их неразрывная связь с взрывным развитием искусственного интеллекта.

Сети, важной характеристикой которых является системность, воплощенная в их структурах, вошли в платформенные структуры, сделав структуру платформ еще более разветвленной и сложной, оцифрованной, и при этом за счет искусственного интеллекта – более масштабной, гибкой и управляемой. Это не могло не повлиять и на появление качественно новых черт права, формируемого для обслуживания платформ.

Приведшая к синергии интеграция четырех базовых компонентов (экономика, системность, новейшие цифровые технологии, ИИ), потребовала развития правового регулирования платформенных образований.

При этом платформенное право стремится вырваться за рамки ставшего тесным для него национального правового пространства на просторы интеграционных объединений, на международные и глобальные масштабы. Оно готово применять, комплексно заимствовать, эффективно интегрировать в себя, и использовать все полезные качества и правовые достижения своих предшественников. Это и традиционные правовые инструменты, приспособленные к современным условиям, и элементы информационного права, а также полезные свойства сетевого права (электронные сети, их быстрое действие, в том числе в режиме реального времени, точность, возможность прямой и обратной правовой связи, автоматизация технологий в рамках закона).

Technology. 2016. Vol 32. № 3. P. 61, 65 ; Label O. The Law of the Platform // Minnesota Law Review. 2016. Vol. 101. P. 89 ; Kotyal S.K., Grinvald L.C. Platform Law and the Brand Enterprise // Berkeley Technology Law Journal. 2017. Vol. 32. P. 1135–1182.

Таким образом, в базовом понимании на начальном этапе формирования цифровая платформа представляет собой в большей степени инструмент экономического, чем социального взаимодействия. Причем, если сначала она была больше вовлечена в on line производство и продажу цифровых программных продуктов, то постепенно платформы переходят к off line бизнесу, связанному со все более разнообразными продуктами, услугами и поиску принципиально новых перспективных сфер производства – “the next new things” (следующих поколений инновационных продуктов). Эти новые продукты должны быть по своей социальной функции сопоставимыми с компьютерами или мобильными телефонами.

Наиболее яркими примерами современных платформенных корпораций в большой степени определяющих судьбы мира, является фантастическое малоизвестное слово ГАФАМ, которое сразу становится понятным при начале его расшифровки: Г – Гугл, А – Амазон, Ф – Фэйсбук, А – Эпл, М – Майкрософт... Вот для того, чтобы эти платформенные образования господствовали или чтобы их обуздать и необходимо платформенное право.

Платформенное право – это совокупность правовых норм, которые регулируют общественные отношения, связанные с функционированием (цифровых) платформ. Это прежде всего платформенные решения и межплатформенное взаимодействие. Правовая платформа представляет собой базовый элемент еще только формирующегося нового направления развития права. Она обеспечивает интеграцию систем инновационных цифровых технологий, и искусственного интеллекта, основанную на последних достижениях междисциплинарных научных знаний, системно применяемых на практике.

В свою очередь, на основе правовых платформ принимаются и реализуются платформенные решения, в наиболее масштабных видах деятельности в важнейших областях жизни общества. Такие решения могут осуществляться на уровне регионов, государств, интеграционных объединений и даже в глобальном масштабе. Они

уже не умещаются в тесные рамки конституции, национального права и суверенитета, которые вынуждены идти на уступки.

Многообразие правовых платформ и основанных на них платформенных решений, в результате юридической практики наполняются законодательными и подзаконными актами, а также судебной практикой и в конечном счете объединяется в комплексное обобщающее понятие платформенного права. Оно находится еще в стадии формирования, в то время как наука платформенного права пытается разработать доктринальную стратегию его совершенствования и дальнейшего развития.

На основе различных платформ формируются комплексные системы платформ, которые можно назвать супер-платформами, приобретающими мировое влияние, вполне сопоставимое с весьма крупными государствами. Они представляют собой «новые ядра бизнеса», которые соединяют в себе технические, технологические, цифровые, информационные, экономические и правовые платформы, которые закономерно интегрируются в единую качественно более сложную систему.

Происходят процессы гибридизации когда прежде чисто цифровая платформенная корпорация начинает совмещать в себе и онлайн и офлайн процессы. Они производят и продают и цифровые программы, и разнообразные продукты, и услуги, и виды деятельности, как правило, в максимально перспективных, технологичных и наукоемких областях человеческой деятельности.

Они захватывают при этом весьма широкие сегменты регионального, интеграционного, а подчас и глобального рынка. Возникает вопрос понимания экономистами и юристами нового феномена многосторонних платформенных рынков и их влияния на суверенитет государств, их внутреннее право, конституции и международное право в целом. Тем более, что они у нас на глазах перерождаются в принципиально новое интегрированное право-экономико-политическое явление – экосистемы. Правовая и политическая составляющие экосистем еще практически не изучены,

хотя они уже очень активно вторгаются в жизнедеятельность нашей планеты.

Межплатформенное взаимодействие и координация отношений между многочисленными платформами рождает комплексные супрплатформы. Они выступают логическим начальным элементом правового регулирования возникающих в результате сначала субэкосистем, а впоследствии и полноценных экосистем. Так зарождается экосистемное право.

Для эффективной интеграции платформ или суперплатформ в полноценную экосистему требуется ИИ на порядок более высокого уровня, чем для функционирования платформы. Масштабы задач, решаемых экосистемой, количественно гораздо больше и шире, а уровень проблем качественно сложнее и многообразнее. Более близкая к «идеальной правовой экосистеме» модель вероятнее всего может быть создана на принципиально новой гибридной системе индивидуального искусственного интеллекта четвертого поколения, которая, как предполагается, сможет объединить живой человеческий мозг с компьютером. Все это одновременно ставит и ряд нестандартных вопросов, касающихся правового регулирования, существенно расширяя спектр сфер правоотношений⁴³.

Правда, здесь потребуются особая правовая осторожность или предусмотрительность, без которой ни ИИ, ни платформы, ни экосистемы действовать не должны. В этом случае особо необходима правовая прогностика, которая характерна для интеграционного, цифрового, сетевого, платформенного и экосистемного права. Такая правовая предосторожность невозможна без должного и согласованного международного правового сотрудничества.

Экосистема, состоит из элементов – платформ, объединенных в более сложную взаимосвязанную и взаимозависимую сетевую систему. Это качество системности характерно и для платформ, но уже из самого названия явствует, что для экосистем, оно необхо-

⁴³ Ефимова С.А. Развитие искусственного интеллекта // Цифровая наука. 2020. № 6. С. 49–50.

димо в особенности и здесь система с неизбежностью поднимается на более сложный уровень и начинает более тесно взаимодействовать с новым уровнем обслуживающего его ИИ. Поэтому для создания полноценной экосистемы потребуются новый подход к понятию системности в праве, позволяющий комплексно и гармонично соединить экономику, новейшие цифровые технологии и ИИ в единый непротиворечивый комплекс, направленный на служение человеку и Человечеству.

Цифровая экосистема – это комплексная многосторонняя и многофункциональная сетевая система цифровых платформ, отвечающая следующим основным критериям: наличие информационно-технологической инфраструктуры, возможность аналитического использования big data, открытость для партнеров, пользователей, с опорой на принцип win-win и высокой степенью совместной включенности элементов экосистемы друг в друга⁴⁴.

В современных экосистемах, можно выделить 4 основных элемента:

- 1) в каждой из них, обычно на базе платформенной компании-операторе экосистемы, формируется собственный «якорный бизнес», во взаимодействии с которым формируется широкое экосистемное взаимодействие;
- 2) применяется единый идентификатор пользователя;
- 3) в экосистеме создается система медиа сервисов, обеспечивающих ее работу;
- 4) обычно в экосистеме применяется голосовой интерфейс.

Так, использование ботов-помощников с голосовыми интерфейсами может использоваться для эффективного взаимодействия с различными экосистемами, платформами и более мелкими нишевыми поставщиками, что позволит создавать открытые суперэко-

⁴⁴ Климов А. А., Заречкин Е. Ю., Куприяновский В. П. О цифровой экосистеме современного университета // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2019. № 4. С. 812 ; URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsifrovoy-ekosisteme-sovremennogo-universiteta> (дата обращения: 08.03.2021).

системы. Они в состоянии не только изменить национальные представления о монополиях и антимонопольном регулировании, но и влиять на процессы интеграции и глобализации в мире в целом.

Экосистема, развивая сервисы, сферы и масштабы своего «цифрового квазигосударства» стремится формировать за счет «программ лояльности», скидок, преференций и начисления «внутренних баллов», «свое лояльное потребительское население». Такие баллы и учетные единицы начинают выполнять функции внутренней «валюты» экосистемы и дополнительно привязывает население к экосистеме. Это приводит к ослаблению конкуренции и влияния государства на население.

В свою очередь, выпуск экосистемами собственных денежных суррогатов оказывает воздействие на курс национальной валюты и эффективность кредитно-денежной системы как своего государства, так и того государства, на территории которого экосистема функционирует. Это одновременно – возможность влиять на суверенитет и своего и любого другого государства. Вот еще один повод изучить влияние экосистем на развитие современного международного публичного права!

В организационном плане экосистема представляет собой сеть сотрудничающих и конкурирующих между собой платформенных образований, предлагающих связанные в единую систему продукты и услуги. В центре ее находится платформенная компания-оператор экосистемы. Она стремится сформировать внутренние правила ее функционирования и организовать должное управление ею. Для экосистем характерно применение стимулирующего принципа win-win (взаимного выигрыша от сотрудничества) и предоставление участникам большей автономии по сравнению с многими другими традиционными организационно-правовыми формами ведения бизнеса. Управление экосистемами осуществляется на базе новейших цифровых технологий и в идеале должно быть направлено исключительно на обеспечение безопасности и благо-

состояния человека. Именно в этом и состоит главное перспективное полезное качество экосистемы, на чем и хочется остановиться!

Экосистема, рассматриваемая с точки зрения ее позитивных возможностей – это своеобразная система **3 эко**:

1) по отношению к человеку и Человечеству и заложенной в ней гуманистической идеологии – она должна быть **экологична**, т.е. должна быть удобна и служить интересам человека, быть human friendly;

2) по результату, к которому экосистема должна стремиться – **экономия** средств и ресурсов нашей планеты для человека и Человечества;

3) по сфере действия экосистем – это **экономика**, которая должна обеспечивать благосостояние людей.

Литература

- Блажеев В.В.* Введение Цифровое право : учебник / под общ ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. – М. : Проспект, 2020. – 640 с.
- Бирюков П.Н.* Искусственный интеллект и «предсказанное правосудие» : зарубежный опыт / П.Н. Бирюков // Lex Russica. – 2019. – № 11. – С. 79–87.
- Бирюков П.Н.* Ответственность за вред, причиненный технологиями с искусственным интеллектом : подход Европейского Союза / П.Н. Бирюков // Территория новых возможностей. Вестник ВГУЭС. – 2020. – Т. 12, № 4. – С. 39–49.
- Голоскоков Л.В.* О сущности сетевого права / Л.В. Голоскоков // Сетевое право и финансы : сб. науч. тр. / редкол. А.П. Альбов. – М., 2011. – 197 с.
- Голоскоков Л.В.* Теория сетевого права / Л.В. Голоскоков; под науч. ред. А.В. Малько. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2006. – 188 с.
- Ефимова С.А.* Развитие искусственного интеллекта / С.А. Ефимова // Цифровая наука. – 2020. – № 6. – С. 49–58.
- Зорькин В.Д.* Право против хаоса / В.Д. Зорькин. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Норма, ИНФРА-М, 2018. – 368 с.

Климов А.А. О цифровой экосистеме современного университета / А.А. Климов, Е.Ю. Заречкин, В.П. Куприяновский // Современные информационные технологии и ИТ-образование. – 2019. – Т. 15, № 4. – С. 815–824.

Лопатин В.Н. Информационная безопасность России : дис. ... д-ра юрид. наук / В.Н. Лопатин. – СПб., 2000. – 433 с.

Мажорина М.В. Цифровые платформы и международное частное право, или есть ли будущее у киберправа? / М.В. Мажорина // *Lex russica*. – 2019. – № 2. – С. 107–120.

Kenney M. The Rise of the Platform Economy / M. Kenney, J. Zysman // *Issues in Science and Technology*. – Vol 32. – № 3. – Spring 2016. – P. 1–11.

Kotyal S.K. Platform Law and the Brand Enterprise / S.K. Kotyal, L.C. Grinvald // *Berkeley Technology Law Journal*. – 2017. – Vol. 32. – P. 1135–1182.

Label O. The Law of the Platform / O. Label // *Minnesota Law Review*. – 2016. – Vol. 101. – P. 16–212.

S. Yu. Kashkin

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Integration and European law (Kutafin Moscow State Law University)

THE ROLE OF DIGITAL TECHNOLOGIES AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE EVOLUTION OF MODERN LAW

Annotation. The rapid development of science and technology has led to the practical implementation of the latest technologies in all aspects of life. They more and more directly affect public relations and their regulation by law. Most of all, this is reflected in digital technologies closely related to artificial intelligence. The article analyzes the sequential emergence of such new areas of legal regulation as information law, network law, platform law. All this leads to the emergence of the concept of ecosystem law, the first attempts to analyze the formation of which are presented in this article.

Key words: Artificial intelligence, digital law, legal informatics, cyber law, network law, platform law, concept, ecosystems, evolution, international law.

А.В. Клемин

доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой международного и европейского права, Институт экономики управления и права имени В.Г. Тимирязова (Казань)

ПРОБЛЕМЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ ПРАВА ЕС

Аннотация: Принято считать, что ЕС обладает спецификой, частью которой является отсутствие имплементации международно – правовых норм. Однако при более пристальном рассмотрении имплементация так называемых «прямых» постановлений и решений ЕС не вызывает сомнений. На примере Германии показывается механизм национальной имплементации норм права ЕС, включая конституционный, который сохранился и эффективно применяется ко всем правовым актам евроальянса без исключений.

Ключевые слова: имплементация; прямой эффект; право ЕС; международная организация; международный договор; субъект международного права; принятие решений в ЕС.

Сегодня поднимается важная проблема – имплементации международного права. Мы сочли возможным затронуть проблему имплементации в рамках такой международной организации, как ЕС. Почему такой вопрос может быть интересен?

Имплементация европрава: подход

Вокруг Евросоюза сложилось и давно постулируется несколько представлений, несколько легенд, которые далеко неадекватны действительному статусу альянса. Одна из них та, что имплементация актов европейского (коммунитарного) права, будто бы, успешно ликвидирована⁴⁵. Все вытекающие отсюда выводы созда-

© Клемин А.В., 2021

⁴⁵ См.: Law of the European Union / ed. J. Fairhurst. Birmingham City University, 2016 ; Law of the European Union: a Textbook for Master Students / ed. P. Biriukov and V. Tuliakov. Voronezh, 2016 ; и др.

ют образ данной группировки, как совершенно нового, гибридного и конечно политического формирования. На слово «политическое» обратим внимание особо.

Для эрозии статусной базы ЕС нет оснований.

Действительно, принято считать, что ЕС это субъект международного права⁴⁶. Он, якобы, способен самостоятельно: 1) заключать международные договоры; и 2) имплементировать их. То есть ЕС – субъект будто бы уже политический. А если ещё и не политический, то политико-подобный или «на пути к государству», имеющий признаки и международной организации, и, якобы, государства одновременно.

Это расхожее мнение. Вообще говорить о возможности соединять в себе разноприродные свойства это, на наш взгляд, – фантазировать. «Переходного» или гибридного статуса, увы, не бывает в природе. Специфика второй статусной ипостаси ЕС может быть только вторичной, поверхностной, а никак не сущностной. Поэтому когда говорят ЕС – международная организация (далее МО) *sui generis*, то надо понимать, что специфика может быть только вторичная поверхностная, дополнительная. Природно-статусная основа явления остается базовой. А в случае с ЕС – это всё та же МО.

Чтобы исчезли сомнения – в каждом конкретном случае следует смотреть не на поверхностные и второстепенные признаки, а на сущностные признаки явления. Они вытекают из самого понятия МО, данного Венской конвенцией 1969 г. (а также Законом о международных договорах РФ 1995 г.) – «межгосударственная межправительственная организация». Как ёмко, кратко и точно уловлены в этом понятии все сущностные признаки МО.

⁴⁶ См.: Бирюков П.Н. Международное право : учебник для бакалавров : в 2 т. : 10-е изд., перераб. и доп. М., 2019. Т. 1 ; Международное право : учебник для бакалавров / отв. ред. Р.М. Валеев, Г.И. Курдюков. М., 2017 ; Международное право : учебник для академического бакалавриата / И.В. Гетьман-Павлова, Е.В. Постникова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2018 ; Шумилов В.М. Международное право : учебник. М., 2007 ; и др.

Придание актам ЕС, формам деятельности, процедурам некоего видимого государство-подобия не отменяет сущностных признаков того же ЕС, как МО. Это весьма поверхностные признаки, которые очень часто берутся для признания ЕС если еще не государством, то государство-подобием⁴⁷. В числе таковых – участие в заключении международных договоров, наименование актов ЕС, нетрадиционно большие контрольные полномочия Еврокомиссии, имплементация, адресация международных договоров физическим и юридическим лицам и многое другое. Вместе с тем, всё это – всего лишь несущественные процедуры. Как бы ни хотелось, а они не отменили с самого 1957 г. изначального статуса ЕС.

В конце концов, в самой Венской конвенции разрешается именовать договоры как хочется – пакт, нота, договор, постановление или директива... Это – дело самих государств. Международный договор не перестает быть международным договором, если даже его не именовать его таковым. Именованную саму МО также можно по усмотрению самих учредителей. Устраивать процедуры внутреннего взаимодействия также – как сами же решат. Но ЕС, почему-то на основании этих, якобы, «особенностей», принято зачислять в ранг МО *sui generis*, то есть чего-то, переходного и специфического, что позволяет говорить об эрозии статусной базы МО.

Эти возможности ЕС (заключать и имплементировать) не юридизированы ни учредительными соглашениями, ни, что самое главное, законодательством государств. Даже если в учредительных договоре и появляются, указания, например, на «верховенство права ЕС», «гражданство ЕС» и даже на право имплементации Европарламентом, то эти «узаконения» формальны, не объективны и, как оказалось, нереализуемы в жизни. Евросоюз и европраво стали

⁴⁷ См.: Schmidt S., Schunemann W.J. Europäische Union. Baden-Baden, 2009 ; Schütze R. European Union Law. Cambridge University Press, 2015 ; Schütze R. European Constitutional law. Cambridge University Press, 2012 ; и др.

площадкой для экспериментов с международным правом. Однако практика самым убедительным образом показывает, что объективно складывающиеся отношения внутри ЕС остаются международными, а не внутригосударственными. Попытка изобрести третий вид отношений и права («наднациональные») пока не увенчалась успехом. И, по всей видимости, не имеет перспективы. Кстати, и право не знает таких понятий, как «наднациональная организация» или «надгосударственный договор». Обратим внимание, что не только общее международное право, но и сами конвенции ЕС не только не дают таких определений, но избегают даже упоминания о таком квази-статусе ЕС.

Что касается так называемого «прямого действия» постановлений (регламентов) и решений ЕС, то мы уже ответили, что избирать наименования международным договорам – это воля самих государств-участников. Какую юридическую силу придать им – тоже. То есть мнимое «государствоподобие» наименований не должно смущать нас. Это творчество находится в рамках общего международного права.

Акты ЕС – международные договоры

Другой вопрос – почему постановления, и решения ЕС следует считать не административными актами «государствоподобия», а типичными международными договорами. Потому, что они такими на самом деле и являются. Обычно задают и второй вопрос – где вы видите у них *многосторонний* характер, свойственный международному договору? Ведь они выглядят как акт приказной, директивный, имперский, принудительный, а не как компромиссный и согласительный. Как акт, исходящий из одного источника [ЕС] – как это и свойственно актам внутреннего права.

Этот ответ (согласительности, многосторонности, компромиссности) сокрыт от читателя. Не только учебники, но и сам учредительный договор ничего не говорит о правовой природе этих

двух актов⁴⁸. О ней приходится лишь догадываться и опираться на практику и внутреннее право самих государств. Но и здесь вся аргументация уже разработана в рамках концепции так называемых «самоисполнимых международных договоров». Суть её в том, что государства в целях упрощения порядка и процедур международного сотрудничества одним (учредительным) договором имплементируют все дальнейшие, производные от него. То есть добровольно отказываются от «разовой» имплементации десятков и сотен «малых» конкретных договоров, принимаемых во исполнение основополагающего соглашения.

Естественно, это воля самих государств, а не созданной ими организации. Кстати, что касается наименований, то вспомним, что если государство-подобие наименований актов ЕС было принято государствами легко, то вот наименование Конвенции 2005 г., где она была поименована в «конституцию» уже не прошло. Однако то же соглашение без особого труда было имплементировано государствами, как только из его названия вычеркнуто возмутившее ряд стран слово «конституция».

Сбивает с толку еще и тот факт, что Европарламенту ещё проектом соглашения о Евроконституции 2005 г. было формально придано право ратификации международных договоров ЕС. Данный легализм был опровергнут практикой. Проще говоря, «ратификация» Европарламентом не влечет *никаких правовых последствий*. Она сугубо декларативна и не заменила собой ратификации (имплементации) государств. Евроратификация носит имиджевый характер и не влечет регулятивных последствий.

Полагаю, что постановления и решения ЕС – настоящие международные договоры государств-учредителей. Сами организации обладают лишь частным статусом «юридического лица» и имеют способность принимать лишь резолюции (т.е. рекомендации, как

⁴⁸ См.: Бирюков П.Н. Право международных организаций : учеб. пособие. 3-е изд. М., 2019 ; Капустин А.Я. Право Европейского союза : учебник для вузов. М., 2015 ; и др.

бы они не именовались) (см. ст. 38 Статута международного суда ООН). Плюс частно-хозяйственные акты местного административно – хозяйственного масштаба, не имеющие политического ранга и необязательные для государств. Это договоры и акты ЕС как корпорации (канцтовары, заказы, купля-продажа, мена, дарение, увольнения, прием на работу...). Плюс декларации. Брюссель принимает их в большом количестве. Для простоты и подтверждения частного статуса сошлюсь на ст. 281 *Договора о ЕС: Евросоюз есть юридическое лицо*. Всё предельно просто и убедительно. Но, к сожалению, этого факта почему-то многие пишущие не замечают. Итак, резюмируем: ЕС есть *частное* (юридическое лицо).

Международные организации как не имеющие политического статуса, самостоятельно не заключают международных договоров. За них это делают государства – члены, обладающие политическим статусом. ЕС лишь визирует межгосударственное соглашение своей нерешающей подписью. Этим акту придается наименование – «акт ЕС», что и вводит в заблуждение пишущих. ЕС остается и сохраняет все существенные критериальные признаки международной организации, как её понимает Венская конвенция 1969 г. Таким образом, межгосударственная межправительственная организация. Что касается квази-гибридности ЕС, то практика свидетельствует, что гибридных и промежуточных статусов природа не терпит.

Мы не углубляемся во все подробности аргументации, так как исходим из того, что это очевидные вещи, не раз раскрытые опытными авторами. А также простые и убедительные аргументы. ЕС действительно имеет статус международной организации в духе и букве Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. Его фундаментом является международный договор, а не конституция. Функционирует ЕС на взносы государств. Его собственные акты не носят публичной – международно-правовой силы. Необходимо выяснить лишь – сохранилась ли в отношениях государств и ЕС имплементация свойственная международному праву.

Имплементация международных договоров сохранилась

Несомненно, имплементация сохранилась. Правовые комплексы не слились в нечто единое. Национальная принадлежность юрисдикций сохранилась. Их слияние, как нередко говорят, не подтверждается ни правом, ни практикой. Напротив, европейское право (международное) и право государств (национальное) остаются совершенно разными правовыми комплексами. Взаимодействие между ними происходит точно также, как и между *международным правом и национальным*. Слияния не случилось. Сама природа ЕС и государств различна. В отличие от государств, отношения в ЕС базируются на принципе суверенного равенства сторон, т.е. государств.

Заметим, что отцы – учредители Евроальянса воспользовались свободой усмотрения. Государствоуподобления затронули не только наименования актов-договоров. Например, гражданство ЕС или право ратификации договоров ЕС, приданное Европарламенту. Конечно, такие формализации не должны вводить в заблуждение. Одно дело видимость, другое сущность. Формальный закон только тогда становится фактическим правом, когда он опирается на реально существующие отношения.

В итоге формально приданное право на ратификацию Европарламент не может реализовать. Правовых последствий это формальное право не влечет. Регулятивное значение имеют только национальные ратификации. Причем всех без исключений. Поэтому права на имплементацию международных соглашений у ЕС как не было изначально, так и нет. Мы помним, как, несмотря на положительную имплементацию Европарламента, Польша и Литва легко заблокировала СПС-2 с РФ. Причем сделала это по своим узконациональным интересам. Такого рода легализм не должен сбивать с толку.

В чём многосторонний согласовательский характер постановлений, директив, решений ЕС?

Договор умалчивает о том, как и когда проходит согласование постановлений и решений. Он выдает их исключительно за

собственные акты ЕС. Отсюда и мнение о якобы, их особом специфическом качестве. Международно-правовая природа их затушёвана. Но и здесь всё несложно.

Во-первых, статус органа, который их принимает – Совет (министров). Заметим, что и слово (министров) исключено из названия органа. С этим он, якобы, приобрел окончательный вид органа ЕС (Совет ЕС). На самом деле это орган межнационального сотрудничества – министров, т.е. самых официальных представителей государств. Они съезжаются в Брюссель с голосом государства, принятым не на коммунитарных, а во внутренних дебатах. Министры везут с собой голос своей страны, который получен путем многомесячных национально-парламентских дебатов. В ЕС, как в международном праве, действует правило 1 государство = 1 голос. Именно там происходит окончательное согласование волею государств.

Во-вторых, это Протокол об участии национальных парламентов в правотворчестве ЕС к Амстердамскому договору. Он прямо указывает на обязанность Комиссии направлять [своевременно] проекты актов ЕС в нац. парламенты для обсуждения. Заметим, что это не факультативная, а обязательная стадия «decision making» в ЕС.

В третьих, не надо забывать, что большинство актов принимаются в Совете путём единогласия, то есть традиционным международно-правовым методом.

Всё сказанное мною – очевидные вещи, которые почему-то «не замечаются» интерпретаторами.

Как проходит имплементация в государствах?

Суть национальной имплементации на примере Германии заключается в следующем.

Во-первых, она осуществляется посредством вступительного договора. В Германии – это Zustimmungsgesetz 1959 г.⁴⁹ (согласи-

⁴⁹ Zustimmungsgesetz vom 26. Juni 1959 // [https://www.bgbl.de/xaver/bgbl/start.xav?startbk=Bundesanzeiger_BGBl&start=//*\[@attr_id=%27bgbl159s0297.pdf%27\]#__bgbl__%2F%2F*%5B%40attr_id%3D%27bgbl159s0297.pdf%27%5D__1626161024555](https://www.bgbl.de/xaver/bgbl/start.xav?startbk=Bundesanzeiger_BGBl&start=//*[@attr_id=%27bgbl159s0297.pdf%27]#__bgbl__%2F%2F*%5B%40attr_id%3D%27bgbl159s0297.pdf%27%5D__1626161024555).

тельный закон), которым Берлин ратифицировал Договор о Европейском сообществе 1957 г. и присоединился к ЕС. На все «особенности» ЕС и её актов ФРГ дала согласие этим законом. Специалисты называют её «генеральной трансформацией». Другие государства сделали то же самое. После вступительных соглашений отпала необходимость включения имплементационной парламентской процедуры каждый раз. Технически это существенно облегчает сотрудничество. Однако порождает сомнения в самом статусе ЕС.

Во-вторых, государства настолько щепетильны в отношении своего суверенитета, что не пускают на самотёк и тысячи конкретных малых постановлений и решений ЕС. Протокол об участии национальных парламентов в правотворчестве ЕС именно и стал такой гарантией национального контроля и «малой» имплементации малых актов Брюсселя.

Евроакты наделены «пробивной силой» более высокой по сравнению с классическими международными договорами. Однако государства оказались концептуально не готовы к отказу и перестройке сложившейся с XIX в. системы и правил имплементации международного права.

Так, ФРГ проявила принципиальную *приверженность традиционной концепции имплементации*. Она проявила себя в качестве *настойчивого и последовательного её защитника* от «растворения» в коммунитарном «прямом действии» «евродокументов». Хотя, стоит заметить, что в середине 1980-х гг. был период, когда Федеральный Конституционный суд *смягчился и дрогнул* под напором ЕС. В последующие годы он, как мы знаем, вновь в полной мере вернулся к приоритету национальной концепции и сформулировал её в 1993 г. известным решением «Маастрихт». А в 2020 г. Конституционный суд Германии решением и вовсе признал один из актов ЕС *Ultra vires*.

В отношении сути имплементации приведем несколько высказываний специалистов. Например, профессор С.В. Черниченко пишет, что как бы ЕС не провозглашал прямой эффект европейско-

го права во внутригосударственные сферы, «в любом случае осуществление международного права не происходит без осуществления внутригосударственного права»⁵⁰. Ведь международное и внутригосударственное право не подчинены друг другу. Справедливо указывается и на вариабельность согласования двух систем: «способы согласования внутригосударственного и международного права различны и зависят от права конкретного государства... государства могут договориться об использовании определенных способов согласования. Но сущность этого процесса всегда одинакова: приведение государством своего внутреннего права в соответствие с международным с целью обеспечить выполнение предписаний, дозволений и запретов, установленных последним»⁵¹.

Ещё конкретнее высказался Р.А. Мюллерсон⁵²: «учредительные договоры ЕС – это нормы, которые для своего применения нуждаются в конкретизации. Их положения конкретизируются на международном уровне в других нормах международного права. Регламенты, директивы, решения и рекомендации – это нормы договорного права. Их санкционирование не обязательно *требует издания закона*. Это может быть *акт исполнительной власти (короля, президента)*, в упрощённой форме – *декретом или министерским приказом*. В каждом государстве имплементация может быть своеобразной и отличаться от других. В частности, в федеративных государствах она имеет более сложный характер, так как в неё включены субъекты федерации как самостоятельные акторы в сфере публичной власти».

ЕС не располагает собственными правоприменительными органами (агентствами) для реализации своих норм на местах. Их исполнение осуществляется инстанциями государств. Правовые

⁵⁰ Черниченко С.В. Теория международного права : в 2-х т. : Современные теоретические проблемы. М., 1999. Т. 1. С. 147.

⁵¹ Там же. С. 148.

⁵² Мюллерсон Р.А. Соотношение международного и национального права. М., 1982. С. 109.

акты ЕС, даже минуя процедуру трансформации (ратификации), реализуются в национальных правовых порядках не самостоятельно от себя лично, а лишь силой внутренних актов. Необходимо сказать – чтобы суметь реализоваться, право ЕС также зависит от национального права. Иными словами, даже те акты, о которых говорят как об актах «прямого действия», даже они вступают в национальную юрисдикцию только с разрешения последних. Верховные органы государств дают согласие на их вхождение в национальную юрисдикцию, сами решают, как и когда. Над государствами нет политического верховенства. Впрочем «прямых» актов лишь два – постановление и решение. С недавних пор все более в практике – и директивы. Однако формально в отношении директив Договор требует имплементации (выбора форм и методов действий).

Документы, принимаемые государствами для имплементации (ратификации) актов ЕС, имеют уже исключительно национальный характер. Это уже воля государств, а не Брюсселя. Имплементаторы: парламенты, органы исполнительной власти, иногда национальные суды (хотя по своим целям и функциям последние мало подходят для этого). Государство на основе своих законов решает, какому органу необходимо дать право на имплементацию. Другими словами, избираются формы и методы, какие внутригосударственных инстанции считают наиболее приемлемыми.

Регламенты и решения формально объявлены актами «прямого действия», и не предусматривают принятия разового имплементационного акта. На государства возлагается единственная обязанность – исполнять их. Причем уже в соответствии с внутренним правом. Однако не стоит забывать, что и над регламентами и решениями возвышается имплементационный закон общего характера – об имплементации учредительного договора. Все договоры, заключенные ЕС, которые создают для государств новые, непредусмотренные ранее обязательства, должны ими ратифицироваться.

Конституция не должна нарушаться

При имплементации директив или постановлений и решений в Германии речь всегда идет о национальных актах, а не международных. Органы власти находятся в жесткой зависимости от внутренних конституционных норм (см. ст. 1 ч. 3 Основного закона). Для Конституции ФРГ нет различий между происхождением нормы – внутренняя она или международная. Никакая не должна противоречить Основному закону. Конституция требует «немецкой» легитимации всех актов без привилегий и исключений, будь то «прямые» регламенты и решения или «непрямые» директивы. Заметим, что немецкие правоприменители не освобождаются от обязанности соблюдать Конституцию. Поэтому им придется нести ответственность и за «чисто» европейский акт, и за «онемеченную» директиву, и за собственно немецкую норму, иными словами, за их соответствие Конституции.

Контролю на совместимость с Основным законом подлежат не только директивы (через трансформационный акт), но и регламенты, решения, договорное право (через трансформационные законы). Правоприменитель в ФРГ обязан исполнить их конформно конституции (причем, как федеральной, так и земельной). Нельзя забывать, что конституция земли тоже не должна нарушаться. Об этой стороне вопроса не следует забывать. Так что оставить акт ЕС без имплементации не позволит вдобавок и земля ФРГ.

Таким образом, национальный барьер, невидимый на первый взгляд, не исчезает и оказывается исключительно важным для сохранения национально-правовой идентичности Германии. Однако все годы существования ЕС имплементация осуществляется не «после» окончательного принятия Советом постановления или решения, а «до» этого. Мы имеем в виду процедуру легитимации европейских регламентов, директив и решений, которая зиждется на федеральном и (земельных) парламентах. Их участие имеет место всегда в «перевод» европейского акта в национальное право.

Исключений в Германии не допускается. Если какой-либо европейский документ не будет легитимирован парламентом с вынесением на этот счёт соответствующего парламентского акта, он просто не будет соответствовать Конституции (ст. 38, 20 и 1) и не вступит в юридическую силу.

Все сомнения окончательно отпадут, если иметь в виду и еще одну норму Конституции ФРГ – ст. 59 (2). Она обязывает получить «одобрение или содействие органов, компетентных в сфере федерального законодательства»⁵³ на все договоры, регулирующие политические отношения Германии.

Таким образом, и с формальной (немецкой), и содержательной точек зрения порядок национальной имплементации актов ЕС не имеет отличий от имплементации международно-правовых договоров. Единственное отличие можно усмотреть в том, что парламент вступает в игру еще на стадии обсуждения договора, т.е. до согласования воль. А в международно-правовом – после подписания, т.е. окончания согласования воль государств. Но в обоих случаях парламент – обязательный участник имплементации.

Таким образом, согласно ст. 24 Конституции ФРГ, ЕС продолжает оставаться «межгосударственным учреждением». ЕС не отличается от иных межгосударственных МО по классическому международному праву.

Малозначительность – основание для отступления от правила трансформации?

Норма международного права, чтобы стать частью внутригосударственного правопорядка должна пройти процедуру её трансформирования. Без этого она не может стать действенной во внутреннем праве.

⁵³ Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland // <https://www.bundestag.de/grundgesetz>.

Что касается права ЕС, то его претензия на прямое действие, минуя процедуру трансформации, свойственную «обычному» международному праву, не может быть признана. Регламенты и «Решения» могут иметь и так называемое «горизонтальное» действие, т.е. налагать обязанности непосредственно на физических и юридических лиц, а не только на государства. Однако это возможно не в силу самого европейского акта, а в силу акта внутригосударственного. Если следовать терминологии ФРГ, «*в силу немецкого приказа на исполнение*». В Германии – эту роль играют ратификация и закон об одобрении всех трёх учредительных договоров о ЕС, плюс ратификация и издание специальных законов о вступлении в силу остальных межгосударственных соглашений. Именно в этих законах зафиксирован и так называемый прямой эффект и горизонтальное действие вторичных актов ЕС. Именно немецкий ратификационный (т.е. опосредующий договор) закон, а не сам регламент или директива ЕС приобретает силу «приказа на исполнение».

Однако трансформация в виде издания национального акта осуществляется не для всех директив, регламентов и решений. Причина здесь только одна – *малозначительность* этих актов. Другими словами, отказ от трансформирования актов ЕС происходит, опять – таки, по *внутренним основаниям*. Прямой эффект евроакта базируется только на *доброй воле* самих государств и реализуется и по существу, и по форме с их суверенного соизволения.

Малозначительность актов (регламентов, директив и решений) их в *основном технический* характер не требует постоянного включения официальных процедур для их юридической трансформации. Чем более объемлющий характер носит регламент, тем большая вероятность включения механизма традиционной трансформации. Яркий пример тому и одновременно камень преткновения провозглашенному прямому действию – это основные конституционные права и свободы в ФРГ (а также в Италии). Оба государства решили, над какими национальными сферами им необходимо сохранить особый контроль.

Возможности гибкости

В традиционном международном праве отказ от национально-правовой имплементации международного договора *по внутренним основаниям* недопустим. Внутреннее право должно быть приведено в соответствие с международными обязательствами. Варьированию на этом этапе может быть подвергнуто только внутригосударственное право, но не международное.

В ЕС, напротив, в случае отказа государства исполнять европейский регламент, возможны коррективы как со стороны внутригосударственного, так и европейского права (оговорки, исключения, дополнительные гарантии) и, в конечном итоге – достижение консенсуса даже *пост-фактум*.

Нормативная основа германской имплементации

Правовой основой для германской имплементации евроактов являются:

- а) конституционные нормы ФРГ;
- б) решения федеральных судов (конституционного и финансового);
- в) Договор ФРГ и ГДР об объединении 1990 г.;
- г) одобренные (имплементационные) законы (*Zustimmungsgesetze*).

Рассмотрим их подробнее.

Конституция: «Европейский приказ» или «немецкий приказ» – статьи 24 и 25

Продолжая тему правовой основы исполнения европрава, т.е. «*так называемого немецкого приказа*» и одновременно возвращаясь от теории к практическим вопросам, под правоприменением в ЕС следует понимать их применение национальными судами и административно – управленческими органами. Вопрос может ставиться так: какие правовые предпосылки имеются к тому, чтобы международный договор применялся *напрямую* правоприме-

нительными органами Германии? Другими словами, каким правовым положением устанавливается прямое применение договоров о ЕС⁵⁴?

Непосредственная применимость регулируется национальными нормами. Например, в Голландии она устанавливается даже национальной Конституцией. Также и в ряде других стран-членов. Ею устанавливается как внутригосударственное действие, так и внутригосударственный ранг европрава, а также и третий актуальный для нас аспект – это прямая непосредственная применимость права ЕС.

Решающее значение для имплементации европрава в Германии имеет внутригосударственная конституционная норма, а именно ст. 24 ч. 1, гласящая, что: «Федерация может законодательным путём передавать свои суверенные права межгосударственным учреждениям». Отсюда – имплементация директив осуществляется в ФРГ на основе этой конституционной нормы. Другая конституционная норма – ст. 25, устанавливает, что: «Общепризнанные нормы международного права являются составной частью Федерального права. Они имеют преимущество перед законами и порождают права и обязанности непосредственно для лиц, проживающих на территории Федерации».

⁵⁴ К толкованию ст. 25 Основного закона см.: *Schweitzer M.* Staatsrecht III. Staatsrecht-Völkerrecht-Europarecht. Heidelberg, 2010 ; *Rudolf W.* Völkerrecht und deutsches Recht – Theoretische und dogmatische Untersuchungen über die Anwendung völkerrechtlicher Normen in der Bundesrepublik Deutschland. Tübingen, 1967 ; *Geiger R.* Grundgesetz und Völkerrecht. 3. Auflage. München : C.H. Beck, 2002 ; *Meesen K.M.* Zur Theorie allgemeiner Rechtsgrundsätze des internationalen Rechts : Der Nachweis allgemeiner Rechtsgrundsätze des Europäischen Gemeinschaftsrechts // JIR. 1974. S. 283 ff. ; *Heinz A.A.E.* Zur Bedeutung und Auslegung von Art. 25 des Grundgesetzes // Fs. Küchenhoff, 2. Halbband. 1972. S. 805 ff ; *Silagi C.M.* Die allgemeinen Regeln des Völkerrechts als Bezugsgegenstand in Art. 25 GG und Art. 26 EMRK // EuGRZ. 1980. S. 632 ff ; *Matscher / Siehr / Delbrück.* Multilaterale Staatsverträge erga omnes und deren Inkorporation in nationale IPR – Kodifikationen 1986 ; *Doehring K.* Die allgemeinen Regeln des völkerrechtlichen Fremdrechts und das deutsche Verfassungsrecht, 1963.

Однако, подпадают ли интеграционные договоры под категорию «общепризнанных норм международного права»? Разъяснение сделал Федеральный финансовый суд ФРГ 21 мая 1987 г. Он не признал европейские учредительные договоры общепризнанными нормами международного права и, следовательно, составной частью федерального права Германии. По заключению Финансового суда: «к общепризнанным нормам международного права в смысле ст. 25 Основного закона относятся *jus cogens*, международное обычное право и общие правовые принципы».

Что касается международных договоров, то Финансовый суд ФРГ совершенно конкретно заключил, что: «ст. 25 Основного закона не распространяется и на международные договоры в том числе. Они становятся составной частью внутригосударственного правопорядка только на основе ратификационного закона»⁵⁵.

Статья 25 Конституции ФРГ обязывает национального законодателя и правоприменителя соблюдать общие правила международного права. «Органам управления и судам запрещается в силу ст. 25 Основного закона, давать силу *актам не немецкого происхождения*, нарушающим общие нормы международного права»⁵⁶ (выделено мной. – А. Кл.). Финансовый суд четко выразил главную идею, что для немецких публичных органов и судов приоритетным является не международный договор, а именно *германский ратификационный закон*. То есть не сами учредительные договоры ЕС являются для немецких правоприменительных органов «своим»

⁵⁵ Bundesfinanzhof, Urteil vom 1.2.1989 (I R 74/86), [89/1] // Deutsche Rechtsprechung zum Völkerrecht und Europarecht 1986-1993. *Giegerich / Philipp / Polakiewicz / Rädler / Zimmermann*, Heidelberg 1998 // <https://www.kulturkaufhaus.de/de/detail/ISBN-9783540639268/Soltau-V./Deutsche-Rechtsprechung-zum-Völkerrecht-und-Europarecht-1986---1993>.

⁵⁶ Bundesverfassungsgericht, (1. Kammer des Zweiten Senats), Beschluß vom 21.5.1987 (NJW 1988, 1462). Deutsche Rechtsprechung zum Völkerrecht und Europarecht 1986-1993. *Giegerich / Philipp / Polakiewicz / Rädler / Zimmermann*, Heidelberg 1998 // <https://www.kulturkaufhaus.de/de/detail/ISBN-9783540639268/Soltau-V./Deutsche-Rechtsprechung-zum-Völkerrecht-und-Europarecht-1986---1993>.

правом, а лишь собственные немецкие «согласительные» законы, легитимирующие действие этих договоров в рамках немецкой юрисдикции – акты собственного немецкого происхождения. Другими словами, силу имеет исключительно «немецкий приказ на исполнение» европредписаний, а не «европейский приказ».

«Европейская» статья 23 Основного закона

В 1990 г. в Конституцию ФРГ введена специальная статья – 23, заменившая собой устаревшие положения ст. 24. В литературе её называют «европейской статьей». Все её нормы регулируют членство ФРГ и её субъектов в ЕС.

По текстуальному объёму она едва ли не самая большая. Включает семь абзацев и прописывает наиболее важные вопросы членства в ЕС. Она примечательна тем, что в неё внесены не только обязательства Германии с членством в ЕС, но и самого Сообщества. Например, в ч. 1 на ЕС возлагается обязанность «сохранять принципы демократического, правового, социального и федеративного государства и принцип subsidiarity, а также гарантирует защиту основных прав, по существу совпадающих с основными правами, содержащимися в Основном законе»⁵⁷. Статья 23 – это норма общая, которая закрепляет самые общие аспекты взаимодействия ФРГ и ЕС. В специальных нормах фиксируются иные – более конкретные положения, отдающие приоритет своему национальному правопорядку.

Например, ст. 108 Основного закона гласит, что: «таможенные пошлины, финансовые монополии, налоги с оборота, регулируемые федеральным законодательством, включая налоги на импорт и выплаты в рамках Европейского Сообщества, регулируются федеральными финансовыми ведомствами». То есть не европейскими, а внутригосударственными (!). Хотя, как мы знаем по договору – все названные сферы давно «отошли» ЕС в «исключительное

⁵⁷ Конституции государств Европейского Союза / под ред. Окунькова Л.А. М., 1997. С. 188.

ведение». Чем не международно-правовая трансформация, с той лишь разницей, что регламенты и директивы ЕС о едином налоге с оборота и об отмене таможенных пошлин вводятся во внутреннее законодательство не решением Бундестага, а немецкими исполнительными органами (федеральными финансовыми ведомствами)? В этом как раз и состоит та «особенность» имплементации европейско-правовых актов, отличающая её от классической международно-правовой ратификации.

Есть и ряд иных норм Конституции, изменённые в связи с членством в ЕС

Это ст. 28 абз. 1 пол. 3, ст. 45, ст. 52 абз. 3а и ст. 88 пол. 2. С целью подготовки ратификации Маастрихтского договора в Конституцию Германии был внесён ряд изменений и дополнений.

В Конституции ФРГ есть и ещё одна – ст. 59 (2), которая (независимо от обязательного решения Люксембургского суда о прямом действии евроактов), по-прежнему, предписывает *необходимость и обязательность трансформации* права ЕС и, следовательно, легитимации международных договоров Федерации. Она гласит, что: «договоры, регулирующие политические отношения Федерации или касающиеся вопросов федерального законодательства, требуют одобрения или содействия органов, компетентных в сфере федерального законодательства; договоры оформляются федеральным законом...».

Имплементационные законы ФРГ

Наконец, имплементационные законы (генеральная трансформация) (по-немецки: Zustimmungsgesetze). Государством принимаются специальный закон или конституционная норма, провозглашающая приоритет европрава над национальным и его беспрепятственное действие в стране.

В других государствах-членах ЕС приняты аналогичные нормы – либо специальным законом, либо в форме отдельной статьи в

Конституции. Так, в Великобритании – все договорные обязательства имплементированы законом 1972 г. В Ирландии – о закон о Европейских сообществах – 1972 г., в Дании – это ст. 20 Конституции плюс закон о делегировании властных полномочий органам ЕС и порядок их имплементации, в Бельгии – ст. 25 Конституции, в Италии – ст. 11 и 23 Конституции разрешают передачу ЕС части суверенных полномочий и заодно приравнивают право ЕС к обычным законам и т.д.

Римский Договор о ЕЭС 1957 г. был ратифицирован всеми подписавшими его государствами и вступил в силу после сдачи на хранение последней ратификационной грамоты (как это и предписано статьей 313 ЕС). В государствах, вступивших в ЕС позднее, Договор действует на основе ратификации соответствующих договоров о вступлении.

В ФРГ все договоры о ЕС действуют на основе законов об одобрении так называемый “Zustimmungsgesetzes”. Договор о ЕОУС 1951 г. Бундестаг одобрил своим законом от 29 апреля 1952 г. Договоры о ЕЭС, ЕВРАТОМе 1957 г. одобрены законом от 27 июля 1957 г.

Договор о ЕОУС был изменен соглашением об общих органах для ЕС от 25 марта 1957 г., которым внесены изменения в ст. 46 ЕС. Оно также одобрено специальным немецким Zustimmungsgesetz, опубликованным в Bundesgesetzblatt⁵⁸.

Договор о введении единого Совета, единой Комиссии Европейских Сообществ 1965 г. (так называемый Fusionsvertrag – договор о слиянии) также одобрен немецким ратификационным законом 20 октября 1965 г.

Аналогично были ратифицированы германским парламентом и Договор об изменении определенных договорных норм, относящихся к бюджету ЕС от 22 апреля 1970 г. (Haushaltsvertrag) и все более поздние межгосударственные соглашения об интеграции в рамках ЕС (включая и Маастрихтский 1992 г. и Амстердамский 1997 г. и Ниццкий 2000 г.).

⁵⁸ BGBl II. 1960, S.1574.

Можно было бы назвать целый ряд других федеральных законов, трансформировавших европейские международно-правовые обязательства во внутреннее право Германии⁵⁹. Сюда включается даже отдельный Договор между ФРГ и ГДР 1990 г. о действии европрава.

Таким образом, «национальная имплементация» не умерла. Она существует и в ЕС. Это значит, что государства сохранили контроль за всеми актами, входящими в нац. юрисдикции. Немного изменились лишь формы имплементации актов ЕС (постановлений и решений). Поэтому говорить о некоей «наднациональности» ЕС и «прямом эффекте евроактов», по меньшей мере, преждевременно.

Литература

Бирюков П.Н. Международное право : учебник для бакалавров / П.Н. Бирюков. – 10-е изд., перераб. и доп. : в 2 т. – М. : Юрайт, 2019. – Т. 1. – 365 с.

Бирюков П.Н. Право международных организаций: учебное пособие / П.Н. Бирюков. – 3-е изд. – М., 2019. – 221 с.

Капустин А.Я. Право Европейского союза : учебник для вузов / А.Я. Капустин. – М., 2015. – 387 с.

Клёмин А.В. Европейское право и Германия. Баланс национального и наднационального / А.В. Клёмин. – Казань : Изд-во Казанского гос. университета, 2004. – 588 с.

Конституции государств Европейского Союза / под ред. Л.А. Окунькова. – М. : Издательская группа ИНФРА. – М ; НОРМА, 1997. – 887 с.

Международное право : учебник для бакалавров / отв. ред. Р.М. Валеев, Г.И. Курдюков. – М. : Статут, 2017. – 496 с.

Международное право : учебник для академического бакалавриата / И.В. Гетьман-Павлова, Е.В. Постникова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2018. – 560 с.

⁵⁹ Подробнее см.: Клёмин А.В. Европейское право и Германия. Баланс национального и наднационального. Казань, 2004. 588 с.

Мюллерсон Р.А. Соотношение международного и национального права / Р.А. Мюллерсон. – М. : Междунар. отношения, 1982. – 135 с.

Право Европейского Союза / под ред. С.Ю. Кашкина. – 4-е изд. – М. : Проспект, 2017. – 581 с.

Право Европейского Союза : учебник для вузов / Е.С. Алисиевич, В.Д. Бордунов, В. В. Долинская [и др.] ; под ред. А.Я. Капустина. – М. : Юрайт, 2015. – 387 с.

Черниченко С.В. Теория международного права : в 2 т. : Современные теоретические проблемы. – М. : НИМП, 1999. – Т. 1. – 366 с.

Шумилов В.М. Международное право : учебник / В.М. Шумилов. – М. : Велби, 2007. – 485 с.

Deutsche Rechtsprechung zum Völkerrecht und Europarecht 1986-1993). Giegerich / Philipp / Polakiewicz / Rädler / Zimmermann, Heidelberg, 1998 // <https://www.kulturkaufhaus.de/de/detail/ISBN-9783540639268/Soltau-V./Deutsche-Rechtsprechung-zum-Völkerrecht-und-Europarecht-1986---1993>.

Döhring K. Die allgemeinen Regeln des völkerrechtlichen Fremdrechts und das deutsche Verfassungsrecht, 1963. – 205 S.

Geiger R. Grundgesetz und Völkerrecht, 3. Auflage, C.H. Beck München 2002. – 384 S.

Heinz A.A.E. Zur Bedeutung und Auslegung von Art. 25 des Grundgesetzes // Fs. Küchenhoff, 2. Halbband, 1972. – S. 805-837.

Law of the European Union / ed. J. Fairhurst. – Birmingham City University. – 872 p.

Law of the European Union: a Textbook for Master Students / ed. P. Biriukov and V. Tuliakov. – Voronezh : VSU Publishing House, 2016. – 476 p.

Matscher / Siehr / Delbrück: Multilaterale Staatsverträge erga omnes und deren Inkorporation in nationale IPR – Heidelberg : C.F. Müller, 1986. – 221 p.

Meessen K.M. Zur Theorie allgemeiner Rechtsgrundsätze des internationalen Rechts: Der Nachweis allgemeiner Rechtsgrundsätze des Europäischen Gemeinschaftsrechts // Jahrbuch für Internationales Recht. 1974. – S. 283–301.

Rudolf W. Völkerrecht und deutsches Recht – Theoretische und dogmatische Untersuchungen über die Anwendung völkerrechtlicher Normen in der Bundesrepublik Deutschland. – Tübingen, 1967. – 323 S.

Schmidt S. Europäische Union / S. Schmidt, W.J. Schunemann. – Baden-Baden, 2009. – 429 S.

Schütze R. European Union Law / R. Schütze. – Cambridge University Press, 2015. – 793 p.

Schütze R. European Constitutional law / R. Schütze. – Cambridge University Press, 2012. – 538 p.

Silagi C.M. Die allgemeinen Regeln des Völkerrechts als Bezugsgegenstand in Art. 25 GG und Art. 26 EMRK // Europäische GRUNDRECHTE-Zeitschrift. 1980. – S. 632–649.

Schweitzer M. Staatsrecht III. Staatsrecht-Völkerrecht-Europarecht, 5. Auflage. – Heidelberg, 2010. – 306 S.

Talmon, Stefan A. G., Die Grenzen der Anwendung des Völkerrechts im Deutschen Recht (The Limits of Application of Public International Law in German Domestic Law) (June 17, 2012). Bonn. Research Papers on Public International Law № 5/2012 // <https://ssrn.com/abstract=2085470> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2085470>.

A. V. Klemin

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International and European Law, Institute of Economics, Management and Law named after V.G. Timiryasova (Kazan)

PROBLEMS OF THE IMPLEMENTATION OF EU LAW

Annotation. It is generally accepted that the EU has specific features, part of which is the lack of implementation of international legal norms. However, upon closer examination, the implementation of the so-called “direct” EU regulations and decisions is beyond doubt. Using Germany as an example, the author shows the mechanism of national implementation of the EU legal norms, including the constitutional one, which has survived and is effectively applied to all legal acts of the European alliance, without exception.

Key words: implementation; direct effect; EU law; international organization; international treaty; subject of international law; EU decision making.

Д. Г. Колос

кандидат юридических наук,
судья Суда Евразийского экономического союза

E-mail: kolos@tut.by

ПРОБЛЕМЫ *RATIONE MATERIAE* И *RATIONE PERSONAE* В ПРАВЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА И ПРАКТИКЕ СУДА ЕАЭС

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические вопросы компетенции Суда Евразийского экономического союза (Суд), касающиеся предметного и субъектного критериев. При анализе предметного критерия компетенции Суда обоснованы ряд предложений, в частности, о необходимости преобразования полномочий Суда по разрешению споров о соответствии международных договоров в рамках Евразийского экономического союза (Союз) Договору о Евразийском экономическом союзе в полномочия по осуществлению факультативной предварительной проверки всех видов международных договоров, входящих в право Союза; о расширении предмета оспаривания в Суде за счет таких актов Евразийской экономической комиссии, как распоряжения, рекомендации и определения; о перспективе предоставления Суду права налагать санкции за несоблюдение права Союза либо предписать устранение нарушения. При анализе субъектного критерия компетенции представляется необходимым расширение круга субъектов, правомочных на обращение в Суде за счет физических лиц, а также безусловное признание за таможенными представителями права на обращение в Суд. Помимо этого, поддерживается идея наделения Евразийской экономической комиссии правом обращаться в Высший Евразийский экономический совет в случае неисполнения решений Суда по вопросам выполнения государствами-членами обязательств в рамках функционирования внутреннего рынка с целью принятия необходимых мер.

Ключевые слова: компетенция, Суд Евразийского экономического союза, предметный критерий компетенции, субъектный критерий компетенции, Договор о Евразийском экономическом союзе,

международный договор, Евразийская экономическая комиссия, санкции, право на обращение в Суд Евразийского экономического союза, внутренний рынок.

В региональных интеграционных объединениях их судебным органам отводится ведущая роль в обеспечении единообразного применения и защиты интеграционного правопорядка, формирования уважительного отношения к нему.

Включение суда в институциональную систему интеграционного объединения априори предполагает направленность деятельности суда на укрепление интеграционных процессов. При этом суд не обладает абсолютной свободой действий и может оказывать влияние на развитие региональной интеграции, действуя исключительно в рамках тех полномочий, которые предоставлены ему государствами-членами объединения. Как отмечают исследователи, суд «должен принимать во внимание определенные политические факторы, но учитывая при этом интересы укрепления интеграции»⁶⁰.

В Евразийском экономическом союзе (далее – Союз, ЕАЭС) функционирует постоянно действующий судебный орган, призванный служить целям и задачам Союза – Суд ЕАЭС. В его статутных документах установлены особенности, связанные с правом на судебную защиту и его содержанием, находящимся в тесной связи с компетенцией Суда и критериями ее определения *ratione materiae* (предметный критерий), *ratione personae* (субъектный критерий), *ratione temporis* (временной критерий), *ratione loci* (критерий места)⁶¹.

В практике Суда ЕАЭС проблемные аспекты реализации компетенции для временного критерия и критерия места не выявлялись. Полагаем, это обусловлено для *ratione temporis* (когда юрис-

⁶⁰ Соколова Н.А. Укрепление региональной интеграции : судебное влияние // СПС «КонсультантПлюс», 2021.

⁶¹ Колос Д.Г. Компетенция Суда Евразийского экономического союза и Суда Европейского союза: сравнительно-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 ; Нац. Центр закон. и прав. исслед. Респ. Беларусь. Минск, 2020. С. 3–4.

дикция суда признается после определенной даты⁶²) четко установленным в праве Союза моментом вступления в силу Договора о ЕАЭС (с 1 января 2015 г.), а для *ratione loci* (юрисдикционная территория, на которой имело место нарушение норм⁶³) – границами Союза.

В то же время проблемы предметного (*ratione materiae*) и субъектного (*ratione personae*) критериев компетенции Суда ЕАЭС уже можно четко обозначить и внести предложения по их устранению и совершенствованию права Союза.

Предметная компетенция

В первую очередь, обратим внимание на споры о соответствии международного договора в рамках Союза Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (далее – Договор о ЕАЭС), которые могут быть инициированы государством – членом Союза.

Компетенция Суда Союза (далее – Суд) по данной категории дел является достаточно узкой. Проверка со стороны Суда направлена на установление постфактум соответствия Договору о ЕАЭС международных договоров в рамках Союза, примерами которых могут являться Договор о Таможенном кодексе ЕАЭС от 11 апреля 2017 г., Договор о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров ЕАЭС от 3 февраля 2020 г.

Анализ подп. 1 п. 39 Статута Суда Союза, являющегося приложением № 2 к Договору о ЕАЭС (далее – Статут Суда), позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, Суд Союза не наделен возможностью предварительного судебного нормоконтроля международных договоров в рамках Союза, который не только не подвергал бы ри-

ску стабильность правовой системы ЕАЭС в целом и договорного регулирования в частности, но и способствовал бы упреждению самих споров о таком соответствии.

Кроме того, международные договоры Союза с третьей стороной, являющиеся источником права Союза, исключены из числа возможных для оспаривания. И в плоскости данных договоров особенно стоит вопрос об участии международных организаций как вторичных субъектов международного права в процессе заключения международных договоров, поскольку «волеизъявление международной организации должно строго соответствовать компетенции, установленной государствами в правилах организации, прежде всего в ее уставе»⁶⁴.

В силу п. 40 Статута Суда государства-члены могут отнести к компетенции Суда споры, разрешение которых предусмотрено международными договорами Союза с третьей стороной, однако до настоящего времени такой механизм не задействован.

В этой связи видится целесообразным преобразование полномочий Суда по разрешению споров о соответствии международных договоров в рамках Союза Договору о ЕАЭС в полномочия по осуществлению факультативной предварительной проверки всех видов международных договоров, входящих в право Союза.

Право обращения в суд с заявлением о такой проверке международных договоров целесообразно предоставить не только государствам-членам, но и органам Союза, участвующим в процессе заключения соответствующего международного договора.

В качестве объекта такой проверки должна выступать оценка соответствия положений проекта международного договора нормам Договора о ЕАЭС, включая принципы функционирования Союза и его цели, в качестве итогового акта Суда – консультативное

⁶² Вылегжанин, А.Н., Зинченко, О.И. Юрисдикция Международного суда ООН : некоторые теоретические вопросы // Московский журнал международного права. 2018. № 4. С. 21.

⁶³ Афанасьев Д.В. Подача жалобы в Европейский суд по правам человека // СПС «КонсультантПлюс», 2021.

⁶⁴ Шибалева Е.А., Поточный М. Правовые вопросы структуры и деятельности международных организаций : учеб. пособие. 2 изд., перераб. и дополн. М., 1988. С. 46.

заклучение, как в процедуре обращения за разъяснением, а не решение, как в процедуре разрешения спора.

Полагаем, реализация данных предложений будет способствовать повышению стабильности евразийского правопорядка, совершенствованию системы судебного контроля за договорным регулированием и обеспечению правомерности договорной правосубъектности Союза.

Следующая практическая проблема возникает по спорам по заявлениям хозяйствующих субъектов.

Ratione materiae в таких делах заключается в проверке соответствия Договору и международным договорам в рамках Союза решений Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия), непосредственно затрагивающих и нарушающих права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

На сегодняшний день Комиссия как постоянно действующий регулирующий орган Союза принимает не только решения, которые «не должны противоречить не только конституционным принципам, но и всем конституционным нормам»⁶⁵, но и акты в форме распоряжений и рекомендаций. Договор о ЕАЭС закрепляет организационно-распорядительный характер распоряжений. Рекомендации, в свою очередь, обязательного характера не имеют, отсутствуют в числе источников права Союза⁶⁶, хотя на практике преимущественная часть правоприменителей следует им. Вместе с тем предметом оспаривания в Суде *de jure* могут выступать только решения.

Исследователи отмечают, что «в Союзе сформировалась негативная практика, которая предполагает невозможность оспарива-

⁶⁵ Договор как общеправовая ценность : монография / Авхадеев В.Р., Асташова В.С., Андриченко Л.В. [и др.] // СПС «КонсультантПлюс», 2021.

⁶⁶ Шулятьев И.А., Шкурченко Н.В. Имплементация норм права Евразийского экономического союза в законодательство государств – членов ЕАЭС // СПС «КонсультантПлюс», 2021.

ния рекомендательных актов Евразийской экономической комиссии в Суде ЕАЭС, поскольку данным органом избрано формальное прочтение Договора [о ЕАЭС. – прим. авт.], не наделяющее судебный орган Союза данной компетенцией»⁶⁷.

Хотя и существует доктринальный подход, допускающий возможность оспаривания распоряжений и рекомендаций как разновидности действий Комиссии⁶⁸, тем не менее, для правовой определенности и максимальной защиты хозяйствующих субъектов и бизнес-среды в целом видится необходимым закрепление в качестве самостоятельного предмета спора по критерию компетенции Суда *ratione materiae* распоряжений и рекомендаций Комиссии.

Еще один вид актов Комиссии, характерный для сферы конкуренции на трансграничных рынках, это определение. Как правило, определение опосредует движение дела на различных стадиях и процедурные вопросы. Так, Порядок рассмотрения заявлений (материалов) о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках, утвержденный Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 23 ноября 2012 г. № 97, Порядок проведения расследования общих правил конкуренции на трансграничных рынках, утвержденный Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 23 ноября 2012 г. № 98, Порядок рассмотрения дел о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках, утвержденный Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 23 ноября 2012 г. № 99, предусматривают вынесение определений: о проведении расследования; о передаче заявления (материалов) по подведомственности в уполномоченные органы государств-членов; об отсутствии оснований для проведения расследования; о прекращении рассмотрения заяв-

⁶⁷ Андреева Т.К., Улетова Г.Д. Новый этап судебной реформы : конституционные возможности и вызовы // СПС «КонсультантПлюс», 2021.

⁶⁸ Колос Д.Г. Компетенция Суда Евразийского экономического союза и Суда Европейского союза : сравнительно-правовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10. Минск, 2020. С. 110.

ления (материалов) и о его возвращении в связи с отзывом; о возбуждении и рассмотрении дела; об отказе в возбуждении дела, об изменении состава комиссии по рассмотрению дела, о продлении срока, отложении, приостановлении, возобновлении рассмотрения дела, о назначении экспертизы, об объединении дел в одно производство, о выделении дела в отдельное производство, которые оформляются в виде отдельного акта и подписываются уполномоченными лицами Комиссии.

В этой связи закономерно возникает вопрос о возможности оспаривания хозяйствующим субъектом актов Комиссии в форме определений.

Если придерживаться позитивистского подхода при толковании норм Договора о ЕАЭС, то следует признать, что акт Комиссии в форме определения не может быть обжалован в Суд.

Вместе с тем представляется, что хозяйствующим субъектам должна быть обеспечена возможность судебной защиты. Если процедура завершена принятием итогового решения Комиссии об установлении факта нарушения общих правил конкуренции – вынесенные в ходе расследования и рассмотрения дела определения можно оспаривать вместе с итоговым решением Комиссии. Однако особенно актуальной эта проблема становится в ситуации, когда акт наднационального антимонопольного органа препятствует дальнейшему движению дела (прекращение, приостановление, отказ в возбуждении и т.д.). Отсутствие у заинтересованных лиц возможности оспорить такой акт позволит констатировать нарушение права на доступ к правосудию⁶⁹, являющегося «важнейшим

⁶⁹ Бабкина Е.В., Колос Д.Г. К вопросу о возможности обжалования в суде интеграционного объединения определения исполнительного органа с наднациональными полномочиями в сфере конкуренции // Теоретические и прикладные аспекты современной юридической науки : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. В.И. Семенкова, Минск, 11 дек. 2015 г. / Нац. Центр закон. и прав. Исслед. Респ. Беларусь; редкол.: С. М. Сивец [и др.]. Минск, 2015. С. 27.

аспектом более широкого «права на суд»⁷⁰ в условиях, когда «судьи должны быть независимыми и беспристрастными»⁷¹.

Полагаем, что в целях правовой определенности возможность оспаривания определений Комиссии по делам о конкуренции, препятствующих дальнейшему движению дела, также должна быть прямо предусмотрена правом Союза.

Еще один аспект, проявивший себя в практике Суда, связан со спором о соблюдении права Союза в решении Суда от 21 февраля 2017 г. по спору по заявлению Российской Федерации в связи с исполнением Республикой Беларусь вытекающих из права Союза обязательств в области таможенного сотрудничества⁷². Здесь согласимся с мнением А.А. Федорцова, который для данной категории споров в рамках межгосударственного сотрудничества справедливо отметил, что «обращение в суд международной организации подчас становится единственным способом эффективно разрешить спорную ситуацию в строгом соответствии с нормами международного права»⁷³.

В то же время подобного рода споры являются наиболее сложными. О степени сложности спора по заявлению Российской Федерации для молодого на тот момент Суда, которому тогда едва исполнилось 2 года, и остроте дискуссии в совещательной комнате свидетельствуют количество и содержательность особых мнений, заявленных 5 из 10 судей Большой коллегии Суда.

Вместе с тем, Суд, как представляется, справился с поставленной перед ним задачей, дипломатично попытавшись снизить остроту самого спора, переведя его больше в русло толкования

⁷⁰ Ковлер А.И. Европейская конвенция в международной системе защиты прав человека : монография // СПС «КонсультантПлюс», 2021.

⁷¹ Ковлер А.И. Там же.

⁷² Решение Большой коллегии Суда ЕАЭС, 21 февр. 2017 г. // https://courteurasian.org/court_cases/C-2.16/.

⁷³ Федорцов А.А. Судебный нормоконтроль как важнейший фактор обеспечения евразийского правопорядка // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 2. С. 123.

права Союза, и сделать решение максимально корректным с точки зрения его последующего восприятия обеими сторонами. Так, описательно-мотивировочная часть решения была выдержана в форме, скорее присущей консультативному заключению, без указания ненужных для вывода Суда деталей и подробностей, а формулировка резолютивной части, при сохранении общего смысла и четком ответе на поставленный вопрос, инвертирована из негативного смыслового содержания в позитивное, но с соответствующими оговорками – Суд постановил не «установить факт неисполнения», а «установить факт исполнения не в полном объеме»⁷⁴.

Суд подтвердил действие одного из важнейших принципов интеграционного права – свободы движения товаров⁷⁵ и постановил, что решения таможенных органов государств-членов, в том числе в части указания о стране происхождения товаров, взаимно признаются и имеют презумпцию их соответствия таможенному законодательству Таможенного союза и равную для всех органов государств-членов юридическую силу, при этом таможенным органам целесообразно воздерживаться от одностороннего порядка решения вопроса о достоверности, допустимости, достаточности документов, выданных компетентными органами государства отправления.

В данном контексте следует отметить «ограниченную» по сравнению с Судом Европейского союза компетенцию Суда по рассмотрению межгосударственных споров. Это скорее не проблема, поскольку на этапе становления это скорее плюс, что Суд лишь констатирует факт соблюдения или несоблюдения государством правовой нормы, однако, в отличие от Суда Европейского союза, Суд не наделен полномочиями наложить санкции за несоблюдение

⁷⁴ Решение Большой коллегии Суда ЕАЭС, 21 февр. 2017 г. // https://courteurasian.org/court_cases/C-2.16/ (дата доступа: 19.07.2021).

⁷⁵ Капустин А.Я., Ковлер А.И., Белялова А.М., Лебедева Я.И., Фокин Е.А. Практика рассмотрения межгосударственных жалоб в международных судах: история вопроса и перспективы // СПС «КонсультантПлюс», 2021.

права Союза либо предписать устранение нарушения. Тем не менее, в дальнейшем, по мере повышения роли Суда и авторитета его решений, безусловно встанет вопрос о расширении компетенции в том числе и в этом направлении.

Субъектная компетенция

В зависимости от субъекта обращения Суд полномочен рассматривать споры, возникающие по вопросам реализации Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза в двух полярных плоскостях, обеспечивающих публичные и частные интересы.

Публичные интересы проявляют себя в спорах по заявлению государства-члена: а) о соответствии международного договора в рамках Союза Договору о ЕАЭС; б) о соблюдении другим государством-членом Договора о ЕАЭС, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза; в) о соответствии решения Комиссии Договору о ЕАЭС, международным договорам в рамках Союза и решениям органов Союза; г) об оспаривании действия (бездействия) Комиссии.

Частный интерес характерен для споров по заявлению хозяйствующих субъектов: а) о соответствии Договору о ЕАЭС и международным договорам в рамках Союза решения Комиссии, непосредственно затрагивающего и нарушающего права и законные интересы хозяйствующих субъектов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставленные им Договором о ЕАЭС и (или) международными договорами в рамках Союза; б) об оспаривании действия (бездействия) Комиссии при тех же условиях (непосредственно затрагивает и нарушает права и законные интересы).

Анализ приведенных норм позволяет заключить, что правом на обращение в Суд за разрешением споров наделены только государства-члены и хозяйствующие субъекты. При этом государ-

ства-члены относятся к «привилегированным истцам»⁷⁶, имея в виду более широкий круг споров, за разрешением которых они могут обратиться, и отсутствие необходимости обосновывать свою заинтересованность в деле, а также обладают иммунитетом от исков Комиссии и частных лиц, но не других государств-членов.

В этой связи обозначим ряд проблемных вопросов, разрешение которых, на наш взгляд, будет способствовать интенсификации евразийской интеграции и более эффективной защите прав интересов хозяйствующих субъектов.

Первый состоит в том, что Комиссия, являясь органом, уполномоченным проводить мониторинг и контроль исполнения государствами-членами права Союза, вправе осуществлять лишь административную процедуру простого уведомления государств-членов о необходимости исполнения предписаний права ЕАЭС и не обладает *locus standi* на обращение в Суд по делам о несоблюдении ими права Союза.

Следует признать, что наделение Комиссии такими полномочиями представляло бы более действенный механизм и уже само по себе стимулировало государства-члены соблюдать право Союза.

Здесь полагаю уместным провести аналогию с правом Европейского союза (далее – ЕС), которое наделяет Европейскую Комиссию полномочиями по обращению в Суд ЕС. В ЕС споры между государствами-членами о нарушении учредительных договоров крайне редки: Судом ЕС за все время рассмотрено всего пять таких дел. Абсолютное большинство исков данной категории (более двух тысяч) подано именно Европейской Комиссией как «хранительницей Договоров»⁷⁷, что обусловлено необходимостью соблюдения прописанной в Договоре о функционировании Европейского союза от 25 марта 1957 г. процедуры (до подачи заявления в Суд ЕС государство обращается в Европейскую Комиссию, которая рассматривает ситуацию и, в случае обоснованности обращения, предостав-

⁷⁶ Колос Д.Г. Компетенция Суда Евразийского экономического союза... С. 39.

⁷⁷ Там же. С. 66.

ляет государству возможность устранить нарушение до предъявления иска в суд). Благодаря этому механизму даже в случае, когда конфликт не исчерпывается, он трансформируется из межгосударственного спора в спор между государством-членом и Европейской Комиссией, что, на наш взгляд, благоприятнее для целей интеграции – во-первых, не создается дополнительная напряженность в отношениях между государствами, во вторых, Европейская Комиссия превращается в сильную сторону и получает дополнительный авторитет (статистика показывает, что требования Комиссии удовлетворялись в подавляющем большинстве случаев).

В отсутствие указанного механизма в праве ЕАЭС сложившаяся практика компенсирует его более активным использованием Комиссией права на обращение в Суд с запросом о разъяснении права Союза в контексте конкретных правоотношений с участием государств-членов. Такой субститут, хоть и неплохо зарекомендовавший себя, нельзя признать полноценным с учетом рекомендательного характера принимаемого в этих случаях Судом консультативного заключения.

В Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 г., утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. № 12 (далее – Стратегические направления), предлагается наделить Комиссию правом обращаться в Суд при неисполнении решений органов Союза в части, касающейся выполнения государствами-членами обязательств в рамках функционирования внутреннего рынка Союза.

Кроме того, в Стратегических направлениях предлагается наделить Комиссию правом обращаться в Высший Совет в случае неисполнения решения Суда Союза по вопросам, касающимся выполнения государствами-членами обязательств в рамках функционирования внутреннего рынка, с целью принятия необходимых мер.

Согласно Плану мероприятий по реализации Стратегических направлений, утвержденному распоряжением Совета Комиссии от

5 апреля 2021 г., срок внесения соответствующих изменений в Договор о ЕАЭС – декабрь 2023 г.

Надеемся, что так будут созданы предпосылки для полноценной реализации государствами-членами принципа *pacta sunt servanda*, устанавливающего «категорическое требование соблюдать заключенный договор вне зависимости от предписаний внутреннего, в том числе конституционного, права»⁷⁸, а также эффективного функционирования и развития самой евразийской интеграции, когда государства действуют в унисон с общей линией союза и отказываются от какого-либо отклонения от нее⁷⁹.

Вторая проблема – отсутствие права на обращения в Суд у физических лиц.

В частности, открытым остается вопрос о субъектном составе лиц, имеющих *locus standi* по делам об оспаривании индивидуально-правовых решений, действий (бездействия) Комиссии в сфере конкуренции, поскольку в соответствии с *lex specialis*, которым в данном случае является Протокол об общих принципах и правилах конкуренции, являющийся Приложением № 19 к Договору о ЕАЭС (далее – Приложение № 19), к хозяйствующим субъектам («субъектам рынка»), в отношении которых выносятся решения либо имеет место действие (бездействие) Комиссии, наряду с юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями относятся и физические лица, чья профессиональная приносящая доход деятельность подлежит государственной регистрации или лицензированию.

Таким образом, перечень субъектов рынка, а, следовательно, и потенциальных истцов, на основании *lex specialis* шире, чем категории частных субъектов, обладающих *locus standi* по общему пра-

виду Статута Суда. Помимо юридических лиц и индивидуальных предпринимателей он включает также физических лиц, не имеющих статуса предпринимателя. Кроме того, к ответственности за нарушение общих правил конкуренции на трансграничных рынках могут привлекаться «группы лиц», а также физические лица, являющиеся должностными лицами компании.

Принцип правовой определенности требует четкого нормативного указания в Приложении № 19 на возможность оспаривания индивидуально-правовых актов наднационального антимонопольного органа всеми его адресатами.

Данная проблема требует незамедлительного решения, поскольку, например, в случае наложения Комиссией штрафа за нарушение общих правил конкуренции на физических лиц для них в праве Союза *de jure* отсутствуют средства правовой защиты.

Точно так же обстоит дело и с отсутствием у международных служащих органов Союза права на обращение в Суд за разрешением трудовых споров, а наличие у органов Союза иммунитета ставит под сомнение возможность исполнения решения национального суда по данному вопросу даже в случае предоставления им судебной защиты. При этом имеющееся у сотрудников и должностных лиц право обратиться в Суд с заявлением о разъяснении норм права Союза в части трудовых правоотношений не может в полной мере восполнить указанный недостаток ввиду рекомендательного характера консультативного заключения и отсутствия у Суда возможности указания в нем полного спектра действий, необходимых для восстановления нарушенных прав заявителей.

Третья проблема проявляется при рассмотрении споров с участием таможенных представителей.

В спорах с частным интересом право на обращение в Суд может быть реализовано хозяйствующим субъектом, под которым в праве Союза понимаются юридическое лицо либо физическое лицо, являющееся индивидуальным предпринимателем, зарегистрированные в соответствии с законодательством государ-

⁷⁸ Лихачев М.А. Международное и внутригосударственное право: есть ли первый среди равных? // СПС «КонсультантПлюс», 2021.

⁷⁹ Султанов И.Р. Вопросы реализации принципа «*pacta sunt servanda*» в международном интеграционном процессе // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2009. № 31. С. 97.

ства-члена или третьего государства. Кроме того, оспариваемое решение, действие (бездействие) Комиссии должно непосредственно затрагивать и нарушать права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставленные правом Союза.

Анализируя правомочность обращения хозяйствующих субъектов в Суд, можно проследить, что практика Суда последовательно шла по пути оценки всех указанных критериев – является ли заявитель хозяйствующим субъектом в понимании права Союза, затрагивает ли решение, действие (бездействие) Комиссии его права и законные интересы, предоставленные правом Союза, нарушены ли такие права и законные интересы решением, действием (бездействием) Комиссии.

Принимая во внимание, что около половины всех рассмотренных Судом споров связано с решениями, действиями (бездействием) Комиссии, связанными с классификацией отдельных видов товаров по Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза, отдельного внимания заслуживает вопрос о наличии *locus standi* у хозяйствующих субъектов, являющихся таможенными представителями, деятельность которых связана с представлением в таможенных отношениях интересов иных хозяйствующих субъектов – декларантов, права и обязанности которых «тесно сопряжены с исполнением декларантом основной публично-правовой обязанности – уплатить таможенные платежи, специальные защитные, антидемпинговые и компенсационные пошлины»⁸⁰. И если практика решения Судом вопроса о приемлемости обращений декларантов изначально являлась устойчивой и единообразной, то в случае с обращениями таможенных представителей Суд демонстрировал различные подходы.

⁸⁰ Матвиенко Г.В. Реализация правового статуса декларанта – плательщика таможенных платежей в свете судебных решений // СПС «КонсультантПлюс», 2021.

В данном контексте приведу результаты ретроспективного анализа рассмотрения дел с участием таможенных представителей в Суде и его предшественнике – Суде Евразийского экономического сообщества (далее – Суд ЕврАзЭС).

В деле по заявлению ООО «ОНП» об оспаривании Решения Комиссии Таможенного союза (предшественницы Комиссии) о классификации товара таможенный брокер был признан надлежащим истцом. В решении по делу от 15 ноября 2012 г. Суд ЕврАзЭС указал, что оспариваемое решение Комиссии Таможенного союза «лишило ООО «ОНП» возможности реализации права на экономически выгодных условиях оказывать представительские услуги при таможенном оформлении товара»⁸¹. Апелляционная палата Суда, согласившись 21 февраля 2013 г. с решением Коллегии Суда, также проанализировала обстоятельства изменения правового статуса истца, лишённого права осуществлять деятельность в качестве таможенного брокера вследствие принятия оспариваемого решения Комиссии Таможенного союза и неисполнения обязательств⁸².

В дальнейшем Судом были приняты решения и постановления, свидетельствующие скорее о поиске ответа на вопрос о наличии у таможенного представителя *locus standi*, а не о создании единообразной правоприменительной практики.

В деле по заявлению ООО ТП «Руста-Брокер», которое являлось таможенным представителем, оспаривалось бездействие Комиссии. Вопрос о возможности обращения такого субъекта как надлежащего истца перед Судом не ставился, однако и его правомочие на обращение в Суд не было подвергнуто сомнению. Постановлением Суда от 12 декабря 2016 г. отказано в принятии заявления к производству по другим основаниям – в связи с тем, что отсутствовало нарушение Комиссией прав истца по рассмо-

⁸¹ Решение Суда ЕврАзЭС, 15 ноября 2012 г. // СПС «КонсультантПлюс», 2021.

⁸² Решение Апелляционной палаты Суда ЕврАзЭС, 21 февраля 2013 г. // СПС «КонсультантПлюс», 2021.

трению его запроса, который выходил за пределы компетенции Комиссии⁸³.

Аналогично не было поставлено под сомнение и право на обращение в Суд ЗАО «Юнитрейд», также являвшегося таможенным представителем, обжаловавшего классификационное решение Комиссии в отношении отдельного вида товара. Заявление ЗАО «Юнитрейд» было принято к производству постановлением Суда от 15 апреля 2015 г., однако производство по делу прекращено постановлением Суда от 19 мая 2015 г. по другим основаниям – в связи с отзывом заявления самим истцом, после чего в Суд обратился декларант – ЗАО «Дженерал Фрейт»⁸⁴.

Постановлением Суда от 10 марта 2020 г. производство по делу по заявлению таможенного представителя ООО «Электронная таможня» об оспаривании решения Комиссии о классификации отдельного вида товара прекращено в связи с отсутствием у Суда субъектной компетенции, поскольку такое решение непосредственно не затрагивало права и законные интересы истца в связи с его хозяйственной деятельностью⁸⁵. Принятие Судом к производству заявления ООО «Электронная таможня» и последующее прекращение производства по делу повлекло обращение в Суд с аналогичным заявлением самого декларанта – ОАО «СУЭК-КУЗ-БАСС», требования которого о признании решения Комиссии не соответствующим праву Союза были признаны обоснованными и удовлетворены решением Суда от 14 апреля 2021 г. Апелляционная палата Суда согласилась с данным выводом Коллегии Суда, изменив решение Коллегии Суда в иной части⁸⁶.

Решением Суда от 26 марта 2020 г. установлено наличие субъектной компетенции Суда и признано право АО «Транс Логистик Консалт» как таможенного представителя на обращение в Суд с за-

явлением об оспаривании бездействия Комиссии, связанного с таможенными правоотношениями, урегулированными правом Союза⁸⁷.

Апелляционная палата Суда рассмотрела дело по существу и в своем решении от 26 марта 2020 г. хоть и пересмотрела решение Коллегии Суда, тем не менее не поставила под сомнение вывод о наличии у Суда компетенции по рассмотрению спора по заявлению АО «Транс Логистик Консалт», фактически признав право таможенного представителя на обращение в Суд⁸⁸. В противном случае Апелляционная палата Суда должна была принять иное решение – об отмене решения Коллегии Суда и прекращении производства по делу в связи с отсутствием компетенции Суда.

В деле по заявлению ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг», также являвшегося таможенным представителем, об оспаривании бездействия Комиссии Судом вынесено решение от 27 апреля 2021 г. об удовлетворении требований истца. При принятии заявления к производству и в ходе его рассмотрения у Коллегии Суда не возникло сомнений относительно компетенции Суда и правомочности таможенного представителя на обращение в Суд, а в решении Суда сделан вывод о том, что права и законные интересы истца нарушены бездействием Комиссии⁸⁹. Данное решение было отменено решением Апелляционной палаты Суда от 9 июня 2021 г., но по иным основаниям, не связанным с правовым статусом таможенного представителя как субъекта, правомочного на обращение в Суд за защитой своих прав⁹⁰.

Приведенные дела в практике Суда ЕврАзЭС и Суда свидетельствуют о том, что истцы – хозяйствующие субъекты – оспа-

⁸³ https://courteurasian.org/court_cases/C-4.16/

⁸⁴ https://courteurasian.org/court_cases/C-6.15/

⁸⁵ http://courteurasian.org/court_cases/C-1.20/

⁸⁶ https://courteurasian.org/court_cases/C-1.21/

⁸⁷ Решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза, 26 марта 2020 г. // http://courteurasian.org/court_cases/C-2.19/

⁸⁸ Решение Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза, 7 октября 2020 г. // http://courteurasian.org/court_cases/C-2.19/

⁸⁹ Решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза, 27 апреля 2021 г. // http://courteurasian.org/court_cases/C-4.21/

⁹⁰ Решение Апелляционной палаты Евразийского экономического союза, 9 июня 2021 г. // http://courteurasian.org/court_cases/C-4.21/

ривали решения Комиссии Таможенного союза и Комиссии (ООО «ОНП», ЗАО «Юнитрейд», ООО «Электронная таможня»), бездействие органа Союза (ООО ТП «Руста-Брокер», АО «Транс Логистик Консалт», ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг»), так или иначе находящиеся в тесной связи с осуществляемой ими деятельностью в качестве таможенных представителей.

Полагаем, различия в предмете иска – оспаривание таможенным представителем решения Комиссии о классификации отдельного вида товара или действия (бездействия) Комиссии, связанных с таможенными правоотношениями, урегулированными правом Союза, – не должны оказывать влияние на наличие компетенции Суда.

Представляется, что первоочередным при необходимости оценки влияния (в данном случае негативного) решения, действия (бездействия) Комиссии на права и законные интересы субъектов является установление факта, затрагивают ли они права, гарантированные нормами наднационального права, составляющие правоспособность таких субъектов.

Как решение Комиссии, так и ее действие (бездействие) могут затрагивать и нарушать предоставленные Договором и международными договорами в рамках Союза права и законные интересы таможенного представителя как хозяйствующего субъекта при осуществлении им предпринимательской деятельности. При этом последующее установление факта, затрагиваются и нарушены ли права и законные интересы такого хозяйствующего субъекта решением, действием (бездействием) Комиссии, осуществляется Судом при рассмотрении дела по существу, однако разрешение данного вопроса не влияет на право таможенного представителя обратиться в Суд, а является лишь основанием для удовлетворения требований истца или отказа в их удовлетворении.

Право на осуществление хозяйственной деятельности в качестве таможенного представителя при включении в реестр таможенных представителей, а также право на получение дохода от

такой деятельности в условиях правовой определенности входят в состав правоспособности таможенного представителя. Соответственно, при их нарушении вследствие принятия Комиссией классификационного решения, влекущего уплату таможенных платежей, ее действия (бездействия) таким субъектам (равно как декларантам и иным лицам) должна быть обеспечена судебная защита.

Наличие приведенных прав производно от законного интереса таможенного представителя, направленного на профессиональное осуществление деятельности и экономические выгоды.

Непредоставление таможенному представителю возможности обращения в Суд ограничивает его право на доступ к правосудию, гарантированное конституциями всех государств – членов Союза и Конвенцией о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.

Рассмотренные проблемные вопросы компетенции Суда *ratione materiae* и *ratione personae* иллюстрируют необходимость дальнейшего поступательного совершенствования права Союза и компетенции Суда в целях обеспечения потребностей государств-членов и хозяйствующих субъектов, развития и углубления интеграции.

Литература

Дело по заявлению Российской Федерации по спору о соблюдении Республикой Беларусь Договора о ЕАЭС, ст. 125 ТК ТС, ст. 11 и 17 Соглашения о взаимной административной помощи таможенных органов государств-членов таможенного союза [Электронный ресурс] : решение Большой коллегии Суда ЕАЭС, 21 февр. 2017 г. // Суд ЕАЭС. – Режим доступа: https://courteurasian.org/court_cases/C-2.16/. – Дата доступа: 19.07.2021.

Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза по заявлению общества с ограниченной ответственностью ТП «Руста-Брокер» [Электронный ресурс] : Постановление Коллегии Суда Ев-

разийского экономического союза, 12 декабря 2016 г. // Режим доступа: https://courteurasian.org/court_cases/C-4.16/. – Дата доступа: 19.07.2021.

Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза по заявлению закрытого акционерного общества «Дженерал-Фрейт» [Электронный ресурс] : Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза, 15 апр. 2015 г. // Режим доступа: https://courteurasian.org/court_cases/C-6.15/. – Дата доступа: 19.07.2021.

Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза по заявлению общества с ограниченной ответственностью «Электронная таможня» об оспаривании решения Евразийской экономической комиссии о классификации отдельного вида товара [Электронный ресурс] : Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза, 10 марта 2020 г. // Режим доступа: http://courteurasian.org/court_cases/C-1.20/. – Дата доступа: 19.07.2021.

Решение Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического сообщества по заявлению общества с ограниченной ответственностью «ОНП» о признании не соответствующим международным договорам, заключенным в рамках Таможенного союза, Решения Комиссии Таможенного союза от 18.10.2011 г. № 819 «О классификации в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Таможенного союза транспортных средств МТЛБ, МТПЛБ, ТГМ» [Электронный ресурс] : Решение Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического сообщества, 21 февраля 2013 г. // СПС «Консультант-Плюс», Москва, 2021.

Решение Суда Евразийского экономического сообщества по заявлению общества с ограниченной ответственностью «ОНП» о признании не соответствующим международным договорам, заключенным в рамках Таможенного союза, Решения Комиссии Таможенного союза от 18.10.2011 г. № 819 «О классификации в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Таможенного союза транспортных средств МТЛБ, МТПЛБ, ТГМ» [Электронный ресурс] : Решение Суда Евразийского экономического сообщества, 15 ноября 2012 г. // СПС «КонсультантПлюс», Москва, 2021.

Решение Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза по заявлению акционерного общества «СУЭККУЗБАСС» о признании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от

10 сентября 2015 г. № 113 «О внесении изменений в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза в отношении отдельных видов проходческих и очистных машин» и решения Совета Евразийской экономической комиссии от 18 октября 2016 г. № 101 «О внесении изменений в единую Товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза», а также бездействия Евразийской экономической комиссии не соответствующими Договору о Евразийском экономическом союзе, Таможенному кодексу Евразийского экономического союза, Международной конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров и международным договорам в рамках Союза и нарушающими права и законные интересы истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности [Электронный ресурс] : Решение Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза, 15 июля 2021 г. // Режим доступа: https://courteurasian.org/court_cases/C-1.21/. – Дата доступа: 19.07.2021.

Решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза по заявлению акционерного общества «Транс Логистик Консалт» об оспаривании бездействия Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс] : Решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза, 26 марта 2020 г. // Режим доступа: http://courteurasian.org/court_cases/C-2.19/. – Дата доступа: 19.07.2021.

Решение Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза по жалобе Евразийской экономической комиссии на решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 26 марта 2020 года по делу по заявлению акционерного общества «Транс Логистик Консалт» об оспаривании бездействия Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс] : Решение Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза, 7 октября 2020 г. // Режим доступа: http://courteurasian.org/court_cases/C-2.19/. – Дата доступа: 19.07.2021.

Решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза по заявлению общества с ограниченной ответственностью «ДХЛ Глобал Форвардинг» об оспаривании бездействия Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс] : Решение Коллегии Суда Евразий-

ского экономического союза, 27 апреля 2021 г. // Режим доступа: http://courteurasian.org/court_cases/C-4.21/. – Дата доступа: 19.07.2021.

Решение Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза по заявлению общества с ограниченной ответственностью «ДХЛ Глобал Форвардинг» об оспаривании бездействия Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс] : Решение Апелляционной палаты Евразийского экономического союза, 9 июня 2021 г.// Режим доступа: http://courteurasian.org/court_cases/C-4.21/. – Дата доступа: 19.07.2021.

Андреева Т.К. Новый этап судебной реформы : конституционные возможности и вызовы [Электронный ресурс] / Т.К. Андреева, Г.Д. Улетова // СПС «КонсультантПлюс», Москва, 2021.

Афанасьев Д.В. Подача жалобы в Европейский суд по правам человека [Электронный ресурс] / Д.В. Афанасьев // СПС «КонсультантПлюс», Москва, 2021.

Бабкина Е. В. К вопросу о возможности обжалования в суде интеграционного объединения определения исполнительного органа с наднациональными полномочиями в сфере конкуренции / Е. В. Бабкина, Д. Г. Колос // Теоретические и прикладные аспекты современной юридической науки : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. В. И. Семенкова, Минск, 11 дек. 2015 г. / Нац. центр закон. и прав. исслед. Респ. Беларусь; редкол. : С. М. Сивец [и др.]. – Минск : Ин-т радиологии, 2015. – С. 27–28.

Вылегжанин А.Н. Юрисдикция Международного суда ООН : некоторые теоретические вопросы / А.Н. Вылегжанин, О.И. Зинченко // Московский журнал международного права. – 2018. – № 4. – С. 6–32.

Договор как общеправовая ценность : монография [Электронный ресурс] / Авхадеев В.Р., Асташова В.С., Андриченко Л.В. [и др.] // СПС «КонсультантПлюс», Москва, 2021.

Колос Д.Г. Компетенция Суда Евразийского экономического союза и Суда Европейского союза : сравнительно-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Д.Г. Колос ; Нац. центр закон. и прав. исслед. Респ. Беларусь. – Минск, 2020. – 23 с.

Капустин А.Я. Практика рассмотрения межгосударственных жалоб в международных судах: история вопроса и перспективы [Электронный

ресурс] / А.Я. Капустин, А.И. Ковлер, А.М. Белялова, Я.И. Лебедева, Е.А. Фокин // СПС «КонсультантПлюс», Москва, 2021.

Ковлер А.И. Европейская конвенция в международной системе защиты прав человека : монография [Электронный ресурс] / А.И. Ковлер // СПС «КонсультантПлюс», Москва, 2021.

Ковлер А.И. Европейская конвенция: проблемы толкования и имплементации: монография [Электронный ресурс] / А.И. Ковлер // СПС «КонсультантПлюс», Москва, 2021.

Колос Д.Г. Компетенция Суда Евразийского экономического союза и Суда Европейского союза: сравнительно-правовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Д.Г. Колос. – Минск, 2020. – 209 л.

Лихачев М.А. Международное и внутригосударственное право: есть ли первый среди равных? [Электронный ресурс] / М.А. Лихачев // СПС «КонсультантПлюс», Москва, 2021.

Матвиенко Г.В. Реализация правового статуса декларанта – плательщика таможенных платежей в свете судебных решений [Электронный ресурс] / Г.В. Матвиенко // СПС «КонсультантПлюс», Москва, 2021.

Соколова Н.А. Укрепление региональной интеграции: судебное влияние [Электронный ресурс] / Н.А. Соколова // СПС «КонсультантПлюс», М., 2021.

Султанов И.Р. Вопросы реализации принципа «*parata sunt servanda*» в международном интеграционном процессе / И.Р. Султанов // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2009. – № 31. – С. 97–104.

Федорцов А.А. Судебный нормоконтроль как важнейший фактор обеспечения евразийского правопорядка / А.А. Федорцов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2016. – № 2. – С. 122–127.

Шиббаева Е. А. Правовые вопросы структуры и деятельности международных организаций : учеб. пособие / Е.А. Шиббаева, М. Поточный. – 2 изд., перераб. и дополн. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1988. – 192 с.

Шулятьев И.А. Имплементация норм права Евразийского экономического союза в законодательство государств – членов ЕАЭС [Электронный ресурс] / И.А. Шулятьев, Н.В. Шкурченко // СПС «КонсультантПлюс», Москва, 2021.

D.G. Kolos

candidate of legal sciences,

Judge of the Court of the Eurasian Economic Union

**RATIONE MATERIAE AND RATIONE PERSONAE PROBLEMS
IN THE LAW OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION
AND THE PRACTICE OF THE EAEU COURT**

Annotation. The article covers theoretical and practical issues of the Court of the Eurasian economic union (Court) competence, particularly, it's objective and subjective criteria. While analyzing objective criteria of Court's competence the author approves following. There is a necessity of transformation Court's competence – instead of jurisdiction to resolve disputes concerned international treaties within Eurasian economic union (EEU) conformability to the Treaty of the Eurasian economic union need to establish jurisdiction to provide optional preliminary review of all types of international treaties composing EEU law; subject-matter shall be broaden and shall cover all the acts legislated by the Eurasian economic commission, including arrangements, recommendations, rulings; in the long run Court shall be empowered to impose sanctions in case of infringements of EEU law or bind over remedy of defaults. While analyzing subjective criteria of Court's competence the author comes to the point of widening range of those who can bring a case to the Court and entitle individual persons to issue legal procedure to the Court, recognize customs agent right to pursue litigation. Along with that there is an idea to endue Eurasian economic commission with authority to appeal to the Supreme Eurasian economic council in case of non-enforcement of Court decisions concerned member-states and their obligations within internal market functioning in order to take requisite measures.

Key words: competence, the Court of the Eurasian economic union, objective criteria of competence, subjective criteria of competence, the Treaty on the Eurasian economic union, international treaty, Eurasian economic commission, sanctions, right of access to the Court of Eurasian economic union, internal market.

Е.М. Краснова

адъюнкт Академии управления МВД России (Москва)

E-mail: elenakrasnova12@yandex.ru

**ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ (МИЛИЦИИ, ПОЛИЦИИ)
ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ СНГ**

Аннотация: В статье уточняется и раскрывается сущность понятий «полномочия» и «компетенция» органов внутренних дел (милиции, полиции); дается сравнительный анализ законодательного закрепления полномочий органов внутренних дел и должностных лиц в России и других странах – участниках СНГ; подчеркивается роль и важность системы действующих национальных законодательств в решении стоящих перед государством задач и функций на современном этапе его развития государств СНГ.

Ключевые слова: полномочия; компетенция; совокупность прав и обязанностей; органы внутренних дел (полиция, милиция); законодательные акты; правовое положение, нормы международного права.

Государство наделяет полномочиями тот или иной орган управления на совершение определенных действий через установление компетенции и закрепляет эту деятельность в законодательные рамки. Анализируя основные, используемые в действующем законодательстве способы установления компетенции, можно сделать вывод о том, что единообразного понимания законодателем понятия, обозначаемого термином «компетенция» нет.

Во многих отраслях права термин «полномочие» рассматривается как составная часть компетенции (совокупность полномочий, прав, обязанностей) и статус органа, должностного лица, выполняющего управленческие функции, а также других лиц, реализующих функции, предусмотренные для них законодательством. Та-

ким образом, государство наделяет органы власти полномочиями реализовывать правоприменительную деятельность.

Традиционным является понимание компетенции государственного органа как совокупности закрепленных за ним властных полномочий (прав и обязанностей)⁹¹. Поэтому четкость в законодательном закреплении полномочий любого органа – залог его эффективного функционирования, решения стоящих перед ним задач⁹². Понятие «полномочие» широко используется в деятельности органов внутренних дел (полиции).

Реформирование системы органов внутренних дел в Российской Федерации ознаменовалось в 2011 г. принятием ФЗ «О полиции»⁹³. Он прекратил действие Закона РФ от 18 апреля 1991 г. № 1026-I «О милиции»⁹⁴. ФЗ 2011 г. закрепил в главе 3 обязанности и права полиции. В соответствии со ст. 12 гораздо детальнее регламентируется осуществление отдельных обязанностей полиции. Статья 13 раскрывает права сотрудников полиции при осуществлении ими полномочий в различных сферах деятельности. Продолжающийся процесс реформирования влечет за собой как количественное, так и качественное изменение полномочий сотрудников полиции, направленных на усиление гарантий защиты прав и законных интересов граждан.

Основными законодательными актами, устанавливающими правовое положение при осуществлении полномочий органов внутренних дел (полиции, милиции) в государствах СНГ являются: Закон Азербайджанской Республики «О полиции» 1999 г.⁹⁵; Закон Рес-

спублики Армения «О полиции» 2001 г.⁹⁶; Закон Республики Беларусь «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» 2007 г.⁹⁷; Закон Республики Молдова «О деятельности полиции и статусе полицейского» 2012 г.⁹⁸; Закон Республики Казахстан «Об органах внутренних дел Республики Казахстан» 2014 г.⁹⁹; Закон Кыргызской Республики «Об органах внутренних дел Кыргызской Республики» 1994 г.¹⁰⁰; Закон Республики Таджикистан «О милиции» 2004 г.¹⁰¹; Закон Туркменистана «Об органах внутренних дел Туркменистана» 2011 г.¹⁰²; Закон Республики Узбекистан «Об органах внутренних дел» 2016 г.¹⁰³; Закон Украины «О Национальной полиции» 2015 г.¹⁰⁴, а также иные законодательные акты.

Рассмотрим закрепляемые в них компетенции, полномочия, возложенные на органы внутренних дел государств – участников СНГ.

Закон Республики Армения 2001 г. в главе 2 «Обязанности полиции» четко устанавливает обязанности по направлениям: обязанности полиции при обеспечении безопасности человека и защите его прав и свобод (ст. 10); обязанности полиции в борьбе с преступлениями и иными правонарушениями (ст. 11); обязанности полиции при охране общественного порядка (ст. 12); обязанности полиции при обеспечении безопасности дорожного движения (ст. 13); обязанности полиции при осуществлении контроля за хранением и использованием оружия (ст. 14); обязанности полиции при охране имущества граждан и организаций (ст. 15); обязанно-

⁹⁶ Официальные ведомости Республики Армения. 2001. № 15 (147). Ст. 378.

⁹⁷ Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь от 24 июля 2007 года, №173, 2/1360.

⁹⁸ Официальный монитор Республики Молдова. 2013. № 42–47. Ст.145.

⁹⁹ Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2014. № 8 (2657), ст. 48.

¹⁰⁰ Ведомости Жогорку Кенеша Кыргызской Республики. 1996. № 3, ст.76.

¹⁰¹ https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=8251.

¹⁰² Ведомости Меджлиса Туркменистана. 2011. № 2 (1004).

¹⁰³ Собрание законодательства Республики Узбекистан. 2016. № 38(746), ст. 438.

¹⁰⁴ Ведомости Верховной Рады Украины. 2015. № 40–41, ст. 379.

⁹¹ Конституционное право России : учебник / отв. ред. А.Н. Кокотов и М.И. Кукушкин. – 4-е изд., пересмотренное и доп. М., 2010. С. 331.

⁹² Понкин И.В., Лаптева А.И. Методология научных исследований и прикладной аналитики : учебник : изд. 2-е. М., 2021. 567 с.

⁹³ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.

⁹⁴ Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 16, ст. 503. Утратил силу.

⁹⁵ Сборник законодательных актов Азербайджанской Республики. 1999. № 11, ст. 611.

сти полиции в условиях чрезвычайной ситуации (ст. 16); обязанности полиции при осуществлении мер принуждения по особому поручению (ст. 17); обязанности полиции при обеспечении паспортного режима (ст. 18).

Глава 2 Закона отдельными статьями раскрывает права полиции: права полиции при предотвращении преступлений и иных правонарушений (ст. 19); права полиции при выявлении и раскрытии преступлений (ст. 20); права полиции при предупреждении и раскрытии административных правонарушений (ст. 21); права полиции при охране общественного порядка (ст. 22); права полиции при осуществлении контроля за хранением и использованием оружия (ст. 23); права полиции при обеспечении безопасности дорожного движения (ст. 24); права полиции в условиях чрезвычайной ситуации и при осуществлении специальных мероприятий (ст. 25); права полиции при задержании лиц, уклоняющихся от наказания (ст. 26); права полиции в борьбе с преступлениями и административными правонарушениями, совершенными военнослужащими (ст. 27); права полиции в привлечении граждан, а также должностных лиц и средств массовой информации к борьбе с преступлениями и административными правонарушениями (ст. 28).

В главе 2 Закон Азербайджанской Республики 1999 г. закрепляет обязанности сотрудника полиции: общие обязанности сотрудника полиции (ст. 13), обязанности сотрудника полиции в области охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности (ст. 14), обязанности сотрудника полиции в области предотвращения преступлений и других правонарушений и раскрытия (ст. 15), обязанности сотрудника полиции в области обеспечения безопасности дорожного движения (ст. 16). Права сотрудника полиции закреплены в ст. 17–20 указанного Закона. Отдельной главой выделены полномочия сотрудника полиции, связанные с ограничением прав лица на свободу, неприкосновенность жилья, применением физической силы.

Закон Республики Беларусь 2007 г. в Главе 4 разграничивает обязанности и права органов внутренних дел (ст. 22, 24) и их сотрудников (ст. 23, 25). Они в пределах своей компетенции обеспечивают общественный порядок, безопасность личности, общества и государства, принимают необходимые меры по защите жизни, здоровья, чести, достоинства, прав, свобод и законных интересов граждан и др. Отдельной Главой выделены полномочия сотрудников органов внутренних дел по применению физической силы, специальных средств, оружия, боевой и специальной техники.

Милиция республики Беларусь – система подразделений органов внутренних дел, состоит из криминальной милиции, милиции общественной безопасности и иных подразделений, создаваемых для выполнения задач милиции по решению Министра внутренних дел, если иное не определено Президентом Республики Беларусь. Следует отметить, что роли полномочий Президента и государственных органов в сфере деятельности органов внутренних дел уделяется большое внимание в Главе 2 указанного Закона.

Закон Республики Казахстан 2014 г. в Главе 2 перечисляет задачи, компетенции и полномочия органов внутренних дел. Компетенции изложены в ст. 5, полномочия – в ст. 6, где в части 1 перечислены обязанности органов внутренних дел в пределах своей компетенции, в части 2 перечислены права, также в пределах своей компетенции.

Исходя из содержания ст. 5, «компетенция» органов внутренних дел – это осуществление в пределах поставленных задач различных мер, направленных на выявление, изучение, устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений; по охране общественного порядка; осуществление контроля в разных сферах деятельности; осуществление производства по делам об административных правонарушениях; осуществление раскрытия и расследования уголовных правонарушений; оказание государственных услуг, осуществление международного сотруд-

ничества. В содержании ст. 6 Закона определяются полномочия как совокупность прав и обязанностей по защите жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, интересов общества и государства от противоправных посягательств, охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности.

МВД Киргизской Республики – государственный вооружённый правоохранительный орган, осуществляющий исполнительные и распорядительные функции по обеспечению общественного порядка и безопасности, а также по борьбе с преступностью.

Закон Республики Молдова 2012 г. в ст. 3 определяет правовую основу осуществления полномочий в соответствии с Конституцией Республики Молдова, законом и другими действующими нормативными актами, международными договорами, стороной которых является Республика Молдова. Основными направлениями деятельности полиции при осуществлении полномочий являются: порядок и общественная безопасность; комплексное управление государственной границы; борьба с организованной преступностью; управление потоками миграции; меры по обеспечению соблюдения прав и основных свобод человека, а также в защите частной и государственной собственности; учет населения и гражданства, а также учет транспортных средств и их водителей транспортных средств; государственных материальных и мобилизационных резервов.

Закон Республики Таджикистан 2004 г. закрепляет обязанности (ст. 10) и права милиции (ст. 11). Милиция является государственным правоохранительным органом, органом дознания и предварительного следствия и призвана в рамках своей компетенции защищать права и свободы человека и гражданина, общественный порядок, интересы общества и государства от преступных и иных посягательств, и наделена правом применения мер принуждения в пределах, установленных настоящим Законом и другими законами.

Закон Туркменистана 2011 г. провозглашает, что органы внутренних дел Туркменистана являются «органом государственно-

го управления, осуществляющим в соответствии с законодательством Туркменистана охрану законности и общественного порядка, прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, интересов общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств, обеспечивающим их предупреждение и пресечение, проводящим дознание, предварительное следствие и оперативно-розыскную деятельность, а также выполняющим задачи, возложенные на них настоящим Законом и иными нормативными правовыми актами Туркменистана» (ст. 1).

Закон Республики Узбекистан 2016 г. перечисляет основные направления деятельности органов внутренних дел в пределах своей компетенции: защита прав, свобод и законных интересов граждан; охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности; осуществление доследственной проверки, оперативно-розыскной деятельности, проведение дознания и предварительного следствия по уголовным делам; борьба с преступностью и терроризмом. Обязанности и права органов внутренних дел отражены в главе 2 Закона. Расширенный перечень обязанностей (их более 50) органов внутренних дел Республики Узбекистан закреплен в ст. 16. В пределах своих полномочий органы внутренних дел, согласно ст. 17, имеют право: требовать от граждан соблюдения законодательства, прекращения противоправных действий, а в случае невыполнения этих требований применять меры принуждения; проверять при осуществлении своих служебных обязанностей у граждан документы, удостоверяющие личность; требовать от граждан покинуть место совершения преступления, административного правонарушения, место происшествия; беспрепятственно в любое время суток входить (проникать) на территорию, в жилые и иные помещения, земельные участки, транспортные средства организаций и граждан для пресечения совершаемых преступлений и др.

Закон Кыргызской Республики 1994 г. в ст. 1 говорит, что органы внутренних дел – государственный вооруженный правоохрани-

тельный орган, осуществляющий исполнительно-распорядительные функции по обеспечению общественного порядка, безопасности личности и общества и борьбе с преступностью.

Закон Украины 2015 г. «О Национальной полиции» в раздел IV «Полномочия полиции» разделяет их на: основные полномочия (ст. 23), дополнительные полномочия (ст. 24) и на полномочия полиции в сфере информационно-аналитического обеспечения (ст. 25).

Раздел V «Полицейские мероприятия», по нашему мнению, отражает права и обязанности полиции Украины. Согласно ст. 29 Закона полицейская мера – это действие или комплекс действий превентивного или принудительного характера, которые ограничивают определенные права и свободы человека и применяются полицейскими в соответствии с законом для обеспечения выполнения возложенных на полицию полномочий. Полицейская мера применяется исключительно для выполнения полномочий полиции.

В настоящее время существует Совет министров внутренних дел государств – участников СНГ. Основными задачами СМВД являются: обеспечение взаимодействия в борьбе с преступностью, охране правопорядка и других сферах деятельности министерств внутренних дел; реализация решений Советов глав государств и глав правительств СНГ по вопросам, входящим в компетенцию министерств внутренних дел.

Рассматривая опыт государств – участников СНГ, можно сделать вывод, что органы внутренних дел (полиции, милиции) при формировании системы государственных органов являются важнейшей частью существующего механизма государства, что подчеркивает важность их социальной и государственной роли в решении стоящих перед государством задач и функций на современном этапе его развития. Это находит соответствующее законодательное оформление в системе действующих национальных законодательств государств СНГ, базирующихся на национальных конституциях, которые в известной степени соотносятся с нормами международного права.

Литература

Конституционное право России : учебник / отв. ред. А. Н. Кокотов и М. И. Кукушкин. – 4-е изд., пересмотренное и доп. – М. : Норма : Инфра-М, 2010. – 543 с.

Понкин И.В. Методология научных исследований и прикладной аналитики : учебник / И.В. Понкин, А.И. Лаптева. – Изд. 2-е. – М. : Буки-Веди, 2021. – 567 с.

Редкоус В.М. Предпосылки осуществления сравнительно-правового анализа законодательств государств – участников СНГ в области обеспечения национальной безопасности / В.М. Редкоус // Журнал российского права. – 2007. – № 11. – С. 91–98.

E. M. Krasnova

Adjunct of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moskau)

LEGISLATIVE CONSOLIDATION OF THE POWERS OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES (POLICE, POLICE) OF THE CIS MEMBER STATES

Annotation. The article clarifies and reveals the essence of the concepts of “powers” and “competence” of internal affairs bodies (police, police); provides a comparative analysis of the legislative consolidation of the powers of internal affairs bodies and officials in Russia and other CIS member countries; emphasizes the role and importance of the system of existing national legislation in solving the tasks and functions facing the state at the present stage of its development of the CIS states.

Key words: powers; competence; set of rights and obligations; internal affairs bodies (police, militia); legislative acts; legal status, norms of international law.

Е.Б. Леанович

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры международного частного и европейского права
Белорусского государственного университета

E-mail: 9042@gambler.ru

КОЛЛИЗИОННЫЕ ВОПРОСЫ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛ ПО ОТНОШЕНИЯМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ С ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные проблемы постановки и решения вопроса о выборе применимого права в делах по отношениям интеллектуальной собственности с иностранным элементом. Показаны причины, по которым коллизионный вопрос может не ставится: территориальность интеллектуальной собственности, специальное материальное регулирование, рассмотрение вопросов интеллектуальной собственности как фактических обстоятельств дела. Сделан вывод о том, что постановкой коллизионного вопроса в первую очередь должны быть обеспокоены истец, ответчик, а также заинтересованные в исходе дела лица. Предложены изменения и дополнения коллизионных норм об интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, территориальность, отношения с иностранным элементом, коллизионное регулирование

В современных условиях практически каждый товар в международном коммерческом обороте содержит несколько объектов ИС, а содержание интернет-контента в абсолютном большинстве случаев составляют объекты ИС, в основном объекты авторского права и смежных прав.

При рассмотрении дел по отношениям ИС с иностранным элементом суд стоит перед вопросом о применимом праве, поскольку отношения ИС являются частноправовыми. Даже если отношения

по ИС рассматриваются в ходе административного или уголовного дела, ключевые обстоятельства, вызывающие сомнения, например принадлежность прав, правовой статус объекта и т.п., требуют оценки по частному праву.

Формирование права ИС изначально строилось на основе принципа территориальности. Признание прав, основанных на иностранных законах, а также применение иностранного права об ИС всегда особо оговариваются; коллизионные нормы в источниках права ИС крайне редки. Очевидно, что успешное развитие международной торговли и информационных трансграничных обменов невозможно без гибкого понимания территориальности ИС с тем, чтобы шире открыть рамки национальной правовой системы для иностранного субстрата права. В конечном итоге, государство не просто создает свое право ИС, формируя законодательную базу и участвуя в международных соглашениях. Государство поступает так еще и для того, чтобы содействовать развитию международных отношений в различных сферах и, в первую очередь, конечно, обеспечивает интересы международной торговли¹⁰⁵.

В истоках формирования принципа территориальности ИС лежат разные причины, которые в основном связаны со спецификой материально-правового регулирования в этой сфере. Во-первых, территориальность основана на материальных нормах национального и международного права, специально регулирующих отношения с иностранным элементом в сфере ИС. При такой ситуации работает принцип *lex specialis derogate generali* (специальный закон вытесняет общий). Когда есть специальное регулирование в материальных нормах права, в коллизионной норме нет необходимости.

Даже основное правило решения проблемы международной охраны ИС – национальный режим, подразумевает, что объем прав, их суть, ограничения, порядок осуществления и защиты определяются правом той страны, в которой соответствующие во-

просы поставлены, что и отражено в п. 2 ст. 1231 ГК РФ. Выбор в сторону определенного правового порядка предпринят. В частности, если иностранец обращается в суд, то охрана и защита его прав осуществляется по местному праву.

Во-вторых, материальное право ИС, к которому может относиться коллизионная норма, нередко содержит не просто различия, а системные, концептуальные расхождения. Суд, применяя иностранное право, рискует столкнуться с необходимостью применения оговорки о публичном порядке, императивных норм либо других механизмов ограничительного характера. Общие стандарты права ИС унифицированы в многочисленных международных соглашениях и за последние двадцать лет ни в рамках ВОИС, ни в других международных организациях существенного прорыва не происходит. Причем страны не просто не считают необходимым развивать сотрудничество по дальнейшему сближению своих законодательств. Существуют проекты и инициативы, но в дискуссиях не удается найти компромисс, а нередко он и вовсе невозможен, например, по моральным правам, праву следования, критериям патентоспособности, основаниям для охраны товарных знаков, принудительному лицензированию и т.д.¹⁰⁶

Таким образом, коллизионный вопрос как таковой в отношениях ИС с иностранным элементом либо скрыт и неочевиден, либо сложен в виду непредсказуемости или бесполезности результата. Тем не менее, есть категория дел, в которой этот вопрос очень важен: в частности, когда права или обстоятельства получают иную оценку при применении иностранного права. Правовая система государства, в котором заявлено требование или представлено возражение, не может быть настолько замкнутой, чтобы совсем не признавать и игнорировать действия и события, сформировавшиеся в иностранном правовом порядке с определенными особенностями места. В любых

¹⁰⁶ Подробнее по данной проблематике см.: Леанович Е.Б. Международная охрана ИС : учебное пособие. Минск, 2011. 400 с. ; Его же. Права ИС на мировом рынке : перспективы для Республики Беларусь. Минск, 2018. 183 с.

частноправовых отношениях с иностранным элементом *lex fori* должен в какой-то момент уступить *lex extraneae*. Отношение, которое связано с несколькими государствами, не может быть полностью уравниено с национальными отношениями. Такое отношение несет на себе отпечаток иностранной юрисдикции, который должен признаваться. В противном случае могут наступить неблагоприятные последствия, например, будет нарушен принцип справедливости для одной из сторон, отношение существенным образом изменится либо его существование будет поставлено под угрозу.

По сути те же причины, по которым возникло международное частное право, приводят к тому, что на фоне материально-правового регулирования, построенного на строгом понимании территориальности ИС, и не достаточно развитого и прозрачного коллизионного регулирования для отношений ИС, постепенно накапливаются практические и теоретические основы для эволюционных преобразований норм права.

Примечательно, что интенсивность теоретического осмысления проблемы коллизионного регулирования ИС и появление в аналитических разработках новых идей значительно превосходит насыщенность практики делами, в которых суд решает коллизионный вопрос. В российской доктрине вопросам коллизионного регулирования ИС в течение ряда лет уделяют серьезное внимание М.В. Суспицына, С.И. Крупко, И.В. Шугурова, Б.А. Шахназаров.

При содействии международных организаций проводятся значительные академические исследования. В результате появилось несколько сводов правил коллизионного регулирования ИС. Широко известность получили: Принципы ИС, регулирующие юрисдикцию, выбор права и судебные решения по транснациональным делам, 2008 г. Американского института права; Принципы МЧП о правах ИС корейско-японской Ассоциации международного права Васада 2010 г.; Принципы коллизионного регулирования ИС Общества Макса Планка 2013 г.; Руководство по ИС и международному частному праву 2020 г.

Между тем, по всему миру, даже в странах с очень развитым трансграничным оборотом объектов ИС, дел по отношениям ИС с иностранным элементом, в которых активно поднимаются вопросы МЧП, и соответствующая практика не стала повсеместной и широко распространенной. В основном коллизионный вопрос ярко обозначен при нарушениях исключительных прав в интернете. Это так называемые «онлайн-нарушения». Данная категория дел часто включает различные вопросы МЧП. Примечательно, что статистика дел по онлайн-нарушениям такого рода, т.е. с наличием иностранным элементом, который может стать триггером для постановки коллизионного вопроса, показывает только 29 % случаев, в которых коллизионный вопрос был четко поставлен. При этом только в 4 % из них выбор был сделан в пользу иностранного права¹⁰⁷.

Запрос на научно-правовой анализ в рассматриваемой сфере обусловлен сложностью регулирования, как определения применимого права, так и объектов ИС. Вместе с тем, проблема коллизионного регулирования ИС отнюдь не лишена практической значимости. Есть тонкий нюанс в том, кто и зачем ставит коллизионный вопрос, почему в большинстве дел по ИС с иностранным элементом он не обозначен. На наш взгляд, в первую очередь этим должны быть обеспокоены стороны, истец, ответчик, а также заинтересованные в исходе дела лица.

В принципе, положения ГК РФ, а также Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм МЧП судами Российской Федерации» (далее Постановление) указывают на то, что при наличии иностранным элемента, суд должен определить применимое право. Перечень иностранных элементов не закрыт в п. 1 ст. 1186 ГК РФ, а Постановление дополняет их варианты и уточняет, что могут быть и другие. Вместе с тем, в доктрине неоднозначно оценивается проблема постановки

¹⁰⁷ Christie A.F. Private International Law Issues in Online Intellectual Property Infringement Disputes with Cross-Border Elements: An Analysis of National Approaches. Geneva: WIPO, 2015. P. 16–17.

коллизионного вопроса судом только потому, что в рассматриваемых отношениях есть иностранный элемент¹⁰⁸. В большинстве дел по ИС с иностранным элементом в РФ коллизионный вопрос не ставится ни сторонами, ни судом. Наиболее логичным объяснением является не достаточно яркая выраженность иностранного элемента в рассматриваемых отношениях. Например, иностранным элементом, который относится к обстоятельствам дела, но не влияет существенным образом на суть отношений, может быть: иностранная национальность стороны; производство и снабжение товара объектом ИС за границей; оформление документов, свидетельствующих о принадлежности исключительных прав, в иностранном государстве. Для суда может быть совершенно неочевидно, что отношение связано с несколькими юрисдикциями и требует особого рассмотрения через призму МЧП.

Суд по интеллектуальным правам не принял во внимание ссылку ответчика на ряд обстоятельств, которые имели место за границей: снабжение товара изображениями и товарными знаками за границей; создание там произведения, а также наличие определенных расхождений между оригиналами и контрафактными товарами (Постановление Суда по интеллектуальным правам от 14 апреля 2021 г. по делу № А27-17414/2020). Изготовитель сослался на приобретение товара на территории РФ у третьего лица. Он заявил, что не является изготовителем товара, о его контрафактности не знал, тем более что оригинальные изображения и обозначения, отличаются от тех, которые размещены на продававшихся им товарах. В соответствии с разъяснениями в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» на размер подлежа-

¹⁰⁸ О дискуссиях и различных точках зрения см.: Захарова В.Г. Понятие иностранного элемента в Российской Федерации и Республике Казахстан // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 4–3. С. 222–226 ; Иловайский И.Б. О дефиниции «иностраный элемент» в международном частном праве и простоте понимания права // LegalConcept. 2019. № 2. С. 99–106.

щей взысканию компенсации подобного рода обстоятельства могут повлиять. Однако ответчик не стал развивать обоснование своей позиции. Суд решил все вопросы по российскому праву.

В деле № А27-16380/2020 Суд по интеллектуальным правам также рассматривал имевшее место за границей обстоятельство, по которому ответчик пытался оспорить вынесенное против него решение. В подтверждение принадлежности авторского права были представлены документы о его регистрации в Китае. Суд ограничился вопросами допуска доказательств и не задавался коллизионным вопросом.

Эти дела свидетельствуют о том, что суд не ставит коллизионный вопрос при любом иностранном элементе. Не приходится оспаривать правомерность такого подхода. Скорее всего, суть вынесенных решений не поменялась бы, поступи суд иначе. Однако ситуацию нельзя признать полностью прозрачной, поскольку отсутствие специальных норм по вопросам охраны и защиты ИС, не означает невозможность поставить коллизионный вопрос.

В разделе Гражданского кодекса Российской Федерации о международном частном есть коллизионные нормы для договорных отношений ИС. Коллизионные нормы о внедоговорных отношениях должны были появиться согласно проекту изменений и дополнений части третьей ГК, однако уже во втором чтении их не было (Проект № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации»). Возможно, они были недоработаны и несовершенны. Тем не менее, наличие коллизионных норм с объемом, в котором указаны отношения ИС по охране и защите ИС, даже в концепции строгого понимания территориальности ИС, как например в п. 1 ст. 1132 ГК Республики Беларусь, играют свою положительную роль. Такой подход позволяет четко дифференцировать отношения ИС для общей, специальной и резервной отсылки в контексте нормативного правового акта по международному частному праву.

Этим интересны и академические разработки со сводом коллизионных норм по ИС, которые идут еще дальше в выделении объемов, например, выделяя нарушение как отдельный вид внедоговорных отношений, подразделяя его на офлайн и онлайн.

Примечательно, что при отсутствии коллизионных норм по охране и защите ИС в ГК, положения п. 35 Постановления, касающиеся разъяснений для коллизионных норм ГК РФ о договорных отношениях ИС (п. 7, 8 ст. 1211), выходят за рамки объемов соответствующих норм. Перечисляя вопросы, которые связаны с обязательствами сторон договора, затрагиваются вопросы охраны (содержание, ограничения, срок действия исключительных прав и т.д.). Фактически делается попытка обозначить правовые основания выбора и сферу действия применимого права по внедоговорным отношениям ИС. Однако предложен довольно сложный алгоритм действий для суда с опорой на правовые конструкции критерия наиболее тесной связи, аналогии закона и отсылки к российскому праву. По сути, смысл сводится к общей коллизионной норме места испрашивания охраны с признанием резервного использования критерия наиболее тесной связи. С точки зрения конструкции и формулировок такая коллизионная норма была бы довольно проста в понимании и использовании, а ее потребность давно обозначена на практике в силу сложного и нетранспарентного пути к отысканию компетентного правопорядка, если обязательственный статут смешивается с правом, применимым к внешним, абсолютным отношениям.

Довольно ярко проиллюстрированы коллизионные аспекты соотношения договорных отношений ИС и отношений по охране исключительных прав в деле № А40-56928/2004. Примечательно, что рассмотрение дела заняло довольно значительный промежуток времени по разным инстанциям, прежде чем коллизионный вопрос был поставлен и разрешен. Суд пришел к выводу о применении российского и иностранного права, отметив обязанность суда принимать надлежащие меры по установлению иностранного права, а также то, что неисполнение этой обязанности является основанием для изме-

нения или отмены судебного акта (Постановление Суда по интеллектуальным правам от 2 июля 2014 г. по делу № А40-56928/2004).

Отход от традиционного рассмотрения территориальности ИС неизбежен. Однако юридические механизмы такого процесса до сих пор не достаточно четко определены. Сами стороны не до конца осознают связь своего отношения с иностранной юрисдикцией. Развитие коллизионного регулирования, безусловно, необходимо осуществлять в русле кодификации основного нормативного акта по международному частному праву. В идеале, как это предусматривают наиболее известные негосударственные разработки по коллизионным вопросам отношений ИС с иностранным элементом, достаточно подробная дифференциация видов отношений ИС должна быть отражена в объемах коллизионных норм. По мере либерализации концепции территориальности ИС, автономия воли сторон в договорных отношениях должна получить специальное регулирование с возможностью воздействия и на некоторые внедоговорные отношения, связанные обязательственным статутом.

Литература

Постановление Суда по интеллектуальным правам от 2 июля 2014 г. по делу № А40-56928/2004 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации «СудАкт».

Постановление Суда по интеллектуальным правам от 14 апреля 2021 г. по делу № А27-17414/2020 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации «СудАкт».

Постановление Суда по интеллектуальным правам от 29 апреля 2021 г. по делу № А27-16380/2020 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации «СудАкт».

Проект № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации // https://sozd.duma.gov.ru/bill/47538-6?sortEventsByNum=num_up.

Бирюков П.В. Право интеллектуальной собственности. – 3-е изд. – М. : Юрайт, 2018. – 315 с.

Захарова В.Г. Понятие иностранного элемента в Российской Федерации и Республике Казахстан // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – № 4–3. – С. 222–226.

Иловайский И.Б. О дефиниции «иностраннный элемент» в международном частном праве и простоте понимания права // LegalConcept. – 2019. – № 2. – С. 99–106.

Леанович Е.Б. Международная охрана ИС : учебное пособие. – Минск : ИВЦ Минфина, 2011. – 400 с.

Леанович Е.Б. Права ИС на мировом рынке : перспективы для Республики Беларусь. – Минск : БГУ, 2018. – 183 с.

Christie A.F. Private International Law Issues in Online Intellectual Property Infringement Disputes with Cross-Border Elements: An Analysis of National Approaches. – Geneva : WIPO, 2015. – 39 p.

Е.Б. Leanovich

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Private International and European Law Belarusian State University,

CONFLICT ISSUES WHEN CONSIDERING CASES ON INTELLECTUAL PROPERTY RELATIONS WITH A FOREIGN ELEMENT

Annotation. The article deals with the actual problems of formulating and resolving the issue of choosing the applicable law in cases of intellectual property relations with a foreign element. The reasons why the conflict of laws issue may not be raised are shown: territoriality of intellectual property, special material regulation, consideration of issues of intellectual property as factual circumstances of the case. It is concluded that the plaintiff, the defendant, as well as the persons interested in the outcome of the case, should be primarily concerned about the formulation of the conflict issue. Changes and additions to the conflict of laws rules on intellectual property are proposed.

Key words: intellectual property, territoriality, relations with a foreign element, conflict regulation

М.А. Риеккинен

*PhD, кандидат юридических наук,
Университет Åbo Akademi (Финляндия),
Тюменский государственный университет*

E-mail: m.a.riekkinen@utmn.ru

ПРАВА МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ В ДОКУМЕНТАХ СОВЕТА ЕВРОПЫ: ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ В РОССИИ И ОТДЕЛЬНЫХ СЕВЕРНЫХ СТРАНАХ*

Аннотация. Настоящая статья отмечает отсутствие на международно-правовом уровне специальных договоров, которые были бы посвящены правам молодых людей. Тем не менее, ряд программных документов Совета Европы и Совета Министров Северных Стран посвящены регулированию прав указанной группы лиц. В статье рассматриваются модели национального регулирования прав молодых людей в России и в отдельных Северных странах. Россия и Финляндия идут по пути принятия специальных законов о молодежи и молодежной политике. Норвегия и Швеция регулируют права молодых людей на основании имеющихся нормативно-правовых актов, при этом любые решения и действия органов публичной власти, потенциально затрагивающие молодежь должны быть предварительно оценены на предмет соответствия правам и законным интересам молодых людей.

Ключевые слова: права молодых людей, молодежная политика, Россия, Совет Европы, Совет Министров Северных Стран

Международно-правовое регулирование прав молодежи (автор в данной статье использует термины «молодежь» и «молодые люди» как равнозначные) отличает отсутствие универсального стандарта реализации прав этой категории граждан: для них не выделено от-

© Риеккинен М.А., 2021

* Статья подготовлена в рамках проекта Совета Министров Северных Стран «Discovering Youth Perspective through Activism and Leadership: Insights from Northwest Russia and the Nordic States» 2021-2022.

дельных международных договоров на уровне ООН (за исключением несовершеннолетних, охваченных Конвенцией ООН о правах ребенка). При этом программные документы, принятые Советом Европы, делают заявления о необходимости включения молодежи в процессы принятия управленческих решений и необходимости расширения возможностей участия молодежи в управлении делами государства¹⁰⁹. Документы Совета Европы уделяют правам молодых людей особое внимание, подчеркивая важность включенности молодежи в общественно-политическую жизнь и важность эффективного гражданского участия молодых людей.

Научные исследования поддерживают вывод о необходимости расширения каналов участия молодых людей в жизни общества и в управлении делами государства. В подавляющем большинстве стран (за исключением тех, что снижают возрастной избирательный ценз) наблюдается тенденция, согласно которой, чем моложе индивид, тем меньше он оказывается вовлеченным в управление делами государства¹¹⁰. Часто мнение молодежи спрашивают, предлагая выбрать из имеющихся вариантов. Редко у молодых людей есть реальная возможность сформировать повестку дня для обсуждения с органами публичной власти.

Российская Федерация и рассмотренные нами Северные страны (Норвегия, Финляндия, исключая Аландские острова, и Швеция) придерживаются разных моделей национального регулирования прав молодых людей. В России недавно принят ФЗ от 30 де-

¹⁰⁹ См. подробнее: *Riekkinen M. Social Inclusion, Empowerment, and Youth Rights : A Note on the Legislation of Finland // Social Inclusion, Empowerment, and Youth Rights : A Note on the Legislation of Finland, M. Riekkinen, L. Kalinnikova Magnusson, N. Miuller, G. Varlamov, A. Antipov, K. Kirillova, M. Prokopchik, Iu. Gorokhova, Promoting Social Inclusion of Youth and Access to Labour Market: Experiences in Finland, Sweden, and Russia. Institute for Human Rights. Åbo : Akademi University, 2019. P. 3–15.*

¹¹⁰ См.: *Knudtson Tjerbo. De unge stemmene. Innflytelsesorgan for barn og unge i kommuner og fylker [Young voices – local level channels of influence]. NIBR-rapport 2009: 34. Oslo: Norsk institutt for by og regionforskning, 2009. P. 12.*

кабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». Указанным законом урегулированы правовые отношения, между различными акторами в сфере молодежной политики, определяет цели, принципы, основные направления и формы реализации молодежной политики в РФ. Молодежь рассматривается как «социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно ..., имеющих гражданство Российской Федерации» (ст. 2).

Среди Северных стран не у всех есть специальные законы о молодежи.

Закон Финляндии о молодежи 2016 г. был принят в качестве средства «содействия социальной интеграции молодых людей и предоставления им возможностей оказывать влияние и улучшать навыки и способности функционировать в обществе. Этот закон определяет молодежь как лиц, не достигших 29-летнего возраста, требований обладания финским гражданством законом не оговаривается. Примечательно, что указанный закон оперирует термином «активная гражданственность», означающим целенаправленную деятельность молодежи в гражданском обществе. В Финляндии существует структура национальных органов, занимающихся вопросами молодежи, закрепленная в упомянутом Законе 2016 г. Государственный совет по делам молодежи публикует несколько опросов и исследований молодых людей в сотрудничестве с Финским молодежным исследовательским обществом. Совет также разработал набор индикаторов активности молодежи, которые он отслеживает и обновляет. Эти данные, теоретически, должны приниматься во внимание на разных уровнях разработки публичной политики, которая затрагивает молодежь, однако до сих пор не было проведено ни одного национального исследования о результатах принятия во внимание мнений молодежи.

В Норвегии и Швеции отсутствуют законы о молодежи. Однако, основываясь на положениях других законов, эти страны проводят политику, в рамках которой государственная деятельность

ориентирована на молодежь. Документ по молодежной политике Швеции, озаглавленный «В центре внимания молодежи – политика обеспечения хороших условий жизни, власти и влияния»¹¹¹ предусматривает, что все правительственные решения и действия, которые затрагивают молодых людей от 13 до 25 лет должны иметь молодежную ориентацию. Документ предусматривает, что все молодые люди должны иметь возможность формировать свою собственную жизнь и оказывать влияние на развитие общества. Упомянутая молодежная ориентация предполагает, что молодежь должна рассматриваться как разнородная группа людей с разными условиями жизни. Аналогичным образом, в Норвегии отсутствует Закон о молодежи, а нормативные положения, касающиеся молодежи (в возрасте до совершеннолетия), содержатся в законах о правах ребенка. В частности, Закон о детях предусматривает, что граждане, достигшие 15-летнего возраста, сами решают вопросы выбора образования и подачи заявления на членство в общественных объединениях. Закон об образовании обеспечивает механизм участия учеников в вопросах, связанных со школьной средой. Этот закон предоставляет ученикам общее право на участие в образовании. Кроме того, ученики обязаны участвовать в решении экологических вопросов. Закон предусматривает сложную систему организации представительства учеников в учебных заведениях. Что касается оказания влияния на образовательные вопросы, предусматривается особый порядок реализации таких возможностей: представители учеников в старших классах средней школы имеют право присутствовать и выступать на заседаниях окружных советов, которые являются органами местного самоуправления. В целом, Норвегия проводит всеобъемлющую молодежную политику. В частности, норвежское Министерство по делам детей и равноправия выпустило Руководство по созданию и работе молодежных

¹¹¹ Med fokus på unga – en politik för goda levnadsvillkor, makt och inflytande. Utbildningsdepartementet, 2014. <https://www.regeringen.se/rattsligadokument/proposition/2014/03/prop.-201314191>.

советов 2011 г.¹¹² Интересно то, что при этом в Норвегии нет ни одного публичного учреждения или министерства, которое бы целиком отвечало за политику участия молодежи¹¹³. Соответственно, национальная практика Северных стран различна: часть государств, как и Россия, идет по пути принятия специальных законов о молодежи и молодежной политике (как в Финляндии), а остальные государства обходятся без специализированных молодежных законов, проводя политику, ориентированную на интересы молодежи на основе имеющегося законодательства (как в Швеции, Норвегии и др.).

Практика Северных стран включает несколько оригинальных способов вовлечения молодежи в партиципаторные процессы. К примеру, в Норвегии участие школьников в решении вопросов по защите окружающей среды – это обязанность, закрепленная законом. В Финляндии насчитывается семь различных механизмов вовлечения молодежи в процесс управления делами государства¹¹⁴. На национальном уровне действуют Экспертные центры по вопросам молодежи, ведущие мониторинг прав молодых людей. В финской начальной школе начинается подготовка к ответственной общественно-политической жизни: ставится оценка за умение работать в команде, за умение выразить при этом собственное мнение. Школьники меняются местами в классе, чтобы научиться ладить не только с соседом по парте, но и со всеми другими учениками в классе. В школах, помимо традиционных совещательных органов, включающих представителей учеников, в каждом классе ежегодно проходят выборы «министров». Они следят за порядком, выполняют другие функции под руководством взрослых. Стремясь получить желанную и почетную должность, школьники, начиная

¹¹² Veileder i arbeidet med ungdomsråd – en håndbok for sekretærer og koordinatører. 2011. URL: https://www.regjeringen.no/globalassets/upload/bld/barn20og20ungdom/veileder_arbeid_ungdomsraad.pdf.

¹¹³ Satsing på barn og ungdom. Regjeringens mål og innsatsområder i statsbudsjettet, 2015.

¹¹⁴ Riekkinen M. Op. cit. P. 6.

с первого класса, тренируют навыки общения с «электоратом»: ведут агитацию, доказывают собственную компетентность и показывают хорошие человеческие качества. Школьники проходят и через морально-этические испытания, решая, отдавать ли голос за самого себя или же вести честный поединок.

В Северных странах хорошо налажены некоторые способы обратной связи с молодежью. К примеру, в муниципалитете Каарина (Финляндии) местные власти выделили средства на облагораживание территории для детей и молодежи и обратились к молодому населению с вопросом «что бы вы хотели видеть на участке: басейн или игровую площадку?» В ответ дети и молодежь пояснили, что ничего из предложенного: они хотели просто играть и проводить время на указанном пространстве. Испрашивание мнений молодежи в данном случае не стоило больших усилий, но позволило направить существенные бюджетные средства на более востребованные нужды.

Несмотря на различие в практике реализации гражданского участия молодежи, схожей чертой реализации молодежной политики Северных стран является то, что ее принципы закладываются под влиянием стандартов региональной организации, куда входят все эти страны – Совета Министров Северных стран. На уровне Совета вопросу продвижения прав молодежи уделяется особое внимание. Документ, принятый Советом под названием «Видение 2030», подчеркивает необходимость укрепления социально-устойчивого Северного региона, способствуя включенности и обеспечению общих ценностей равенства, при котором активная молодежь представляет собой особую группу. Таким образом, «Видение 2030» выделяет следующие целевые темы, относящиеся к правам молодых людей: молодежь; устойчивое развитие и гендерное равенство; включенность, инклюзия и равные возможности; противодействие сегрегации молодежи как подгруппы гражданского общества.

Такой подход отвечает Целям устойчивого развития ООН (ЦУР), объединяя измерение прав человека, прав молодежи и

аспект устойчивости, основанный на широком гражданском участии, как указано в ЦУР 4 «Качественное образование»; ЦУР 16 «Мир, справедливость, сильные институты»; и ЦУР 11 «Устойчивые города и сообщества».

В заключение отметим, что если в России подход к молодежной политике и правам молодежи отличается большей степенью централизации, то Северные страны внедряют альтернативу указанному подходу, основанную на выделении молодежной ориентации или молодежной перспективы в каждом решении или документе, принимаемом органами публичной власти. Таким образом, не во всех странах Северной Европы есть законы о молодежи и молодежной политике, но органы публичной власти учитывают интересы молодежи при принятии любых решений или нормативно-правовых актов. Но реальность, тем не менее, такова, что подавляющее большинство примеров вовлечения молодежи в партиципаторные процессы из Финляндии, Норвегии и Швеции представляют собой способы, внедренные сверху и варьирующиеся от молодежных советов под эгидой органов власти до деятельности молодежных объединений (Knudtzon and Tjerbo, 2009). Степень подлинной самостоятельности в выражении молодежью политических предпочтений, таким образом, определить трудно.

Литература

Med fokus på unga – en politik för goda levnadsvillkor, makt och inflytande. Utbildningsdepartementet 2014. <https://www.regeringen.se/rattsligadokument/proposition/2014/03/prop.-201314191>

Riekkinen M. Social Inclusion, Empowerment, and Youth Rights: A Note on the Legislation of Finland, in: Social Inclusion, Empowerment, and Youth Rights: A Note on the Legislation of Finland // M. Riekkinen, L. Kalinnikova Magnusson, N. Miuller, G. Varlamov, A. Antipov, K. Kirillova, M. Prokopchik, Iu. Gorokhova, Promoting Social Inclusion of Youth and Access to Labour Market: Experiences in Finland, Sweden, and Russia. Institute for Human Rights. – Åbo: Åbo Akademi University, 2019. – P. 3–15.

Satsing på barn og ungdom. Regjeringens mål og innsatsområder i statsbudsjettet. – Oslo: The Ministry of Children and Equality, 2015. –121 p.

Veileder i arbeidet med ungdomsråd – en håndbok for sekretærer og koordinatore. 2011. https://www.regjeringen.no/globalassets/upload/bld/barn20og20ungdom/veileder_arbeid_ungdomsraad.pdf.

M.A Riekkinen

PhD, LL.Lic., Åbo Akademi University (Åbo, Finland),
University of Tyumen

THE RIGHTS OF THE YOUNG PEOPLE IN THE DOCUMENTS OF THE COUNCIL OF EUROPE: FEATURES OF IMPLEMENTING IN RUSSIA AND IN SELECTED NORDIC STATES

Abstract. This contribution departs from the observation that there is a lack of a special international treaty which would be entirely dedicated to regulating the rights of the young people. Nevertheless, a number of political and programme documents adopted at the level of the Council of Europe touch upon the issues of the rights belonging to the young people. The author analyzes different models of national regulation of the rights belonging to youth in Russia and in selected Nordic states. It appears as if Russia and Finland opted for adopting special national legislation on youth and youth policy. Norway and Sweden regulated the rights of the young people based on the existing laws while all the decisions and acts of public authorities entailing the rights of the young people should be assessed against the rights and interests of the youth.

Keywords: the rights of the young people, youth policy, Russia, the Council of Europe, the Nordic Council of Ministers

ПРИМЕНЕНИЕ СУДАМИ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ НОРМ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы применения судами общей юрисдикции норм международного права по гражданским делам. Автор подробно исследует случаи прямого применения международных норм и правил в РФ. Используется практика применения судами общей юрисдикции международных норм. Предметом анализа стали трудовые и социальные споры. Автор обосновывает прямое действие норм международного права в российской правовой системе.

Ключевые слова: международное право; право РФ; суды РФ; применение судами норм международного права

В ч. 4 ст. 15 Конституции РФ определены общие правила применения нормы международного права в РФ: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

Указанные положения дополняют правила ч. 3 ст. 5 ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» 1995 г.: «Положения официально опубликованных международных договоров Российской Федерации, не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют в Российской Федерации непосредственно. Для осуществления иных положений международных договоров Российской Федерации принимаются соответствующие правовые акты».

Статья 3 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» гласит: «Единство судебной системы Российской Федерации обеспечивается путем применения всеми судами ... общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации».

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 (в ред.) «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» разъяснило некоторые аспекты применения судами норм международных договоров. При рассмотрении судом гражданских дел непосредственно применяется такой международный договор Российской Федерации, который вступил в силу и стал обязательным для Российской Федерации и положения которого не требуют издания внутригосударственных актов для их применения и способны порождать права и обязанности для субъектов национального права.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» предусматривает, что суды общей юрисдикции определяют право, применимое к правоотношению на основании норм международного частного права в случае, когда участником гражданско-правового отношения является иностранное лицо либо гражданско-правовое отношение осложнено иным иностранным элементом, в том числе, когда объект гражданских прав находится за границей.

Нормы международных договоров непосредственно применяются судами при рассмотрении многих категорий гражданских дел. В свою очередь, судебная практика показывает неурегулированные вопросы (пробелы) и способствует инициированию внесения изменений в законодательство.

Рассмотрим применение международно-правовых норм при разрешении некоторых видов споров.

1. Применение международных норм при рассмотрении трудовых споров

1. Как известно, при поступлении на работу с работником заключается трудовой договор, который включает условия, предусмотренные ст. 57 ТК РФ. Договор между тренером и спортивной организацией, помимо прочего, должен включать условие об обязанности тренера соблюдать международные антидопинговые правила и принимать меры по предупреждению их нарушения¹¹⁵. Общероссийские правила утверждены приказом Министерства спорта РФ от 9 августа 2016 г. № 947 (в ред.)¹¹⁶. Они имплементировали положения Международной конвенции о борьбе с допингом в спорте 2005 г.¹¹⁷, Всемирного антидопингового кодекса 2015 г.¹¹⁸, утвержденного Всемирным антидопинговым агентством¹¹⁹.

В 2017 г. я рассматривала дело о заключения трудового договора СДЮШ с тренером по борьбе. Тренер возражал против включения указанных положений в трудовой договор, ссылаясь на свою «безупречную репутацию». Суд такой довод не убедил. Позиция работодателя была признана правильной¹²⁰.

2. Часто встречаются в практике дела, когда работники, получив ответ от Инспекции по труду по их жалобе, возмущаются и считают, что Инспекция должна была разрешить их спор по существу. Бывают и случаи, когда работник считает предписание Инспекции обязательным и для суда, рассматривающего его спор, преюдициальным решением¹²¹.

¹¹⁵ См.: Пузаков С.Я. Справочник кадровика : в 2-х т. М., 2018. Т. 2.

¹¹⁶ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_203315/

¹¹⁷ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/doping_in_sport.shtml

¹¹⁸ URL: <https://minsport.gov.ru/2018/Vsemir-Antidoping-kodekc-2015.pdf>.

¹¹⁹ <http://www.flgr.ru/antidoping/Doc/2147.html>

¹²⁰ Дело 2-348/2017. Архив Елецкого городского суда.

¹²¹ Дело 2-1583/2015. Архив Елецкого городского суда.

Как известно, Инспекция – это органов «быстрого реагирования» на нарушения трудового законодательства¹²². Государственный инспектор выносит работодателю предписание об устранении нарушения. Если работодатель считает его незаконным, он может оспорить в суде – Конвенция МОТ № 81 «Об инспекции труда в промышленности и торговле» 1947 г.

Согласно Конвенции (РФ участвует) инспектору труда не предоставлено право давать обязательные для исполнения работодателем предписания. Это и приходится разъяснять работнику, приходящему с жалобой не бездействие Инспекции, отказывая в иске.

3. Как известно, увольнение может быть обжаловано в судебном порядке. Как поступить, если работодатель отказывается увольнять работника – руководителя предприятия? На практике были случаи, когда руководитель ООО, имея намерение поменять место работы, обращается с заявлением к учредителю, а учредитель, не желая лишиться хорошего работника, уклоняется от принятия решения об увольнении. В ТК РФ этот вопрос не урегулирован. Учредитель ссылается на то, что данный вопрос отнесен к компетенции общего собрания, которое может быть создано и через год.

Между тем, принцип запрещения принудительного труда – один из основополагающих в международном и национальном трудовом праве. Он действует в силу факта членства государства в Международной организации труда, вне зависимости от ратификации соответствующих конвенций «Относительно принудительного или обязательного труда» № 29¹²³ и «Об упразднении принудительного труда» № 105¹²⁴. Россия, кстати, ратифицировала обе Конвенции. На основании указанных норм я неоднократно признавала трудовые отношения прекращенными¹²⁵.

¹²² См.: Постатейный комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации / под ред. Л.В. Чистяковой, А.В. Касьянова. М., 2018.

¹²³ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120759

¹²⁴ URL: <http://docs.cntd.ru/document/1901047>

¹²⁵ Дело 2-1599/2013. Архив Елецкого городского суда.

2. Разрешение споров, вытекающих из пенсионных правоотношений

1. Весьма часты в практике споры о праве на пенсионное обеспечение граждан, прибывших на постоянное место жительства на территорию РФ из государств – участников СНГ. Оно осуществляется на основании Соглашения о гарантиях прав граждан государств-участников СНГ в области пенсионного обеспечения 1992 г.¹²⁶ В силу ст. 1 Соглашения пенсионное обеспечение осуществляется по законодательству государства, на территории которого гражданин проживает на момент рассмотрения дела. Статья 6 Соглашения определяет и правила подсудности. Назначение пенсий гражданам государств-участников производится по месту жительства, соответственно, и оспаривается там же. Чаще всего в моей практике такого рода дела встречаются в отношении граждан Украины¹²⁷.

2. В отношении военных пенсионеров, служивших на территории государств-участников Соглашения и прибывших на постоянное место жительства в РФ, вопросы исчисления пенсии решаются аналогичным образом¹²⁸. По Соглашению используется механизм приравнивания к соответствующим военнослужащим РФ.

3. Разрешение споров по обеспечению лекарствами

Нормами Конвенции правах ребенка¹²⁹ и Конвенции о правах инвалидов¹³⁰ установлено, что государствами-участниками принимаются все необходимые меры для обеспечения детям права на

¹²⁶ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4013.

¹²⁷ Дело 2-392. Архив Елецкого городского суда.

¹²⁸ См.: *Ефремов А.В.* Актуальные особенности судебного истолкования норм права в сфере социального обеспечения военнослужащих и членов их семей // СПС «ГАРАНТ», 2020.

¹²⁹ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml

¹³⁰ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml

жизнь и на охрану здоровья; при этом первоочередное внимание уделяется интересам ребенка-инвалида.

Мной рассматривались соответствующие дела. Так, в одном из дел у ребенка-инвалида было редкое (так называемое орфанное) заболевание. Вследствие этого он нуждался в лечении лекарством, не зарегистрированным в РФ. Назначение данного препарата как единственно возможного варианта лечения подтверждалось решением врачебной комиссии. Управление здравоохранения Липецкой области отказало в приобретении лекарства. Мать подала иск в суд к Управлению с требованием об обязанности приобрести соответствующее средство. Ответчик возражал, ссылаясь на невключение заболевания ребенка в Перечень жизнеугрожающих и хронических прогрессирующих редких (орфанных) заболеваний, приводящих к сокращению продолжительности жизни граждан или их инвалидности (постановление Правительства РФ 2012 г.¹³¹). Иск был удовлетворен, в том числе и со ссылками на указанные международные нормы¹³².

Таким образом, суды общей юрисдикции активно применяют нормы международного права при рассмотрении гражданских дел. Применение международно-правовых норм, обоснование решений расширяет возможности защиты прав, законных интересов и свобод участников процесса.

Литература

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 (в ред.) «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // URL: <https://base.garant.ru/12132854>.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Рос-

¹³¹ URL: <https://base.garant.ru/70168888>.

¹³² Дело 2-1583/2015. Архив Елецкого городского суда.

сийской Федерации» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328771/#:~:text=Постановление%20Пленума%20Верховного%20Суда%20РФ,частного%20права%20судами%20Российской%20Федерации.

Дело 2-348/2017. Архив Елецкого городского суда.

Дело 2-1583/2015. Архив Елецкого городского суда.

Дело 2-1599/2013. Архив Елецкого городского суда.

Дело 2-392/2017. Архив Елецкого городского суда.

Дело 2-1583/2015. Архив Елецкого городского суда.

Ефремов А.В. Актуальные особенности судебного истолкования норм права в сфере социального обеспечения военнослужащих и членов их семей // СПС «ГАРАНТ», 2020.

Постатейный комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации / под ред. Л.В. Чистяковой, А.В. Касьянова. – М. : ГроссМедиа : РОСБУХ, 2018. – 1505 с.

Пузаков С.Я. Справочник кадровика : в 2-х т. / С.Я. Пузаков. – М. : Прометей, 2018. – Т. 2. – 640 с.

M.V. Sosedova

Judge of the Eletsy City Court of the Lipetsk Region (Elets)

APPLICATION BY COURTS OF GENERAL JURISDICTION OF INTERNATIONAL NORMS IN CIVIL CASES

Annotation: The article examines topical issues of the application by the courts of general jurisdiction of the norms of international law in civil cases. The author examines in detail the cases of direct application of international norms and rules in the Russian Federation. The practice of applying international norms by courts of general jurisdiction is used. Labor and social disputes became the subject of analysis. The author substantiates the direct action of the norms of international law in the Russian legal system.

Key words: international law; the law of the Russian Federation; courts of the Russian Federation; application by courts of international law

А.О. Четвериков

доктор юридических наук, профессор кафедры интеграционного и европейского права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

E-mail: aochetverikov@msal.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЕ И НАДНАЦИОНАЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ НОРМОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВ

Аннотация. Одним из новейших направлений международно-правового регулирования общественных отношений является установление в рамках международных (межправительственных) организаций и международных интеграционных объединений стандартов (критериев, условий, наилучших практик и т.д.) в отношении нормотворческой деятельности государств. На примерах важнейших международных организаций и интеграционных объединений автором рассматривается комплекс существующих в настоящее время стандартов и проводится их систематизация. Это: рекомендательные и юридически обязательные стандарты; общеправовые стандарты и стандарты в отношении правового регулирования в отдельных сферах, прежде всего, в экономике; стандарты глобальные и региональные.

Источником общеправовых стандартов рекомендательного характера служат рекомендации Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), предназначенные для добровольного применения всеми заинтересованными государствами, в том числе не входящими в ОЭСР.

Далее рассматриваются юридически обязательные стандарты правового регулирования экономической жизни, закрепленные на глобальном уровне в соглашениях Всемирной торговой организации (ВТО) начиная с Генерального соглашения по тарифам и торговле 1947 г. Важнейшим примером юридически обязательных стандар-

Схема 1

Общеправовые стандарты ОЭСР в отношении
нормотворческой деятельности государств

Источник	Извлечения
1	2
Перечень ориентировочных критериев ОЭСР по принятию решений в области регулирования (приложение к Рекомендации Совета ОЭСР «Об улучшении качества официального регулирования» 1995 г. ¹²⁹	«Вопрос № 1: правильно ли определена проблема? Надлежит четко формулировать подлежащую решению проблему, ясно указывая ее характер и масштабы и объясняя, почему она возникла (тем самым давая указания заинтересованным сторонам). Вопрос № 2: является ли оправданным вмешательство публичных властей? Вмешательство государства должно основываться на элементах, ясно указывающих, что оно является оправданным, принимая во внимание характер проблемы, вероятные издержки и выгоды вмешательства (на базе реалистической оценки эффективности публичных властей) и другие механизмы, позволяющие справиться с проблемой. Вопрос № 10: как будет обеспечиваться соблюдение регулирования? Ответственные за регулирование должны будут оценивать стимулы и институты, при помощи которых будет вводиться в действие регулирование, и разрабатывать стратегии эффективного применения, которые позволят оптимизировать его использование»
Руководящие принципы ОЭСР в отношении качества и эффективности регулирования 2005 г. ¹³⁰	«1. Разработать на политическом уровне широкие программы регуляторной реформы, включающие ясные цели и предусматривающие четкие рамки для их реализации <...>

тов, действующих на региональном уровне, являются стандарты Европейского Союза (ЕС). Эти стандарты имеют подлинно наднациональный характер, поскольку устанавливаются наднациональными институтами ЕС в рамках компетенции, делегированной им государствами-членами этого интеграционного объединения.

Ключевые слова: нормотворческая деятельность; стандарты; международное право; наднациональность; принцип пропорциональности; разрешительные режимы; регулируемые профессии; мягкое право; Организация экономического сотрудничества и развития; Всемирная торговая организация; Европейский Союз

Несмотря на глобальную пандемию, экономические, политические конфликты государств и некоторые другие факторы, которые сдерживают развитие международного сотрудничества и международной интеграции, сегодня, как представляется, ничто уже не сможет остановить тенденцию к дальнейшей интернационализации общественной жизни и повышению роли в ее регулировании актов международных организаций и интеграционных объединений, особенно тех, которые наделены наднациональными полномочиями (прежде всего, Европейский Союз).

Одним из проявлений указанной тенденции служит разработка на рубеже XX–XXI вв. международных и наднациональных стандартов нормотворческой деятельности, которые государствам предлагается, а в ряде случаев и предписывается, соблюдать в своем регулировании при издании законов и подзаконных актов по самым разным отраслям, подотраслям, институтам национального права.

В том, что касается разработки **общеправовых стандартов**, лидером является Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), принимающая их в форме рекомендаций, т.е. актов мягкого права, рассчитанных на добровольное применение ее государствами-членами, а также всеми другими заинтересованными странами (см. схему 1).

¹²⁹ См.: Recommendation du Conseil concernant l'amélioration de la qualité de la réglementation officielle. Adoptée le 9.3.1995. Appendice – Liste de critères de référence de l'OCDE pour la prise de décision en matière de réglementation. URL: <https://www.legalinstruments.oecd.org>.

¹³⁴ См.: Principes directeurs de l'OCDE pour la qualité et la performance de la réglementation, 2005. URL: <https://www.oecd.org>.

Продолжение схемы 1

1	2
	<p>2. Систематически проводить анализ воздействия и повторное рассмотрение регулирования с целью удостовериться, действительно ли в сложной и постоянно меняющейся экономической и социальной среде оно продолжает эффективно и эффективно соответствовать поставленным перед ним целям.</p> <p>Повторно рассматривать регулирование (экономическое, социальное и административное) в свете принципов хорошего регулирования <...></p> <p>Изучать, когда уместно и возможно, вопрос о заместителях регулирования, в частности саморегулирование, которые будут обеспечивать больше свободы для людей и предприятий <...></p> <p>Как можно больше облегчать совокупную регуляторную нагрузку на лиц, подпадающих под ее действие, прямо ставя перед собой целью сократить административное бремя для людей и предприятий, а также способствовать большей экономической эффективности. Измерять эту совокупную нагрузку, не утрачивая при этом из виду интересов регулирования <...></p> <p>6. Устранять ненужные регуляторные препятствия торговле и инвестициям путем продолжения либерализации, в большей мере учитывать и лучше интегрировать открытость рынков во все аспекты процесса регулирования таким образом, чтобы усилить экономическую эффективность и конкурентоспособность <...></p> <p>7. Учитывать существенные взаимосвязи с другими целями правительственной деятельности и разрабатывать политику, которая позволит достигать этих целей, стимулируя реформу»</p>

Продолжение схемы 1

1	2
<p>Рекомендация Совета ОЭСР «О регуляторной политике и управлении регуляторной деятельностью» 2012 г.¹³¹</p>	<p>«1. На высшем политическом уровне приступить к осуществлению четкой определенной политики в области качества регулирования, которая мобилизует все органы управления. Эта политика должна иметь четкие цели и рамки применения, чтобы удостовериться в том, что при обращении регулированию экономический, социальный и экологический интерес в нем оправдывает его расходы, что учитываются перераспределительные эффекты [изменение выгод и расходов для разных категорий граждан и юридических лиц] и что оптимизируется чистая выгода.</p> <p>1.1. Регуляторная политика определяет демарш, посредством которого органы власти, когда они ставят такую цель, решают вопрос об уместности использования регулирования как инструмента деятельности <...></p> <p>1.4. Органы власти должны публиковать официальную и обязательную декларацию принципов в поддержку регуляторной реформы, включающую в себя, в частности, ориентиры по использованию инструментов действий и регуляторных процедур <...></p> <p>4. Интегрировать оценку регулирующего воздействия (ОРВ) с самого начала процесса, ведущего к разработке проектов регулирования. Ясно определять цели политики, определять, является ли регуляторный инструмент необходимым и в каких условиях он может быть более эффективным и эффективным для достижения этих целей. Рассматривать возможность обращения к другим средствам, помимо регулирования, и демонстрировать выгоды и неудобства разных проанализированных подходов с целью выбора наилучшего <...></p>

¹³⁵См.: Recommandation du Conseil concernant la politique et la gouvernance réglementaires, 2012. URL: <https://legalinstruments.oecd.org>.

Окончание схемы 1

1	2
	<p>4.4. Когда проекты регулирования способны иметь значительные последствия, оценка ex ante [предварительная оценка] расходов, выгод и рисков, по возможности, должна иметь количественный характер <...></p> <p>4.5. Оценка регулирующего воздействия, по возможности, должна предоставляться в распоряжение общественности вместе с проектами регулирования <...></p> <p>12. При разработке регуляторных мер принимать во внимание уместные международные стандарты и рамки, чтобы обеспечить возможность [международного] сотрудничества в соответствующей сфере и, когда уместно, учитывать их возможные последствия для сторон, находящихся за пределами территории, где действует регулирование»</p>

В контексте мировой экономической интеграции обширная серия **глобальных стандартов правового регулирования экономической деятельности** предусмотрена в соглашениях Всемирной торговой организации (свыше 160 членов). Впервые это было сделано еще в Генеральном соглашении по тарифам и торговле (ГАТТ) 1947 г. применительно к экспортно-импортным формальностям и сборам, положения которого конкретизировало Соглашение по упрощению торговли 2014 г.

В частности, с 1947 г. в тексте ГАТТ предусмотрена «необходимость свести к минимуму последствия и сложность импортных и экспортных формальностей, сократить и упростить требования в отношении документов, требуемых для импорта и экспорта» (ст. VIII «Сборы и формальности, относящиеся к импорту и экспорту»)¹³⁶.

¹³⁶ Здесь и далее документы ВТО цитируются по их аутентичным текстам на французском языке, размещенным на официальном Интернет-портале организации URL: www.wto.org. См.: Accord général sur les tarifs douaniers et le commerce (ГАТТ de 1947).

В развитие этих положений *Соглашение по упрощению торговли 2014 г.*¹³⁷ предусматривает что любые «формальности и предписания», устанавливаемые государствами для субъектов экспортно-импортных операций с товарами, должны «приниматься и/или применяться таким образом, чтобы сократить время и расходы» для этих субъектов; что при наличии разных вариантов правовой регламентации государства должны выбирать тот, который является «наименее ограничительным для торговли»; что соответствующие меры «не должны оставаться в силе, даже частично, если они больше не являются необходимыми», и т.д. (ст. 10 «Формальности, относящиеся к импорту, экспорту и транзиту»).

Целый ряд глобальных стандартов зафиксированы также в других соглашениях ВТО, имеющих, в отличие от рекомендаций ОЭСР, юридически обязательный характер и относящихся к внутригосударственному регулированию производства, реализации товаров и оказания услуг.

В частности, Соглашение ВТО по техническим барьерам торговле 1994 г.¹³⁸ распространяет на разработку национальных технических регламентов и стандартов принцип пропорциональности, предусматривая, что вытекающие из них требования должны ограничивать торговлю товарами лишь в той мере, в какой это необходимо для достижения легитимных целей, и базируясь на реально существующих рисках и научно-подтвержденных фактах. Например, в отношении технических регламентов, принимаемых на общегосударственном уровне, данный принцип сформулирован следующим образом (см. схему 2).

¹³⁷ См.: Accord sur la facilitation des échanges // Organisation mondiale du commerce. Conseil général. Décision du 28 novembre 2014. Doc. № WT/L/940.

¹³⁸ См.: Accord sur les obstacles techniques au commerce. URL: <https://www.wto.org>.

Схема 2

Принцип пропорциональности технических регламентов членов ВТО

Соглашение ВТО по техническим барьерам торговле**Статья 2 «Разработка, принятие и применение технических регламентов институтами центрального правительства»
(извлечение)**

<...> 2.2. Члены [ВТО] будут обеспечивать, чтобы разработка, принятие и применение технических регламентов не были направлены на создание и не влекли за собой создание ненужных препятствий международной торговле. Для этого технические регламенты не должны быть более ограничительными для торговли, чем это необходимо для достижения легитимной цели, с учетом рисков, которые могло бы повлечь ее недостижение. Данными легитимными целями, среди прочего, являются национальная безопасности, предотвращение действий, способных ввести в заблуждение, защита здоровья или безопасности людей, жизни или здоровья животных, сохранение растений или охрана окружающей среды. Для оценки данных рисков уместными факторами, которые, среди прочего, надлежит принимать во внимание, являются имеющиеся научные и технические данные, сопутствующие технологии переработки или способы конечного использования, предусмотренные для продуктов.

2.3. Технические регламенты не должны оставаться в силе, если обстоятельства или цели, которые обусловили их принятие, прекратили существование или изменились таким образом, что стало возможным соответствовать им способом, менее ограничительным для торговли.

Аналогичный принцип действует в праве ВТО в отношении санитарных и фитосанитарных мер государств, а именно:

– члены ВТО вправе принимать подобные меры только тогда, когда они «необходимы для защиты здоровья и жизни людей и животных и сохранения растений»;

– каждая подобная мера может применяться членами ВТО лишь в той степени, «в какой это необходимо» для достижения вышеуказанных целей, должна «базираться на научных принципах» и, как правило, «не должна оставаться в силе без достаточных научных доказательств»;

– лишь «в случаях, когда уместные научные доказательства будут недостаточными, член [ВТО] сможет временно принимать санитарные или фитосанитарные меры на базе имеющихся уместных сведений, в том числе исходящих от компетентных международных организаций, а также тех, которые вытекают из санитарных или фитосанитарных мер, применяемых другими членами. В подобных обстоятельствах члены [ВТО] будут стараться получить необходимые дополнительные сведения для проведения более объективной оценки риска и, соответственно, изучат [на предмет пересмотра или отмены] санитарную или фитосанитарную меру в разумный срок» (ст. 2 «Основные права и обязанности» и ст. 5 «Оценка рисков и определение адекватного уровня санитарной или фитосанитарной защиты» *Соглашения о применении санитарных и фитосанитарных мер 1994 г.*)¹³⁹.

В том, что касается обязательных требований государств на рынке услуг, *Генеральное соглашение ВТО по торговле услугами 1994 г.*¹⁴⁰ предусматривает соблюдение в секторах услуг, открытых для международной конкуренции, общих «критериев» регулирования по вопросам, в которых предприниматели сталкиваются с бюрократическими барьерами: «предписания и процедуры в области квалификаций [поставщиков услуг], технических стандарты [в отношении предоставляемых услуг] и предписания в области лицензирования».

Данные критерии тоже включают в себя элементы принципа пропорциональности. Предписания, процедуры и стандарты членов ВТО по указанным вопросам должны: «базираться на объективных и прозрачных критериях, таких как компетентность и способность предоставлять услугу»; «не быть более строгими, чем это необходимо для обеспечения качества услуги»; «в случае про-

¹³⁹ См.: Accord sur l'application des mesures sanitaires et phytosanitaires. URL: <https://www.wto.org>.

¹⁴⁰ См.: Accord général sur le commerce des services. URL: <https://www.wto.org>.

цедур лицензирования не выступать, сами по себе, ограничением на поставку услуги» (ст. VI «Внутреннее регулирование» ГАТС).

В целях детализации вышеперечисленных критериев специализированный орган ВТО – Совет по торговле услугами, уполномочен разрабатывать «дисциплины» для государств. В рамках этого полномочия, в частности, были подготовлены дисциплины общего характера и специальные дисциплины в отношении обязательных требований к поставщикам бухгалтерских услуг («Дисциплины в отношении внутреннего регулирования для всех услуг» 1999 г., «Дисциплины в отношении внутреннего регулирования в секторе бухгалтерских услуг» 1998 г.)¹⁴¹.

Наиболее ярким примером **наднациональных стандартов нормотворческой деятельности государств, действующих на региональном уровне**, является Директива 2006/123/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 12 декабря 2006 г. «Об услугах на внутреннем рынке», которая играет роль основ законодательства о правовом регулировании предпринимательской деятельности во всех государствах-членах этого интеграционного объединения¹⁴². Директива 2006/123/ЕС запрещает государствам-членам ЕС или ограничивает их полномочия издавать законы и подзаконные акты, устанавливающие обязательные требования к поставщикам услуг (как из других государств-членов, так и своим собственным поставщикам).

К числу запрещенных требований отнесено, например, применение так называемого «экономического теста, заключающегося в

постановке выдаче разрешения [лицензии или иного документа, дающего права заниматься предпринимательской деятельностью и предоставлять услуги в той или иной сфере] в зависимости от доказательства необходимости или потребности рынка, в оценке потенциальных или текущих экономических эффектов деятельности или в оценке адекватности деятельности по отношению к установленным компетентным органом целям экономического планирования» (п. 5 ст. 14 «Запрещаемые требования» Директивы 2006/123/ЕС).

Другие обязательные требования, например, требование определенной организационно-правовой формы (для юридических лиц), требование минимальной численности персонала, минимальные и (или) максимальные обязательные тарифы, допускаются вводить или сохранять лишь трех условий, одним из которых выступает принцип пропорциональности:

«Государства члены удостоверяются в том, что <...> соответствуют следующим условиям:

а) недискриминация: требования не являются прямо или косвенно дискриминационными в зависимости от гражданства, или в том, что касается хозяйственных обществ, от расположения их юридического адреса;

б) необходимость: требования обоснованы настоятельным соображением общего интереса;

в) пропорциональность: требования должны быть способны гарантировать достижение преследуемой цели, не выходить за рамки того, что необходимо для достижения этой цели, а другие менее жесткие меры не должны позволять достигать аналогичного результата» (ст. 15 «Подлежащие оценке требования» Директивы 2006/123/ЕС).

В строгие рамки поставлена и сама возможность государств-членов ЕС требовать от предпринимателей предварительного получения лицензии и аналогичного разрешения на осуществление деятельности, связанной с оказанием тех или иных

¹⁴¹ См.: Organisation mondiale du commerce. Conseil du commerce des services: Article VI:4 de l'AGCS: disciplines concernant les réglementations intérieures applicables à tous les services // Doc. № S/C/W/96, 1er mars 1999; Disciplines relatives à la réglementation intérieure dans le secteur des services comptables // Doc. № S/L/64, 17 décembre 1998. Подробнее см.: Luff D. Le droit de l'Organisation mondiale du commerce. Analyse critique. Bruxelles: Bruylant, 2004. P. 617–636.

¹⁴² См.: Directive 2006/123/CE du Parlement européen et du Conseil du 12 décembre 2006 relative aux services dans le marché intérieur // JO L 370 du 27.12.2006. P. 36.

услуг («разрешительный режим»). Согласно Директиве 2006/123/ЕС разрешительные режимы не только должны соответствовать вышеуказанным условиям недискриминации, необходимости и пропорциональности, но и о введении каждого подобного режима государства-члены должны отчитываться перед Европейской комиссией, которая при случае может привлечь к ответственности не соблюдающее их государство перед Судом ЕС с возможным наложением на него штрафных санкций; оспаривать разрешительные режимы на этом основании могут и заинтересованные физические, юридические лица путем подачи исков в национальные суды (в силу принципа верховенства права ЕС последние обязаны отдавать приоритет европейскому законодательству перед национальными законами и подзаконными актами).

Схема 3

Наднациональные стандарты ЕС в отношении разрешительных режимов осуществления предпринимательской деятельности

<p>Директива 2006/123/ЕС «Об услугах на внутреннем рынке» (извлечение)</p> <p>Глава I «Общие положения»</p> <p>Статья 4 «Определения»</p> <p>В целях настоящей Директивы:</p> <p>1) под «услугой» понимается <...> любая экономическая деятельность, не являющаяся наемным трудом, которая обычно осуществляется за вознаграждение; <...></p> <p>5) под «учреждением» понимается <...> фактическое осуществление экономической деятельности поставщиком [услуги] в течение неопределенного срока и посредством стабильной инфраструктуры, на основе которой реально обеспечивается предоставление услуги;</p> <p>6) под «разрешительным режимом» понимается любая процедура, которая приводит к возложению на поставщика или получателя [услуги] обязанности обратиться к компетентному органу за получением от него формального акта или подразумеваемого решения о доступе к деятельности по оказанию услуг или к ее осуществлению; <...></p>

Продолжение схемы 3

8) под «настоятельными соображениями общего интереса» понимаются соображения, признанные в подобном качестве судебной практикой Суда [ЕС]; они включают в себя следующие обоснования: общественный порядок, общественная безопасность, общественное здоровье, поддержание финансового равновесия системы социального обеспечения, защита потребителей, получателей услуг и работников, добросовестность коммерческих сделок, борьба с мошенничеством, охрана окружающей среды и городской среды обитания, здоровье животных, интеллектуальная собственность, сохранение национального исторического и художественного наследия и цели культурной политики; <...>

Глава III «Свобода учреждения поставщиков»

Отдел 1 «Разрешения»

Статья 9 «Разрешительный режим»

1. Государства-члены могут подчинять доступ к деятельности по оказанию услуг и ее осуществление разрешительному режиму лишь в том случае, если выполнены следующие условия:

- а) разрешительный режим не является дискриминационным по отношению к соответствующему поставщику;
- б) необходимость разрешительного режима обоснована настоятельным соображением общего интереса;
- в) преследуемая цель не может быть достигнута с помощью менее ограничительной меры, в частности потому, что последующий контроль [за поставщиком или получателем услуги] оказал бы воздействие слишком поздно, чтобы иметь реальную эффективность.

2. В предусмотренном в параграфе 1 статьи 39 [ст. 39 «Взаимная оценка»] докладе государства-члены указывают свои разрешительные режимы и мотивируют их соответствие параграфу 1 настоящей статьи. <...>

Статья 10 «Условия выдачи разрешения»

1. Разрешительные режимы должны основываться на критериях, которые ставят в четкие рамки осуществление компетентными органами права свободного усмотрения с тем, чтобы это право не использовалось ими произвольным образом.

2. Указанные в параграфе 1 критерии должны быть:

- а) недискриминационными;
- б) обоснованными настоятельным соображением общего интереса;

Окончание схемы 3

- с) пропорциональными этой цели общего интереса;
- д) ясными и недвусмысленными;
- е) объективными;
- ф) заранее обнародованными;
- г) прозрачными и доступными.

2. Условия выдачи разрешения на новое учреждение не должны дублировать требования и проверки, являющиеся эквивалентными или по существу сопоставимыми с точки зрения своей цели тем, которым поставщик уже был подвергнут в этом или другом государстве-члене. <...>

Статья 11 «Срок действия разрешения»

1. Выдаваемое поставщику разрешение не должно иметь ограниченного срока действия, за исключением следующих случаев:

- а) разрешение подвергается автоматическому возобновлению или подчиняется только условию о продолжении выполнения требований;
- б) количество имеющихся разрешений ограничено по настоящему соображению общего интереса; или
- с) ограниченный срок действия разрешения обоснован настоящим соображением общего интереса. <...>

Статья 12 «Отбор среди нескольких кандидатов»

1. Когда количество имеющихся разрешений на определенный вид деятельности ограничено ввиду нехватки природных ресурсов или используемых технических мощностей, государства-члены применяют процедуру отбора среди потенциальных кандидатов, которая предусматривает все гарантии беспристрастности и прозрачности, в частности, адекватное обнародование информации о начале процедуры, о ходе ее осуществления и об ее завершении. <...>

Статья 13 «Процедуры выдачи разрешения»

<...> 2. Процедуры и формальности выдачи разрешения не должны удерживать от желания предоставлять услуги либо неоправданно усложнять или задерживать предоставление услуги. Они должны быть легко доступными, а сборы, которые могут вытекать из них для ходатайствующих лиц, должны быть разумными и пропорциональными издержкам процедур выдачи разрешения и не превышать стоимости процедур. <...>

Разрешительные режимы – не единственный вид обязательных требований европейских государств, которые поставлены в наднациональные рамки со стороны законодательства ЕС. Другим заметным примером служат так называемые «регулируемые профессии»¹⁴³, т.е. такие виды экономической или иной профессиональной деятельности, для занятия которыми лицо должно обладать специальным дипломом или иной определенной в нормативных актах профессиональной квалификацией – архитекторы, врачи, пилоты и т.д.

С целью воспрепятствовать чрезмерному расширению списка регулируемых профессий европейскими законодательными институтами была издана специальная директива под названием *Директива (ЕС) 2018/958 от 28 июня 2018 г. «О контроле пропорциональности до принятия нового регулирования профессий»*¹⁴⁴.

Директива (ЕС) 2018/958 уточняет и конкретизирует критерии пропорциональности, установленные в судебной практике Суда ЕС, применительно к изданию государствами-членами ЕС нормативных актов, вводящих новые регулируемые профессии или ужесточающих требования к их представителям.

Государства-члены вправе и обязаны издавать подобные акты только исходя из факторов и требований, исчерпывающим образом перечисленных в ст. 7 «Пропорциональность» Директивы (ЕС) 2018/958: «характер рисков, связанных с преследуемыми целями общего интереса», «проверка недостаточности действующих специальных или общих правил», «надлежащий характер», «возможность прибегать к менее ограничительным мерам», «эволюция технологий и научный прогресс» и др.

¹⁴³ Regulated professions (англ.); professions réglementées (франц.).

¹⁴⁴ См.: Directive (UE) 2018/958 du Parlement européen et du Conseil du 28 juin 2018 relative à un contrôle de proportionnalité avant l'adoption d'une nouvelle réglementation de professions // JO L 173 du 9.7.2018. P. 25.

Вышеуказанные факторы и требования должны проверяться государствами-членами предварительно, до принятия соответствующего нормативного акта, а каждая подобная мера должна «сопровождаться разъяснением, которое является достаточно детальным чтобы оценить соблюдение принципа пропорциональности» (ст. 4 «Проверка ex ante новых мер и наблюдение» Директивы (ЕС) 2018/958).

Как и разрешительные режимы для поставщиков услуг, регулируемые профессии могут вводиться для достижения не любых целей, а только тех, которые отнесены к «настоятельным соображениям общего интереса»: общественный порядок, общественная безопасности, защита потребителей и т.д. При этом «мотивы чисто экономического или чисто административного характера не могут выступать настоящими соображениями общего интереса и оправдывать ограничение доступа к регулируемым профессиям или их осуществление (ст. 6 «Оправдание, мотивируемое соображениями общего интереса» Директивы (ЕС) 2018/958).

Литература

Accord sur la facilitation des échanges // Organisation mondiale du commerce. Conseil général. Décision du 28 novembre 2014. Doc. № WT/L/940.

Accord sur l'application des mesures sanitaires et phytosanitaires. URL: <https://www.wto.org>.

Accord sur les obstacles techniques au commerce. URL: <https://www.wto.org>.

Accord général sur le commerce des services. URL: <https://www.wto.org>.

Accord général sur les tarifs douaniers et le commerce (GATT de 1947).

Disciplines relatives à la réglementation intérieure dans le secteur des services comptables // Doc. № S/L/64, 17 décembre 1998.

Directive 2006/123/CE du Parlement européen et du Conseil du 12 décembre 2006 relative aux services dans le marché intérieur // JO L 370 du 27.12.2006. P. 36.

Directive (UE) 2018/958 du Parlement européen et du Conseil du 28 juin 2018 relative à un contrôle de proportionnalité avant l'adoption d'une nouvelle réglementation de professions // JO L 173 du 9.7.2018. P. 25.

Luff D. Le droit de l'Organisation mondiale du commerce. Analyse critique. Bruxelles: Bruylant, 2004. P. 617 – 636.

Organisation mondiale du commerce. Conseil du commerce des services: Article VI:4 de l'AGCS: disciplines concernant les réglementations intérieures applicables à tous les services // Doc. № S/C/W/96, 1er mars 1999.

Principes directeurs de l'OCDE pour la qualité et la performance de la réglementation, 2005. URL: <https://www.oecd.org>.

Recommandation du Conseil concernant la politique et la gouvernance réglementaires, 2012. URL: <https://legalinstruments.oecde.org>.

Recommandation du Conseil concernant l'amélioration de la qualité de la réglementation officielle. Adoptée le 9.3.1995. Appendice – Liste de critères de référence de l'OCDE pour la prise de décision en matière de réglementation. URL: <https://www.legalinstruments.oecde.org>.

A.O. Chetverikov

Doctor of Law, Professor, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

INTERNATIONAL AND SUPRANATIONAL STANDARDS OF RULE-MAKING ACTIVITY OF STATES

Annotation. One of the newest directions of international legal regulation of public relations is the establishment within the framework of international (intergovernmental) organizations and international integration associations of standards (criteria, conditions, best practices, etc.) with respect to rule-making activity of States. Using the examples of the most important international organizations and integration associations, the author examines the complex of existing standards and systematizes them. These are: advisory and binding standards; general legal standards and standards for legal regulation in certain areas, primarily in the economy; global and regional standards. The recommendations of the Organization for Economic Cooperation and Development (OECD), intended for voluntary application by all interested States, including

those outside the OECD, serve as a source of general legal standards of a recommendatory nature.

Further, author considers the binding standards of legal regulation of economic field, which are established at the global level in the agreements of the World Trade Organization (WTO) starting from the General Agreement on Tariffs and Trade of 1947. The most important example of binding standards operating at the regional level are the standards of the European Union (EU). These standards have a truly supranational character, since they are established by the supranational institutions of the EU within the competence delegated to them by the Member States of this integration association.

Key Words: Rule-Making; Standards; International Law; Supranationality; Principle of Proportionality; Permissive Regimes; Regulated Professions; Soft Law; Organization for Economic Cooperation and Development; World Trade Organization; European Union

В.М. Шумилов

*доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой
международного права
Всероссийская академия внешней торговли Министерства
экономического развития РФ (Москва)*

E-mail: mezhdekpravo@gmail.com

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ПРАВО – МОЖНО ЛИ ГОВОРИТЬ О НОВОЙ ОТРАСЛИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА?

Аннотация: В статье рассматриваются актуальные вопросы применения норм международного права (далее МП) в социальной сфере межгосударственных отношений. Автор исследует проблему полноты (достаточности/недостаточности) международно-правового регулирования этой сферы и ее содержания; выявляет международные договоры социальной направленности и исследует степень охвата заявленной темы международно-правовой наукой. В результате автор приходит к выводу, что многоаспектность наполнения социальной сферы превращает имеющийся международно-правовой массив, с научной точки зрения, в некую «супер-отрасль» МП. Он предлагает внести в научную систематизацию МП – вслед за понятием «отрасли» – еще одно понятие: понятие «супер-отрасли» как более крупную ступень системной организации МП.

Ключевые слова: международное право; реализация МП; нормативное правотворчество / правообеспечение; пробелы в МП; эффективность МП; международное правосознание; международный правопорядок; отрасль; супер-отрасль международного права.

Тема конференции тесно связана с понятиями «реализация МП», «нормативное правотворчество / правообеспечение», «пробелы в МП», «эффективность МП», «международное правосознание», «международный правопорядок».

Применение МП – наряду с правообеспечительным нормотворчеством – это всё деятельность государств в рамках «реализации МП, чтобы добиться нужного правопорядка. Такое вот соотношение терминов друг с другом.

В связи с этим, с одной стороны, можно поставить вопрос ШИРОКО:

1) с какой степенью полноты обеспечен современный международный правопорядок?

2) чего не хватает в нем для большей эффективности с точки зрения «правообеспечения» и «правоприменения»?

3) есть ли сферы межгосударственных отношений, которые явно недостаточно отрегулированы международным правом, и какие это сферы?

Понятно, что все эти вопросы находятся в поле зрения нашей международно-правовой науки и будут находиться в центре внимания.

Я бы хотел вычленил из этих, широко поставленных вопросов, ОДИН вопрос, сформулированный УЗКО. Он нацелен всего лишь на одну сферу межгосударственных отношений, а именно на так называемую «социальную сферу». В какой степени обеспечена сегодня международно-правовым регулированием эта сфера? Можно ли говорить о наличии в международно-правовой системе нормативного блока под условным названием «международное социальное право»?

Вот примерный ход размышлений на эту тему.

Тезис ПЕРВЫЙ

Если в качестве объекта/предмета исследования взять всю «международную систему», то и политологи, и экономисты-международники, да и многие юристы-международники, подразделяют ее на несколько подсистем – политическую (или военно-политическую), экономическую, социально-культурную.

В привязке к этим подсистемам сформировались и продолжают формироваться соответствующие институты, отрасли и подотрасли МП, составляющие его *систему*.

Важно иметь в виду, по крайней мере, два обстоятельства:

1) внутри «международной системы» нет четкой разграничительной линии между указанными подсистемами. И внутри *системы* МП многие отрасли «перехлестываются» друг с другом; включают в себя нормы и институты, попадающие одновременно в другие отрасли и институты;

2) очевидна тенденция на *приоритеты* в регулировании: сначала посредством МП в массе своей была отрегулирована военно-политическая сфера, потом – экономическая, и затем «очередь» дошла – или доходит – до социально-культурной.

Тезис ВТОРОЙ

Что входит в понятие «социальной сферы» отношений? – это можно попытаться проследить по ряду известных нормативных актов.

В Уставе ООН, например, есть неоднократные прямые указания на социальную проблематику, и в то же время ряд формулировок делают понятие «социальной сферы» размытым, нечетким.

Так, в Преамбуле Устава ООН говорится, что народы преисполнены решимости «содействовать *социальному прогрессу* и улучшению условий жизни». Чуть ниже в Уставе ООН говорится о «содействии экономическому и социальному прогрессу всех народов». «Социальный прогресс» – это форма развития общества; положительные преобразования в общественных отношениях, в жизни общества; восхождение к новым потребностям и возможностям их удовлетворения (= росту благосостояния), к более полной социальной справедливости и к социальному равенству, к благоприятным условиям развития человека в обществе.

В ст. 1 в качестве цели ООН обозначена цель «сотрудничества в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера». В ст. 13 закреплена компетенция ООН давать рекомендации «в целях содействия международному сотрудничеству в области экономической, социаль-

ной, культуры, образования, здравоохранения и осуществления прав человека и основных свобод для всех».

В главе IX «Международное экономическое и социальное сотрудничество» используется такая терминология:

– ст. 55 (п. 2): «разрешение международных проблем в области экономической, социальной, здравоохранения и *подобных проблем*». И рядом: содействовать «международному сотрудничеству в области культуры и образования»;

– ст. 57 (п. 1): «в области экономической, социальной, культуры, здравоохранения и *подобных областях*»;

– ст. 55 (п.1): в сфере «международного экономического и социального сотрудничества» ООН содействует «повышению уровня жизни, полной занятости населения и условиям экономического и социального прогресса и развития».

– ст. 63: областям «экономической, социальной, культуры, образования, здравоохранения и *подобным областям*»;

Несколько комментариев к приведенным фрагментам:

– «социальная сфера» тесно связывается с «экономической сферой», но, тем не менее, рассматривается как самостоятельная;

– понятие «социальной сферы» используется вместе с другими терминами, которые и так – сами по себе, по общему представлению, – входят в «социальную сферу», являются частью «социальной сферы»: образование, здравоохранение; используется термин «подобные области» – наверное, к «подобным областям» можно отнести и «культурную», «гуманитарную» сферы и многие другие;

– к «социальной сфере» – полностью или частично – относится всё, что связано с общественной жизнью (жизнью классов, групп, институтов) и жизнью людей, – включая производственные, трудовые, семейные отношения.

Очевидно, что к «социальной сфере» в той или иной части относятся такие явления, как: религия, СМИ, интернет, туризм, вопросы безработицы, миграции, демографии, преступности, науки, техники, искусства, идеологии, борьбы с социальными болезнями

(наркотики, табакокурение, алкоголизм и пр.), национальных ценностей.

Именно в «социальной сфере» наиболее ярко проявляются и закрепляются цивилизационные особенности народа, общества.

Многие из этих сфер регулируются большим количеством международных договоров и прочих актов – на многостороннем, региональном и двустороннем уровнях.

Примеры таких актов: Соглашение об информационном взаимодействии государств-участников СНГ в области цифрового развития общества 2020 г.; Соглашение об учреждении и функционировании Сетевого университета СНГ 2020 г.; Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся государств-членов ЕАЭС 2019; Соглашение о сотрудничестве государств-участников СНГ в области музейного дела 2019 г.; Соглашение по укреплению международного арктического научного сотрудничества 2017 г.; Соглашение о сотрудничестве государств-участников СНГ в области предотвращения и ликвидации чрезвычайных ситуаций 2015 г.; Соглашение о единых принципах и правилах обращения лекарственных средств в рамках ЕАЭС 2014 г.; Международная конвенция о борьбе с допингом в спорте 2005 г.; Соглашение о сотрудничестве в распространении массовой информации 2002 г.; Соглашение о сотрудничестве в решении проблем инвалидности и инвалидов 1996 г.; Соглашение об обмене правовой информацией 1994 г.; Соглашение о сотрудничестве в области культуры 1992 г.; Европейская хартия местного самоуправления 1985 г.; Конвенция о признании учебных курсов, дипломов о высшем образовании и ученых степеней в государствах региона Европы 1979 г.; Соглашение о сохранении белых медведей 1973 г.; Конвенция о психотропных веществах 1971 г.; Устав Всемирного почтового союза 1964 г.; Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам 1959 г.; Европейская культурная конвенция 1954 г.; Конвенция о дорожном движении 1949 г.; Международная конвенция об использовании радиовещания в интересах мира

1936 г.; Международная конвенция электросвязи 1947 г. Декларация социального прогресса и развития (рез. ГА ООН 2542 (XXIV)) и другие документы.

Очень много групп отношений, касающихся «социальной сферы», перечислено в Генеральном соглашении по торговле услугами (ГАТС), хотя выделенные десятки секторов услуг социальной направленности связываются с международной торговлей. Следует помнить и об огромном массиве межведомственных международных договоров.

Их этих примеров видно:

1) насколько разнообразна проблематика «социальной сферы» в международных отношениях;

2) что эта сфера регулируется отдельными актами, хотя они – по разным вопросам – носят, скорее, единичный, несистемный характер. И все-таки в каких-то случаях набирается довольно источников, чтобы, благодаря им, в международном праве формировались отдельные отрасли, институты и прочие нормативные блоки – части чего-то *общего, целого*. Именно все эти совокупности норм и запрашиваются назвать их «международным социальным правом».

Международно-правовые нормы регулируют во всех сферах отношений (в том числе и в «социальной сфере»), как минимум, две группы отношений:

– отношения, касающиеся поведения самих государств;

– и отношения, касающиеся внутреннего права этих государств.

Первая линия воздействия – это воздействие на государства; вторая линия – воздействие на национальные системы права, их корректировку, изменение, унификацию, гармонизацию. Следует иметь в виду также роль норм международного права, действующих внутри национального права, как инкорпорированная часть правовой системы государства.

Именно этот – второй – аспект наиболее заметен и важен в «социальной сфере» отношений, так как сама она ближе непосредственно к человеку, к обществу, где важно конкретное (иногда точечное) регулирование отдельных отношений, вопросов.

Тезис ТРЕТИЙ

Судя по приведенным выше примерам международных актов, касающихся «социальной сферы», можно утверждать, что реальное международное право отзывается на потребности в регулировании данной сферы. Регулирование ПРОИСХОДИТ, пусть и медленно, фрагментарно.

Всё это подтверждает, что *правообеспечительная* функция международного права РАБОТАЕТ, и в международно-правовой системе формируется блок норм, институтов, подотраслей и отраслей, которые укрепляют международный правопорядок в «социальной сфере» отношений.

Как отзывается на эти обстоятельства международно-правовая наука? Что «говорит» она о полноте регулирования «социальной сферы»?

Какие институты, подотрасли, отрасли «завязаны» на «социальную сферу» (подсистему) МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЫ в целом?

Можно посмотреть – для общего представления о ситуации, – на какие темы «социального» звучания защищены диссертации в России в недавнем прошлом¹⁴⁵.

¹⁴⁵ См.: Газизова А.Ш. Международно-правовая охрана традиционных знаний и традиционных выражений культуры : дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2021 ; Валиуллина И.Ф. Региональные языки и языки меньшинств : международно-правовая защита : дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2021 ; Барабанова Е.А. Международно-правовое и внутригосударственное противодействие допингу в спорте : дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2019; Гречухина М.А. Регулирование свободы совести и вероисповедания в европейском праве. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2019 ; Мураталиева Ж.К. Международно-правовое регулирование организации и проведения международных выставок : дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2018 ; Бердникова Д.Б. Международно-правовой механизм обеспечения реализации права на образование : дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019 ; Микрина В.Г. Международно-правовые механизмы трудовых прав наиболее уязвимых групп населения : дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2019 ; Видинеев Д.И. Прогрессивное развитие института международно-правовой защиты культурных ценностей : дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2019.

Есть диссертации, посвященные международно-правовому регулированию: использования пресной воды (2016); труда женщин (2008); защиты прав инвалидов (2016); права на здоровье (2015); права на жизнь (2009); права на высшее образование (2015); противодействия преступности (2015); защиты компьютерной информации (2006); защиты персональных данных (2006); внешней миграции (2001); формированию международного природоресурсного права (2016) и др.

Процесс формирования новых институтов, подотраслей и отраслей международного права все-таки отчетливо, как представляется, тяготеет к подсистемам МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЫ – политической (или военно-политической), экономической, социальной (или социально-культурной), хотя многие нормативные блоки находятся на границах указанных подсистем, несут комплексный характер и как бы требуют отдельной «полочки» при их систематизации.

Это означает, что в современных условиях преподавая международное право студентам в вузах нельзя/нереально охватить ВСЕ нормативные блоки (отрасли, подотрасли, институты). Самое рациональное в методике преподавания международного права – это отталкиваться от понятия «МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЫ»; раскрывать международное право как часть «международной системы», в привязке к подсистемам;

– сначала, например, нормативные блоки в *политической* подсистеме (право внешних сношений, право международной безопасности и др.);

– потом – в *экономической* (международное торговое право; международное финансовое право; международное инвестиционное право и др.);

– потом – в *социальной*,

и таким образом вводить студентов в систему международного права с уклоном в будущие потенциальные практические нужды. У вуза, факультета, кафедры; у отдельного преподавателя есть воз-

можность усилить специализацию в подаче дисциплины МП своим подбором нормативных блоков, а остальное оставить на самостоятельное изучение студентами/аспирантами.

Какие же нормативные блоки (институты, подотрасли, отрасли) должны – или могут – входить в состав международно-правового обеспечения «социальной сферы» отношений? Многие названия уже фигурируют в научной литературе, в диссертациях, монографиях, пособиях. В их числе: международное медицинское право; международное образовательное право; международное спортивное право; международное трудовое право; международное миграционное право; международное семейное право; международное информационное право (более современное название: «международное цифровое право»); международное туристское право; международное уголовное право; право международного социального обеспечения; право международного научно-технического сотрудничества; право международного культурного сотрудничества (другие названия – международное право культуры; международное культурное право), и другие¹⁴⁶.

Нет сомнений, что международно-правовое регулирование будет проникать вглубь национальных правовых систем, охватывая все более конкретные («мелкие») группы отношений, унифицируя внутреннее право по все более широкому фронту «социальной

¹⁴⁶ См.: Бирюков П.Н. Международное право : учебник для бакалавров. 10-е изд., перераб. и доп. : в 2 т. М., 2019. Т. 1. 365 с. ; Т. 2. 290 с. ; Лукашук И.И. Международное право. Общая часть : учеб. для студентов юрид. фак. и вузов. ; Рос. акад. наук, Ин-т государства и права, Академ. правовой ун-т : изд. 3-е, перераб. и доп. М., 2005. 432 с. ; Международное право : учебник для бакалавров / отв. ред. Р.М. Валеев, Г.И. Курдюков. М., 2017 ; Международное право : учебник / Б.М. Ашавский, М.М. Бирюков, В.Д. Бордунов и др. ; отв. ред. С.А. Егоров. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2014 ; Международное право : учебник для академического бакалавриата / И.В. Гетьман-Павлова, Е.В. Постникова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2018. 560 с. ; Шумилов В.М. Международное экономическое право : учебник для магистров. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2019. 612 с. ; Шумилов В.М. Международное право : учебник. М., 2007. 485 с. ; и др.

проблематики» (и, может быть, дойдет в этом до когда-то прогнозируемого в шутку «международного банно-прачечного права»).

Таким образом, изложенное позволяет сделать следующие выводы.

1. Нормативное обеспечение международной сферы «социальных» отношений (в широком смысле слова «социальный») идет в международно-правовой системе довольно заметно и активно: формируются новые институты, подотрасли, отрасли, которые *применяются* наряду с рядом устоявшихся и признанных наукой нормативных блоков.

2. В результате укрепляется международный правопорядок в «международной социально-культурной подсистеме».

3. Вместе с тем, в международно-правовом регулировании международной «социальной сферы» отношений еще много пробелов; отсутствует системность и полнота регулирования; формирование и развитие указанных нормативных блоков будет продолжаться в предстоящие годы; будут появляться новые нормативные блоки.

4. Вряд ли можно объединить все выявленные нормативные блоки под одним названием «международное социальное право» и признать это образование «*отраслью* международного права», поскольку она объединяет слишком широкий спектр вопросов. Видимо, под термином «международное социальное право» следует понимать совокупность норм с искусственно ограниченным охватом (скажем, для удобства – только медицинского и образовательного права), либо отказаться от такого понимания отрасли вовсе.

5. Все высказанные соображения заставляют по-новому взглянуть на наши представления о *системе* международного права, в которой уже сформированы и продолжают формироваться десятки отраслей. Предлагается, все «родственные» друг другу – близкие по содержанию/тематике – отрасли объединить, с научной точки зрения, в некие «супер-отрасли», т.е. нормативные образования следующего за «отраслями» уровня систематизации. И в этом случае система МП состояла бы из норм, институтов, подотраслей,

отраслей и «супер-отраслей». При таком подходе все отмеченные выше отрасли, регулирующие с разных точек зрения вопросы международных «социальных» отношений, можно было бы – в научном плане – объединить в «супер-отрасль» под названием «международное социальное право». Таким образом, в системе МП «отрасли» международного социального права **НЕТ**, а «супер-отрасль» международного социального права – **ЕСТЬ**.

Соответственно все нормативные блоки (институты, субинституты, подотрасли, отрасли, регулирующие межгосударственные отношения в **военно-политической** подсистеме *международной системы* можно было бы объединить понятием супер-отрасли под условным названием, например, «право международной безопасности и международного правопорядка». Все нормативные блоки, регулирующие различные сектора межгосударственных отношений в **экономической подсистеме** *международной системы*, составляют супер-отрасль *международного экономического права* (при таком видении системы МЭП можно признать за *международным торговым правом, международным финансовым правом, международным инвестиционным правом* и некоторыми другими составляющими МЭП качество самостоятельных отраслей МП, – объединенных в супер-отрасль.

Литература

Барабанова Е.А. Международно-правовое и внутригосударственное противодействие допингу в спорте : дисс. ... канд. юрид. наук. Специальность 12.00.10 – Международное право; Европейское право. – Казань, 2019.

Бердникова Д.Б. Международно-правовой механизм обеспечения реализации права на образование : дисс. ... канд. юрид. наук. Специальность 12.00.10 – Международное право; Европейское право. – Екатеринбург, 2019.

Бирюков П.Н. Международное право : учебник для бакалавров / П.Н. Бирюков. – 10-е изд., перераб. и доп. : в 2 т. – М. : Юрайт, 2019. – Т. 1. – 365 с. ; Т. 2. – 290 с.

Валиуллина И.Ф. Региональные языки и языки меньшинств: международно-правовая защита : дисс. ... канд. юрид. наук. Специальность 12.00.10 – Международное право; Европейское право. – Казань, 2021.

Видинеев Д.И. Прогрессивное развитие института международно-правовой защиты культурных ценностей. Специальность 12.00.10 – Международное право; Европейское право : дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2019.

Газизова А.Ш. Международно-правовая охрана традиционных знаний и традиционных выражений культуры : дисс. ... канд. юрид. наук. Специальность 12.00.10 – Международное право; Европейское право. – Казань, 2021;

Гречухина М.А. Регулирование свободы совести и вероисповедания в европейском праве : дисс. ... канд. юрид. наук. Специальность 12.00.10 – Международное право; Европейское право. – М., 2019;

Лукашук И.И. Международное право. Общая часть : учеб. для студентов юрид. фак. и вузов / И.И. Лукашук. – Изд. 3-е. – М. : Волтерс Клувер, 2005. – 432 с.

Международное право : учебник для бакалавров / отв. ред. Р.М. Валеев, Г.И. Курдюков. – М. : Статут, 2017.

Международное право : учебник / Б.М. Ашавский, М.М. Бирюков, В.Д. Бордунов и др. ; отв. ред. С.А. Егоров. 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Статут, 2014.

Международное право : учебник для академического бакалавриата / И.В. Гетьман-Павлова, Е.В. Постникова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2018. – 560 с.

Микрина В.Г. Международно-правовые механизмы трудовых прав наиболее уязвимых групп населения : дисс. ... канд. юрид. наук. Специальность 12.00.10 – Международное право; Европейское право. – М., 2019;

Мураталиева Ж.К. Международно-правовое регулирование организации и проведения международных выставок : дисс. ... канд. юрид. наук. Специальность 12.00.10 – Международное право; Европейское право. – М., 2018;

Шумилов В. М. Международное экономическое право : учебник для магистров / В.М. Шумилов. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2019. – 612 с.

Шумилов В.М. Международное право : учебник / В. М. Шумилов. – М. : Велби, 2007. – 485 с.

V.M. Shumilov

Doctor of Law, Professor, Head Department of International Law
All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic
Development of the Russian Federation

INTERNATIONAL SOCIAL LAW – CAN WE TALK ABOUT A NEW BRANCH OF INTERNATIONAL LAW?

Annotation. The article deals with topical issues of the application of the norms of international law (hereinafter IL) in the social sphere of interstate relations. The author examines the problem of completeness (sufficiency/insufficiency) of international legal regulation of this sphere and its content; identifies international treaties of a social orientation and examines the degree of coverage of the declared topic by international legal science. As a result, the author comes to the conclusion that the multidimensional content of the social sphere turns the existing international legal array, from a scientific point of view, into a kind of “super-branch” of international law and, accordingly, suggests introducing another term into the scientific systematization of international law – after the term of “branches” – the term of “super – branches” as a larger step of the systemic organization of international law.

Key words: international law; implementation of international law; normative law-making / legal support; gaps in international law; effectiveness of international law; international legal awareness; international law order; branch; super-branch of international law

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ПРИМЕНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА**

Материалы международного круглого стола
(Воронеж, 1–2 июля 2021 г.)

Издано в авторской редакции
Компьютерная верстка *Е. Е. Комаровой*

Подписано в печать . . . 2021. Формат 60×84/16.
Уч.-изд. л. . . Усл. п. л. . . Тираж 300 экз. Заказ 612

Издательский дом ВГУ
394018 Воронеж, пл. Ленина, 10
Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ
394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3